

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантастика

№ 1 / 2020

Март - Август

**В следующем выпуске
литературного приложения:**

Повесть

Виктор Ларин

«Глыба» (окончание)

Рассказ

Ярослав Хотеев

«Недетские игрушки»

Рассказ

Инна Девятаярова

«Человек, который научился читать»

Рассказ

Алексей Леви

«Точка разрыва»

Рассказ

Дмитрий Шатилов

«Надо жрать»

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантастика

*Литературное приложение
к ежемесячному
научно-популярному
и научно-художественному
журналу «ЗНАНИЕ-СИЛА»*

№ 1/2020

№ 1 (30)
Издается с 2006 года

www.znanie-sila.ru

Зарегистрировано 03. 08. 2006 года
Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-25240

Учредители

П. Н. Ртищев
АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»

Генеральный директор
АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»

И. Харичев

Журнал издается при участии
холдинговой компании
«Вест-Консалтинг»

Редакция

И. Харичев (шеф-редактор)
Е. Степанов (заместитель шеф-редактора)
П. Ртищев
Е. Харитонов

Макет

Т. Иваншина
А. Глазов

Обложка

в оформлении использован
рисунок Reimund Bertrams
с сайта Pixabay.com

Компьютерная верстка

И. Ракина

Подписано к печати 28.02.2020
Формат 60x90/16.
Печать цифровая
Печ. л. 8,25. Усл. печ. л. 10,4.
Уч.-изд. л. 11,9. Усл. кр.-отг.
31,95.
Тираж 200 экз.

Адрес редакции:
115114, г. Москва,
ул. Кожевническая, д. 19,
строение 6

Телефон: (499)235-89-35
Факс: (499)235-02-52
E-mail: zn-sila@ropnet.ru

**Рукописи не рецензируются
и не возвращаются**

Цена свободная

Отпечатано в АО «Т8 Издательские
технологии»
109316, г. Москва,
Волгоградский пр-т, д.42, корп.5
Тел.: (495)322-38-31

СОДЕРЖАНИЕ

БУДУЩЕЕ

- 3** *А. Голиков*
Волк среди овец
- 15** *А. Хабарова*
Мусорщик
- 24** *В. Ларин*
Глыба (повесть)

КОСМОС

- 54** *М. Нугманова*
Сам себе Парамон
- 61** *В. Кириллов*
Межгалактическая скорая помощь

ИНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ

- 93** *А. Юдин, С. Юдин*
Курьи ноги (повесть)
- 107** *Д. Игнатов*
Капелька триумфа

ЮМОРКОН

- 114** *М. Никитин*
Слово в защиту машины времени
- 122** *А. Смирнов*
Мысль
- 126** *И. Харичев*
Очередная война с американцами

Александр Голиков

Волк среди овец

— Нет, я против этих нововведений, — бурчал Дженсон Престон, впалощекий старик, покуливавший трубочку с янтарным чубуком. — Тюрьма — она и есть тюрьма. Отбытие наказания. Отдал долг обществу — и на свободу с чистой совестью. А эти подкожные чипы... Брр, этак-то до беды недалеко!

— Почему вы так думаете? — прыткий молодой журналист по имени Дарен Сайкилл, розовощекий, излишне самоуверенный, в пятый раз мысленно перекраивал план беседы с Престоном, старым поэтом, путешественником, исследователем космических пространств. Старик как-то так ловко постоянно направлял русло беседы в нужную ему сторону, а Сайкилл вынужден был плестись в хвосте и выяснять для себя совсем не то, что запланировал. В голове его птицей металось золотое правило интервьюера: «Собеседник должен говорить то, что он не хочет говорить». Но как заставить старика это сделать, когда он попросту не замечает вопросов журналиста и бормочет только о том, о чем ему хочется?

— Поди, говорю не совсем то, что тебе хочется услышать, сынок? — лукаво глянул из-под кустистых седых бровей Престон. — Уж извини, уважь старость: мы, старики, любим поговорить. А ты слушай, записывай на пленку, потом обкорнаешь как надо, интервью получится — ай, разлюли-малина!

— Мне бы хотелось о космических далях... — почти умоляюще начал Дарен.

— А мне бы хотелось о людях, — безжалостно отрубил поэт и путешественник. — А мне бы хотелось о людях. Что они тебе дались, эти дали? Холод, тьма. А неосвоенные планеты? О, они бывают очень свирепы к пришельцам. Где-то клокочут лавовые океаны, способные поглотить целые флоты своей огнедышащей геенной, и целые протуберанцы вылетают к черному небу из их недр, словно плевки в лицо тем смельчакам, которые осмелятся заглянуть в этот кипящий ад. Где-то, под густыми, почти непробиваемыми для света звезды облаками катит воды вековечный океан, скрывающий таких чудовищ, по сравнению с которыми наша белая акула или касатка — просто детские игрушки. Где-то обитают хищные, плотоядные растения, образующие целые живые джунгли, могущие быть куда опаснее высокотехнологичных флотов высших рас.

— Вот, вот! — ободрился Сайкилл.

— Чего — вот-вот? — пыхнул трубкой Престон. — Вот, вот! Это все ведь — декорация, не более. А играет свою маленькую рольку в этой

декорации человек. Маленький, слабый человек со своими страстишками, своими страхами и комплексами.

— Ну уж — маленький человек! — сморщил веснушчатый нос Сайкилл. — Мы построили космические корабли и пересекли космическую бездну. Мы сотворили думающий компьютер. Мы решили проблему голода. Мы колонизировали столько планет. Есть ли что-нибудь, что может остановить человечество на пути познания, в конечном итоге: на пути его господства над Вселенной?

— Есть, сынок! — усмехнулся в усы Престон. — Еще как есть! И это не супер-инопланетяне, которых мы пока не видали... Большинство человеческой расы не видало... Помимо них, есть мы сами. Наша собственная глупость. Вот то, что не только затормозит нашу экспансию, но и может грозить гибелью роду человеческому. Вот с чем прежде всего надо бороться! С глупостью, надменной гордыней и безграмотностью! Эх, люди, люди! Столько веков, тысячелетий существуем мы на Земле, а так и не научились извлекать уроки из своих ошибок! Ай-ай! Так и не было осознано и отдельными индивидуумами, и целыми народами, и их правителями, что отдельный человек, человеческая единица — вот высшая ценность! И тот, кто переступит через отдельного человека, свершит непоправимое зло!

— Непоправимое зло? — нахмурился Сайкилл. — Вы же, вроде, мистер Престон, про подкожные чипы говорили. Что-то я вас не понимаю.

— Я говорил не просто про подкожные чипы! — помахал трубкой Престон. — Я говорил про те подкожные чипы, что устанавливаются в головы осужденных убийц. Такой убийца после вживления датчика становится беспомощным, как таракан. Как только он собирается ударить хоть кого-нибудь из людей, он тут же испытывает жесточайший, невыносимый приступ боли.

— Но таким образом общество можно навсегда обезопасить от этого человека! — возмутился Сайкилл. — Разве вы не понимаете? Вот, положим, убийца отсидел положенный ему срок. Ведь смертной казни у нас нет, а пожизненное заключение мало кому назначается, у нас очень гуманная система. Кто гарантирует общество от того, что у отсидевшего свой срок убийцы не будет рецидива? Да и вообще, можно ли гарантировать изменение человеческой личности при помощи тюрьмы? Тюрьма — это клетка, неволя, только лишь ожесточающая человеческие души. А так все решается очень просто, с помощью маленькой хирургической операции. И все! Нормальные люди навсегда избавлены от того, кто хотя бы один раз покусился на человеческую жизнь.

— Расчудесно! — кивнул Престон. — А что, если такой человек будет убивать не людей, а, скажем, животных? Вам не жалко бедных кошек и собак, которым он будет выпускать кишки?

— Это несерьезно! — скривился Сайкилл. — Во-первых, этих так называемых друзей человека на Земле почти что уже нет. Их вытеснили роботобразные игрушки. А во-вторых, подкожный чип можно отлично доработать, чтобы убийца не мог причинить вред ни единому живому существу, не только человеку.

— Это что, парень не сможет даже комара прихлопнуть, который его кусает? — крикнул Престон. — А ты не считаешь, что эта идея в самом своем корне бесчеловечная и жестокая, гораздо более жестокая, чем посадка

ослушников в тюрьмы, пусть даже и планетарные, когда преступников вывозят куда-нибудь в ледяные пещеры наподобие Дакона?

— Не считаю! — Сайкилл даже покраснел. — Как же... Ведь убийце не грозит тюремное наказание! Более того, существуют негласные приговоры, судя по тяжести совершенного злодеяния. Ведь про то, что в голове у человека чип, может и никто не знать.

— А как ты думаешь, — хитро улыбнулся Престон, — чувствует себя такой человек, которому бог знает что вшили в голову?

— Во-первых, — затараторил Сайкилл, — я не убийца, чего это я должен представлять, как чувствуют себя эти негодяи? Вот не убивал бы, так и чип в голову бы не вшивали. А во-вторых, мистер Престон, в наш век технологий людям пришивают новые кибернетические руки и ноги, вшивают даже электросердца. Это то же самое!

— Нет! — решительно рубанул ладонью воздух поэт и путешественник. — Не то же самое! Я тебе расскажу одну историю. Случилась она на Адре, знаешь, такая маленькая планетка. Там есть несколько человеческих поселений. Никаких мега-городов, такие большие деревни, все друг друга знают. Жил там некто... Ну, скажем, Смит. Да, пусть будет Смит, не хочу раскрывать настоящего имени этого человека. Жил, не тужил, молодой парень, ухаживал за девушками, и вот как-то на одной дискотеке подрался из-за одной. Мэн Ли, первая красавица, блондинка, пухлые губки, ветрена, капризна и своенравна, как сам черт. Ну, ты понимаешь, в таких-то как раз мы и влюбляемся. И вот наш Смит подрался из-за нее с неким Вестом Прешелом. Нет, Смит, всячески избегал этой потасовки, но Прешел его вынудил. Какого же было изумление зевак (а ты знаешь, сколько существует человеческой падали, по-другому и назвать этого не могу, которых хлебом не корми, дай поглазеть на что-нибудь кровавое, причем даже если случится кровавое месиво, эта падаль будет стоять, глазеть, снимать на видео, чтобы потом выложить материалы в местной сети, но и пальцем не пошевелит, чтобы вызвать врача), когда Смит, замахнувшись на Прешела, вдруг свалился на землю с воплем, что его голова раскалывается на куски. Симптом столь очевидный (когда программу эту только вводили, уж очень много было рекламы, в основном, как определить человека с чипом в толпе), что ни у кого и сомнений не возникло. Но каков Смит! Тихоня, особо дружбы ни с кем не водил, книжки читал, учился, родители не нарадуются, и вдруг такое! Как, что, где, когда? Понятное дело, парень с друзьями и подругами откровенничать не стал, но предкам открылся. Ужасающая нелепость! Он какое-то время работал в одной компании, что перебрасывала грузы с планеты на планету. И вот он там с приятелями, что называется, пошалил. Знаешь, как это по молодости и глупости бывает!

— Не знаю! — немедленно вернул Сайкилл и густо покраснел.

— Конечно, не знаешь! — на лице Престона промелькнула тень неудовольствия. — Ну, знаешь, существуют такие штуковины: автопогрузчики. По началу такие простенькие были, на рычагах. Но ведь нашим умникам повсюду подавай компьютерную начинку, так что теперь даже простой автопогрузчик по сложности своих электронных мозгов не уступает бортовому компьютеру военного крейсера. Ну, а то, что очень сложно, ломается

чаще, чем что-либо простенькое. Я сейчас имею в виду механизмы. В общем, уселся наш Смит на такой автопогрузчик и решил продемонстрировать класс. В итоге он не справился с управлением, так какой-то пшик произошел в компьютерных мозгах, и одного его товарища эта штуковина раздавила насмерть. Прижала к стене, раздробила грудную клетку, поломанные ребра вонзились в легкие. Парень тут же, не приходя в сознание, отдал концы. Непредумышленное убийство! Сам знаешь, на военниках ли, на транспортниках или пассажирских космических странниках человеком, который может регистрировать браки, судить, казнить или миловать в экстренных ситуациях, по уставу является капитан корабля, ну, если он по каким-то причинам не может выполнять эти функции, то его помощники. Тот капитан был человек неплохой, но буквоед страшный. Хотя и его понять можно, убийство есть убийство, но, в общем-то, несчастный случай. В общем, в ближайшем космопорту он сдал Смита в отдел по ассимиляции оступившихся, так, кажется, называется эта служба?

— ОАО, да, — кивнул головой Сайкилл.

— В общем, на корабле парня судили, — продолжал неторопливо повествовать Престон, — товарищи его за него заступались, надо отдать им должное. Но рассказали, как дело было, честь по чести. Капитан-буквоед, несмотря на то, что автопогрузчик тот разобрали, выяснили, что там было что-то вроде короткого замыкания, был прилежен букве закона и трактовал происшедшее как непредумышленное убийство. С тем Смит и поступил в тот отдел. Правда, с оговоркой: вживление чипа осуществить в тайне, потому как таковы обстоятельства дела.

— И что, с тех самых пор на Адре никто не знал об этом происшествии? — удивился Сайкилл. — Ведь люди довольно болтливы, а уж такие сплетни стремятся разнести...

— А кто бы сказал? — удивился Престон. — Транспортник не из этой галактики, головной офис компании базируется вообще у черта на куличках. Весь его экипаж — тоже чужие люди. Да ты, наверное, знаешь, что транспортники сейчас вообще предпочитают на планеты не садиться, загружаются и выгружаются или на околопланетных станциях, или прямо с корабля на корабль. Вот ведь тоже, кто-то из правительства озаботился, что вот де экипажи военных и транспортных кораблей проводят слишком много времени в барах и борделях на планетах, чем создают постоянную клиентуру для этой заразы. А ведь с пьянством, наркоманией и проституцией у нас борется каждый мало-мальский лидер, любую планету называй, не ошибешься! А что, если не сажать корабли, по крайней мере, транспортные, без необходимости на планеты? Этак уменьшится приток клиентов в борделях, а когда нет спроса, нет и предложения. Тоже мне, умники! Так что так, кто бы, кроме самого Смита, поведал о его беде? Ан оно вон как наружу вылезло, случайно.

Дженсон Престон пыхнул трубкой и спрятал свое лицо в сизоватом, приятном на запах облачке.

— Как ты думаешь, что произошло потом? — осведомился он у Сайкилла.

— Да тут и гадать нечего! — скривился журналист. — Он стал изгоем. Может быть, несправедливо.

— Изгоем, говоришь? — Престон отложил трубку в тяжелую медную пепельницу. — Да нет, сынок, если бы он стал изгоем, я тебя уверяю, он был бы счастлив! Для начала от него отреклись родители. Знаешь, в маленьких поселениях всегда излишнее значение придается общественному мнению. Мол, чего люди скажут. Оно и понятно, все кругом соседи, все друг друга знают, вся жизнь на виду. Эхма! Что люди скажут, а? Да люди всегда говорили, и будут говорить только плохое! Ты хоть на голову стань, спаси миллионы жизней, все равно наградой тебе будет черная зависть и гнусные сплетни. А тут сын все-таки... В общем, ему было отказано от дома. Ты мол, нас опозорил, чтоб ноги твоей здесь не было. Вот так. Работал наш Смит на заводике местном — и с него поперли. На учење можно было ставить крест. Ты знаешь, он мог бы и ничего не рассказывать, мог бы со всеми и каждым поделиться этим несчастным случаем, ситуация сильно бы не изменилась. В головах людей тот, что носит в своей голове чип — убийца. Страшное слово! В одно мгновение между ним и другими обитателями городка словно стена невидимая выросла. Никто не желал говорить, из кафетериев и заведений фастфуда попросту гнали: «Гнусным убийцам не место среди нормальных людей!» Знаешь, он моментально покрывлся гнусными слухами, точно прокаженный коростой. Он уже не только одного человека убил в людской молве, а прямо-таки десятки. Маньяк! Детей душил! Женщин насиловал! Знаешь, оно хоть и невероятно звучит, но оставляется неприятный след в душе того, кто выдумки подобные слушает. А главное, эта неспособность никого ударить. Знаешь, своего рода каинова печать. Вот ведь как раньше было. Человека придают суду, он свой срок мотает. Но у него ведь на лице не написано, что он в тюрьме сидел. А если в документах и отражено, то ведь прям так сразу не пишется, за что. А тут... Тут словно уродство внешнее, явное. Все друзья мигом отвернулись, квартиру нигде не снимешь, провианту, понимаешь, никто не продает. Вот ситуация, хоть ложись, да помирай! А гордый, ни каяться перед людьми, ни побираться не хочет. Так что взаправду ложись, да помирай.

Престон помолчал, выпуская витиеватые колечки.

— Однако всеобщей обструкцией страдания Смита не кончились, — продолжил свое повествование поэт и путешественник. — Ведь он в глазах людей был убийцей. И, в то же время, беззащитной овцой. Ведь он не мог никого ударить. И всего лишь вопросом времени было, когда найдется какой-нибудь подонок или подонки, которые прилюдно ли, или в темном переулке начнут его безжалостно избивать. В нашей ситуации такой очень быстро нашелся. Вест Прешел. Он, как гончая, обегал городок и нашел-таки нашего Смита, который все еще пытался отыскать чего-нибудь поесть. К чертовой матери, драпать надо было оттуда, драпать, и планета все-таки не один городок, да и космос велик! А он на что-то еще надеялся, пытался кому-то что-то доказать, гордился. И под покровом темноты рылся в помойке одного из ресторанов. Тут его Вест с приятелями и нашел.

«Убийца! — закричал ему Прешел. — Гнусный человекоубийца! Вот здесь тебе самое место, среди отбросов. Тебе не жить среди нормальных людей!»

И пока Смит то, да се, пошел его колошматить. Вместе с приятелями отходили так, что он едва тут же, на месте, не отдал богу душу.

«Еще раз увидим в городе — прикончим!» — пообещали Вест с приятелями и испарились.

— Гнусный типчик, Вест! — высказал свое мнение Сайкилл. — Хотя, может быть, любовь, ревность... От ревности человека бросает на разные гадости, что же делать.

— Бросает! — усмехнулся Престон. — Еще как бросает! А тут, гляди-ка: он ведь ответить не может. Чип мешает. Делай буквально все, что хочешь. Однако мир не без добрых людей. Нашего Смита, окровавленного и еле живого, подобрал полицейский патруль. Был там такой сержант Сидней Голдорн. Так вот, тот сержант Голдорн определил паренька в полицейскую больницу и даже взял расходы по его лечению на себя.

— Полицейский? — выплюнул это слово Сайкилл. — Эти увальни? Эти дубиноголовые с сердцами, обросшими шерстью?

— Эк, как красиво! — восхитился старый Престон. — «Сердца, обросшие шерстью!» Прямо записать надо, а то память уж не та, еще позабуду! Красиво загнул, сынок! Bravo, мистер Сайкилл! А только кроме вот этого, с шерстяным сердцем, Смита никто в целом городе не пожалел. Тут еще, как на грех, мать его, старуха, померла. Как говорится, пришла беда, отворяй ворота! Знаешь, хоронили ее честь по чести. Смит, только-только оклемался, побежал на похороны. Как узнал? Уж не знаю; добрые люди, наверное, рассказали. Пришел в церковь, а там патер местный, священник, как его углядел, тут же принялся тыкать пальцем и говорить, что вот-де покойница была святым, безгрешным человеком, а чадо ее, зверь во плоти, ее и сгубил. Своими окаянными делами сгубил! Представляешь? Эхе-хе! Из церкви его выгнали, а на улице детвора какая-то, мелочь пузатая, ну его обзывать всячески, камнями да грязью швырять! В сердцах он кинулся было на них, тут его боль и подкосила. Из церкви какой-то доброхот выскочил, ну орать: «Проклятый убийца напал на наших детей!» Черт возьми, не случись тут же тот самый сержант, как раз на машине подъезжал, линчевали бы Смита на месте. Отстоял. Понятно, ему все орали, что он своих обязанностей не исполняет. Вот, смотрите, убийца свободно ходит, на детей нападает! Голдорн похватал кое-кого из этих хулиганов, попугал, поспрашивал. Вылезло то, что они над Смитом издевались всячески, честили, смерть матери поминали. Но, понятное дело, людей это не убедило. Всяк знает, как они, фараоны проклятые, показания получают. Хватают честных людей и бьют до потери пульса. Самым примечательным было тогдашнее поведение Смитова отца, Смита старшего. Он, так сказать, в горе публично проклял своего сына и на глазах у всех отрекся от него. «Он больше не моей славной фамилии!» — горячился старик. — Я его породил, я его и убью!»

— Бедняга! — посочувствовал Сайкилл. — Я смотрю, как-то так все одно к одному в вашей истории, мистер Престон, складывается. Все происходит так, что Смиуту только во вред.

— Тоже верно! — Престон поворачивал своей короткой, толстой шеей, точно ему воротник рубашки жал. — Старик, понятное дело, был в печали. Но сыну-то каково? И благо бы убил, убил со злобы, с зависти, с целью ограбления, так хоть что-то бы было, а то ведь фактически несчастный случай! А с ним его добрые соседи, как с последней тварью, обращаются.

Только лишь заступничество Голдорна его и спасало. Уж как тот пытался урезонить Смита, говорил, что тому убраться бы надо из города! Да только тот ни в какую. Слушает, молчит, глаза в пол, потом взглянет так злобно, что только не рычит. А потом выскакивает, и поминай, как звали, ищи его! Добрый, не добрый человек сержант Сидней, а и ему это надоело.

— Так чего же Смит хотел? — поинтересовался Сайкилл. — Доказать свою невиновность? Невозможно!

— Да ничего он не хотел! — раздраженно бросил Престон. — Сначала петушился, в крутого играл, а как мать померла... Все ее похороны со всеми событиями его словно перешибли. Ну, знаешь, вот игрушка сломанная, электрическая. В ней что-нибудь перегорело, а ручками-ножками она еще, какое-то время, по инерции, шевелит. Так и Смит. Сгорело в нем что-то, переломилось, вроде, внешне не видно, а стал человек словно бы и не в себе. Уж что тут по городу понеслось! За каждым забором его видели, говорят, глазами сверкает, в руках нож, только что не кинулся! Паника по городу пошла. А он, и в самом деле, чудак, по улицам ходит, всех, знакомых и незнакомых глазами ненавистнически сверлит, точно и вправду что задумал. Кошмар! Вест Прешел так прямо и заявил в каком-то бильярд-клубе, что ему на власть и сержантов всяких плевать, он убийцу прикончит. Заявил, значит, спьяну, а народу при этом много было: тоже, в большинстве своем, нетрезвые, однако кое у кого автоматическое оружие имелось. «Давайте зверя изловим!» — бросил кто-то клич. И вот вся эта орущая, гогочущая ватага бросилась на поиски. Ночь уже наступила. И вот идет вся команда, торопливо идет, боится пьяный свой задор расплескать. Фонарей, понятное дело, маловато. Уж кое-кто одумался, начал призывать послать все к черту. И тут видят впереди, в свете какой-то вывески: Смит, стоит, ни рукой, ни ногой не шевелит, точно призрак, только на людей этих пялится. И они стоят. Никто, даже Прешел, ни слова не говорят, только смотрят. И Смит на них смотрит, молчит, ни рукой, ни ногой не шевелит. Вот так стоят и смотрят друг на друга, гипнотизируют. Смит постоял, постоял, да прочь пошел. И вот что примечательно: ни один из пьяной ватаги на спусковой крючок не надавил. Ни один, представляешь?

— Представляю! — усмехнулся Сайкилл. — После этого вашего Смита уж точно колдуном, исчадием ада стали считать!

— А то! — подтвердил Престон. — И Прешел, этот подонок, и все друзья его ужель признаются, что струсили? Никогда! Конечно, Смит не просто убийца. Он нечистая сила. Дьявол во плоти явился в богобоязненный городок, чтобы принести в него смерть и разрушения. Ты ведь знаешь, сынок, как оно в таких-то полудеревнях бывает? Там, где важно, чего люди скажут, всегда царствует видимая добропорядочность. Мол, вот, все мы люди чинные, благоденные, у всех нас семьи, дети, конечно, оболтусы, но мы вот кому-то там деньги жертвуем. Теперь-то, знаешь, самые разные фонды милосердия стали междупланетными, теперь вспомоществование на строительство разрушенного наводнением города на Локарии собирают на планете Деметре. А вместе с реальными фондами помощи кочует по космосу всякая шантрапа вроде свидетелей Иеговы, каких-нибудь «наследников сердца Иисуса», прочих жуликов, проповедующих апокалиптические бредни с целью облегчения кошель-

ков божьих овец. И вот что я тебе скажу, сынок: все эти жулики — люди достаточно активные, неглупые, в психологии человеческой изрядно разбираются. Бывает, кто покочует так покочует, да и осядет на такой вот Адре в виде добропорядочного патера. Знаешь, случается, что из этих джентльменов удачи выходят вполне добропорядочные члены общества. Как говорится, всю жизнь-то нельзя таким способом на хлеб с маслом зарабатывать. Какая-нибудь планетка подальше, чтобы туда не доходили чужие полицейские сводки, чтобы там не царствовала сеть, чтобы космическое сообщение с соседними планетами было не очень развито. Вот и пастор того городка имел в своем прошлом такой, с позволения сказать, скитальческий опыт. Была у него авантюристическая жилка, нравилось, понимаешь, людей дурить. А значит где-то в душе гнильца пряталась, с которой человек, вместо того, чтобы бороться, заигрывал. Сам понимаешь, насколько искренни были проповеди того патера.

— Ну, вот это вы зря! — встрял Сайкилл. — Сами же говорили, что мошенники вполне могут стать приличными членами общества. Вдруг раскаялся? Вдруг в бога поверил?

— Чтобы раскаяться, сынок, — назидательно поднял палец Престон, — нужно признать себя неправым. Это первое. Самое-самое начало только, крохотный шагочок. Жечь тебя твое деяние должно, буквально огнем палить, чтобы жизни не взвидел. Пряма нету сил, не могу так дальше. Это второе. Вот когда так-то нажмет душу, когда сам готов будешь любое наказание принять, распоследней тварью себя почувствуешь, вот тогда и раскаяние это будет. А иначе не раскаянье. Иначе, знаешь, алкоголик на похмельную-то голову плачет, страдает, обещания всяческие дает, и вроде искренен человек, а только отвернись, тут же побежит бутылку искать. Где было нашему священнику-то раскаяться? Видимая добродетель, сынок, поопаснее явного порока. Порок-то он вот, весь виден, смотрите, какой я гнусный и гадостный, а видимая добродетель нет. Она прячет все самое мерзкое, надевает на него маску благонравия, этакий белый забор, за которым мусорная свалка. Самое главное, чтоб мусора не было видно, вот и все. То есть делай, что хочешь, только чтобы другие не прознали. Я это называю консервацией человеческого дерьма. Так что пастор попал в самую благодатную среду, расцвел, распушил хвост, еще и грехами пенял. Помнишь, как он Смита-то на похоронах матери честил? И тут не опоздал, ухватился за Прешеловы рассказы, стал крестовый поход объявлять, мол, выловим тварь, сождем ее на костре. Вот до чего дошло, вот она, видимая добродетель, только дай повод, тут же начнет буянить и крушить, конечно, под флагом торжества добра. Добрые граждане-то тоже оказались не лучше своего змеязыкого пастыря. Да и обстановка накалилась. Помнишь, сначала от Смита, как от чумы, бежали, потом молва стала представлять его маньяком, потом мать, оказывается, сгубил, а теперь вот логичным продолжением вот это. Смит вовсе не человек! Страх, сынок, делает даже самых хороших людей очень жестокими. Страх повис над городом, а пасторы да Прешелы всякие только нагнетают. Один из подлого своего нутра, хочется погалиться над проигравшим уже, к тому же беззащитным противником. Беззащитность только поощряет губителя и насильника. Второй, то есть, пастор, мелкий жулик, порочная душонка, то ли где-то внутри себя все еще боится, что его изобличат, а потому хочет быть правее само-

го папы, то ли взалкал наш святоша содеять в своей жалкой жизни чего-нибудь этакое, чтобы в старости можно было вспомнить. Ну, а добрые граждане, прятавшие все самое низменное за показной добродетелью, теперь рады были все выплеснуть хотя бы так. Знаешь, это как дети, которых не бранят за шалости, а, наоборот, поощряют. Как весело, как хорошо, аж дух захватывает! К тому же, ведь правильно делаем, ведь Смит — подлый убийца, вычеркнувший себя из списка добрых соседей. К тому же страшен убийца, страшен своей виртуальной славой, а средний человек не любит бояться. Вот и собрались они, средние люди, с ружьями, палками да кольями, охотиться на страшного убийцу, свирепого дракона, всем вместе ведь ничего не страшно. Всем вместе можно и разом в пропасть шагнуть, не один ведь, в коллективе. И устроили облаву по всему городу.

— А полицейский? — хрипло поинтересовался Сайкилл.

— Полицейскому ведь надоело Смитово упорство, — пояснил Престон. — Он, как Пилат, умыл руки. К чести надо сказать, что были люди, не подвергшиеся массовой истерии. Сержант Голдорн был один из них. Но ничего не делал, чтобы парня спасти. Сидел себе, пиво дул в спортивном баре. А люди, ставшие гиенами, под водительством двух самых гнусных особей рыскали по улицам, заглядывали в мусорные бачки, подсобки, подвалы. Кто-то даже счеты надумал под шумок сводить. Вот, домохозяйка А. мне отказала, ну я ей отомщу! Скажу сейчас, что она укрывала Смита, ее линчуют. На площади, при всех будут по белой заднице ремнями стегать. И я постегаю, отведу душеньку. Такие вот мелочи, сынок. В общем, город запыхал. Полиция, тоже подверженная общественному мнению, тоже верный адепт видимой добродетели, влилась в ряды погромщиков. Вот, дескать, поймаем этого негодника, прикончим его, а там все и на нет сойдет. А пастор и Прешел стараются, уже до того дошли, что Смит, оказывается, собирается отложить в тело каждого добропорядочного гражданина личинку зла, что эта личинка прожрет себе дорогу, погубит носителя, после чего взрослая особь, одержимая убийством, начнет резать направо и налево.

— Массовой психоз! — презрительно скривил губы Сайкилл. — К сожалению, это иногда случается. Феномен подобной массовой истерии еще до конца не изучен.

— Ну, оно и понятно! — пыхнул Престон. — Что ж, господам ученым надо за что-то деньги получать, пусть потеют, стараются. Оно, конечно, и правда, странновато и дико. Только всему виной тут лицемерие. Общественное лицемерие, которое предпочитает закрывать глаза на проблемы, а не решать их. В общем, загнали они Смита на чердак. А в том доме жила одна сумасшедшая. То ли она была и правда сумасшедшая, то ли бесноватая, то ли блаженная, но считалась блаженной. Она всем говорила, что разговаривает с богом.

— Паранойя! — моментально припечатал Сайкилл.

— А ты, сынок, доктор? — кинул Престон. — Тогда покажи мне диплом. Расскажи, какие случаи паранойи тебе приходилось видеть. Ну же, сынок, я вижу, ты в этом деле эксперт. Ну, вот то-то! А то ни черта в предмете не знают, а судить берутся. Вот она, спесь-то человеческая и дурость людская! Я самый умный, я все знаю, а все остальные олухи, меня не слушают. Кабы других побольше бы слушали...

— Вот я вас слушаю! — озлобился Сайкилл. — Уж сколько слушаю...

— А я тебя не держу, сынок! — махнул рукой знаменитый путешественник. — Где дверь, ты знаешь!

— Извините! — Сайкилл уничтоженно кусал губы.

— Побольше уважения к старшим, сынок! — важно произнес Престон. — Многословно, понимаю. Вот только и ты будешь таким, будешь говорить множество никому не нужной чепухи, а новое поколение, какой-нибудь молодец вроде тебя сегодняшнего, будет спешить жить. Чего он тут, этот дряхлый старец, бормочет! Этого всего уж нет, он живет лишь призраками, мир изменился, теперь все по-другому и будет совсем по-другому. А только мир, сынок, не меняется. Он какой был, таким и остался. Конечно, декорации сменили. Кое-где, понимаешь, подмалевали, подкрасили, нового чего повесили. А так... А человек не изменился.

Престон снова ненадолго замолчал.

— Такая вот чудная, — заговорил он. — Чудная, право! Глаза круглые, как плоски, синие-синие, словно глаз таких и не бывает. Она на чердаке Смита укрыла. Поначалу укрыла. Сказала толпе, что здесь нет никого. А Смит тоже напугался. Да и озлился. Чудная была девица, молодая, лет двадцать, все чушь какую-то молола, что на нем, Смите то есть, какое-то черное пятно. И пятно то разрастается. Наверное, правда была немного не в себе. Галлюцинировала. А так всего дала бедолаге нашему, постель там, еду. Главное, в покое оставила. Потом привела какого-то доктора. В белом, значит, халате. Не местный. Смит его и не знал даже. Он руку на него положил, на голову, Смит возьми, и сознание потеряй. Очнулся — девица стоит, смеется, в руках чип окровавленный держит. Смит хватать-похватать — ан голова-то перевязана и болит сильно. Сильно болит, невыносимо.

— Что за врач? — насторожился Сайкилл. — Откуда взялся? Весь город же на Смита охотился. Звучит как-то невероятно!

— А у Смита, я тебе говорил, после смерти матери внутри что-то сломалось, — Престон встал с кресла. — Перегорело. Надломленный был человек. Напуганный. Да еще эта штука с чипом. Вроде его нет, вроде вот он, а вдруг подвох? Поди проверь! Его, конечно, оправдать нельзя, но понять можно. Он, понимаешь... Как бы тебе помягче так сказать-то... А, впрочем, чего тень на плетень на водить. Изнасиловал он эту сумасшедшую.

Сайкилл сначала привстал, потом присвистнул, потом снова сел.

— Эвон как! — проговорил он. — Осатанел ваш Смит! Вот этому нет объяснения. Вот он и проверил, как: есть чип, нет его. Вот и проверил! Вы тут все его обеляли, защищали, а выходит, бешеный зверь, правильно ему чип-то вшили.

— Объяснение, — вздохнул Престон, — может и есть. А вот прощения, наверное, нет. А она была такая тихая, безответная. Ну, как ребеночка обидеть, который сдачи дать не может. Люди говорили... Так вот. Он над ней встал, злой до последней степени, говорит, теперь иди, зови их, пусть они меня сжигают. А она ему говорит, что пятно на нем стало еще больше. И еще говорит, что ему очень больно. Говорит, у тебя внутри заноза. И ей, этой блаженненькой, тоже как-то выходит, от этого больно. Говорит, чтобы он ту занозу вытащил.

А Смит ей, дескать, убью тебя, убью, добром говорю, зови иди людей, убью! Она ни в какую. Он на колени, в слезы: убью, правда, убью, чипа-то

нет, скотина я подлая! Она с ним на колени вместе встала. И такая его злоба черная разобрала, все как-то сфокусировалось на этой бедной безответной сумасшедшей, как пелена какая на глазах. Безответность, я тебе говорил, сынок, только провоцирует насилие. Он на нее кинулся зверем, уж руки на горле сомкнул, да только внизу, в доме, что-то звякнуло. Смит в рев и туда, вниз. Кто и что? Если люди, пусть люди, пусть убьют, надоело все, нельзя так, пусть прикончат, как бешеную собаку. А там, внизу, Прешел. Один. У подлеца прямо чутье! Увидал Смита, ружье опустил, глазами сверкает, облизывается. Вот, дескать, мы и встретились. Только встреча эта, Смит, последняя. Вот сейчас я тебя, Смит, бить буду. Буду бить, пока не устану. А потом приведу людей. Нет, сначала я у этой местной святой благосклонности испрошу. Она меня, дескать, отвергала ранее, а вот теперь не отвергнет, не оттолкнет. Теперь мое время, могу делать все, что захочу!

— Как будто черным покровом каким городишко ваш накрыло! — поехал Сайкилл. — Все ровно с цепи сорвались. А этот Прешел, так он вообще распоясался.

— Он очень здорово удивился, — сказал Престон, — когда Смит у него ружье вырвал. Вырвал и по роже прикладом вдарил. Челюсть сломал. А потом по черепу. Размозжил в кашу.

— Еще одно достойное деяние! — загибал пальцы Сайкилл. — Странная история! Вы вроде пытаетесь доказать, что чип — штука опасная, что он хуже тюрьмы, что бывший преступник, беззащитный, как овечка, становится мишенью для добропорядочных граждан, будит в них все самые мерзкие инстинкты. Однако Смит ваш убийца. Убийца и насильник. Пусть он убил подонка, который сам хотел убить его, это я могу понять. Но изнасилование...

— А ты не думаешь, сынок, — прищурился Сайкилл, — что чип тот задавливал смитовы, как ты назвал, мерзкие инстинкты. Он ведь не святой, сам понимаешь, у каждого в шкафу свои скелеты. Тут вот что: чип вставили. Но представь, что его через какое-то время вынимают. Чего будет? Не ударится бывший преступник в самый отвратительный, кровавый разгул после подобного насильного воздержания?

— Пытаетесь оправдать своего героя? — возмутился Сайкилл. — Правильно чип вставили, видишь он какой, Смит ваш, насильник и убийца. И вынимать не надо. Посмертно вставлять.

— А если жизненная необходимость? — поинтересовался Престон. — Ну, жизни чип угрожает. Что, позволить преступнику умереть, не дать ему оперативной помощи? Если так, то ты тогда не лучше тех людей, которые Смита уничтожить хотели, словно дикое животное.

— Да он им и стал! — закричал Сайкилл.

— Стал, — кивнул Престон. — Его сделали. Затравили. Но и он виноват, я с него вины не снимаю. Взял наш Смит ружье и на улицу пошел. Представляешь, он теперь свободен, голова болит только, перед глазами все временами прыгает, но ничего. Ничего. От него этого не ждут. А он придет и начнет убивать. Направо и налево. И его убьют. Он умереть хочет. Он должен умереть.

— Конец истории мне очевиден, — поморщился Сайкилл. — Его убили. Вот так, затравили, по-вашему, наверное, сделали зверем, по-вашему,

и убили. Иначе и быть не может. Если он спасся, убежал с планеты и начал новую, счастливую жизнь, то это просто нереально. Нереально, романно. В общем, я понял ваш посыл, многоуважаемый Дженсон Престон. История сложная, неоднозначная, дискуссионная. Но она вовсе не означает, что нужно отменять подкожные чипы, так-то вот. Во всяком случае, меня она в том не убеждает. Вы бы рассказали что-нибудь о себе! Пожалейте меня, ведь мне нужно писать что-нибудь о бушующих вулканах, плотоядных растениях, чудовищах заповедных планет. У меня ведь жесткий формат, про чип читать никому будет не интересно.

— А разве тебе, сынок, не интересно, — повернулся к нему Престон, — как Смит все-таки спасся?

— Да он не мог спастись! — поморщился Сайкилл. — Это вы сейчас придумаете, вы же писатель. И девушка эта сумасшедшая тоже не очень реальна. Наверное, все проще было. Подрались, Смит не мог защищаться, его пырнул ножом Прешел, убил, вот и все. А вы из этого такую историю раздули! Честь и хвала вашему воображению, но мне нужно кое-что другое. Ну, раз уж вы так лихо придумываете, придумайте про вулканы и чудовищ, очень вас прошу!

— Значит, не интересно, — вздохнул Престон. — Не заинтересовал я тебя. М-да, ошибся. Думал, понравится. А все-таки я доскажу.

— Не надо! — взмолился Сайкилл.

— Ну, ладно, ладно! — поднял ладони Престон. — Пощажу тебя от стариковской болтовни. Хочешь про чудовищ? Изволь. Постараюсь быть кратким.

Следующие полтора часа Дарен Сайкилл ловил каждое слово. В конце беседы он искренне, прочувствованно пожал знаменитому путешественнику руку. Сайкилл услышал то, что хотел услышать.

Когда он покинул дом, Дженсон Престон встал с кресла, подошел к столу, выдернул ящик. Очистив его от бумаг, знаменитый путешественник нащупал секретную кнопку и нажал ее. В открывшемся тайнике лежало нечто очень маленькое, завернутое в марлю. Когда Престон развернул марлю, на его руке оказался маленький подкожный чип.

— М-да! — задумчиво протянул он, подходя к окну и просматривая чип на свет. — Сколько лет прошло! Эх, молодежь, молодежь, думают, что они реют среди воздушных замков и верфей мечты, а они сухи, практичны и деловиты. Очень хотят чего-то в жизни добиться. А мы, старики, мечтатели. Нам можно и помечтать. Впрочем, и я был таким. М-да!

После недолгого молчания Престон усмехнулся:

— Какие у нее были глаза! Синие-синие, совсем синие, как море. Я смотрел в эти ее глаза на мертвом лице. Глазища! И чип там рядом валялся. Он убил ее, Смит, да, убил. А я его застрелил. Из пистолета. Еле успел выхватить. Не будь я Вест Прешел, если он и правда чуть не проломил мне череп!

Об авторе

Родился в 1980 году в Москве. Окончил РХТУ им. Менделеева по специальности химик-технолог. В настоящее время ассессор подрядной организации компании «Яндекс». Печатался в: «Знание-сила: Фантастика» (№ 2–2018) — рассказ «Дорогая мамочка!», «Астра Нова» — рассказ «Все зависит от точки зрения». «Порог» — рассказ «Мозг Ринга».

Алена Хабарова

Мусорщик

Влад проснулся от боли в правом боку. «Где я? Как здесь оказался? Что происходит?» Он попытался восстановить в памяти события, но ничего не выходило. Он помнил только, что ехал по ночному городу на своем моторе в бар. Дальше — пустота. «Неужели я так напился? И что за бомжиху подцепил? Убогое жилище!»

В темноте было плохо видно, но Влад понял, что помещение старое, совсем не похоже на современное. Он повернул голову направо, затем налево, но каждый раз утыкался взглядом в подушку. Запрокинув голову, Влад увидел, что изголовье упирается в стену. Жгучая боль тут же пронзила все тело через позвоночник и правую ногу. Он поднес ладони к лицу, обе были замотаны тряпками. И тут он понял, что снова теряет сознание.

Придя в себя, Влад почувствовал чье-то присутствие в комнате: он услышал приглушенные женские голоса. Похоже, женщины яростно спорили, удерживаясь от перехода на крик. Влад лежал с закрытыми глазами. Боль в боку не проходила, а он даже не мог повернуться или пошевелиться, чтобы посмотреть, что там. Ног он почти не чувствовал. Он лежал тихо, стараясь запомнить все ощущения в теле и понять причину их появления.

— Что ты от меня хочешь, Дина? Я и так вытащила его с того света! Пусть спасибо скажет. Как только придет в себя, я выставлю его отсюда вон.

— Крис, не надо так. Он же совсем молодой. Надо вылечить его как следует, сама знаешь, ему не дадут прийти в себя, погонят на работу. А как он пойдет в таком состоянии?

— Он вечник, Дина. Лучше бы я его не вытаскивала. Таким самое место на том свете!

— Не говори так. Он же не виноват, что родился таким. Ты тоже не ожидала, что у тебя...

— В мутации он может и не виноват, но вот то, что он тратит свою вечность на ерунду — виноват! Да если бы у меня было столько времени! Это несправедливо! — перебила Крис.

— Послушай. Ты ненавидишь его только потому, что он может прожить значительно дольше тебя. Но ты ведь не знаешь, что он за человек! Есть много вечников, кто приносит огромную пользу обществу.

— Не будь такой наивной. Ты на его мотор глянь! Типичный прожигатель жизни. Наверняка ехал из борделя и обкуренный, иначе бы не оказался на встрече. А из-за него, между прочим, человек погиб.

Влад сначала не мог понять, о чем они говорят, но постепенно ясность сознания к нему возвращалась. «Это они что, меня обсуждают? Да что она о себе думает?»

Ему захотелось встать и посмотреть в глаза этой наглой девице. Влад начал шевелить ногами в разные стороны, правая снова начала болеть, словно ее режут на куски, а левую он не чувствовал. Ему показалось, что они весят как пудовые гири. Наверное, он что-то задел в своих попытках подняться — раздался оглушительный звон.

— О, кажется, наш герой проснулся! — язвительно воскликнула Крис.

Раздались громкие приближающиеся шаги. Влад растерялся. Он привык встречаться с женщинами при полном параде. А теперь он даже не знал, как выглядит.

Над ним нависло лицо молодой женщины лет тридцати пяти. Аккуратный маленький чуть вздернутый нос, пышные коротко стриженные темные волосы, черные как уголь глаза. Она смотрела на него пронзительно и с любопытством. Свет был не яркий, но контрастный. Сочетание первых морщин и детского задорного взгляда обескуражило его.

— Встать сможешь, живчик? — насмешливо поинтересовалась Крис.

— Фы пофофи на агнела, — произнес он и ужаснулся, услышав свой голос. Язык ворочался с трудом, губы распухли словно от укусов целого роя пчел.

— Так, живчик, — лицо Крис тут же стало серьезным, — оставь свои подкаты для бардельных потаскух. Здесь тебе не притон и не развлекательный центр. Я Кристина. С сегодняшнего дня можешь считать меня своим лечащим врачом. А это моя помощница. Будет менять повязки.

Сочувствие, отразившееся на лице медсестры, ему не очень понравилось.

— Что со мной? Я ничего не помню.

— Совсем ничего? — дернула бровью Крис.

— Как я здесь оказался и что это за место? Я ехал после работы в бар на моторе, а потом пустота.

— Так и знала, — бросила Крис через плечо. — Ты выехал на встречу и столкнулся с мотормом одного пожилого мужчины, который возвращался домой с работы. Ты чудом остался жив. А тот мужчина погиб. Из-за тебя.

— Все болит, и я почти не чувствую ног. Я ведь смогу жить как прежде?

— Не знаю. Я тебя сшивала по частям. Разрыв селезенки, большая кровопотеря. Нога сломана и два ребра, будешь в гипсе пару месяцев. Если выкарабкаешься и не подцепишь инфекцию, будешь жить. Все зависит от тебя. Да, кстати, а жить как прежде — это как?

— Как все обычные люди! Быть здоровым, не беспокоиться о будущем. Не ждать смерти. Ходить на работу, наслаждаться тем, что есть.

— И кем же ты работаешь, живчик?

— Я начальник цеха по сортировке мусора, — с гордостью произнес Влад. Крис прыснула от смеха.

— Я придумала тебе новое прозвище: мусорщик. Живчик — слишком лестно для таких, как ты.

— Крис, не надо, — взяла ее за руку медсестра. — С кем угодно может такое произойти.

— Вот сама с ним и нянчись! — она резко развернулась и пошла к выходу из комнаты. — Он и так тут больше недели! У нас не хватает мест, и ты прекрасно об этом знаешь!

Медсестра выскочила вслед за Кристиной.

— То есть, я мог умереть? — до Влада только сейчас начал доходить смысл слов Крис.

Влад остался наедине со своими мыслями. «Я мог умереть... Черт! Я мог умереть! Реально! По-настоящему. Я могу умереть в любой день, в любой момент! Как мне раньше это не приходило в голову! А я же ничего не успел! Я не разобрался, кем хочу быть, не завел семью, у меня даже друзей нет, кроме Макса. А как мне заводить семью, если я вечный? Дети и жена умрут, я их всех переживу. Проклятая мутация, от нее одни проблемы». Влад то терял сознание от слабости, то приходил в себя от боли. Он не понимал, сколько уже лежит здесь и сможет ли когда-нибудь встать с постели. «Отправили на утилизацию... Чудом остался жив... Да если бы не эта злобная Крис, я бы уже горел в печи!»

Кристина изредка заходила, меряла температуру и пульс, рассматривала зрачки и уходила, не произнеся ни слова. Влад, когда ему стало лучше, попробовал заговорить с ней, но каждый раз она его резко обрывала или вовсе не удостоивала ответом. Окон в комнате не было, и он не понимал, какое сейчас время суток.

— Крис, не молчите, прошу вас! И зачем вы вообще меня спасли, если я вам так неприятен? Что я сделал не так?

— Да просто потому, что ты вечник! Я ненавижу таких, как ты. Сколько тебе уже? Сто или двести лет? А, может, ты один из первых, у кого началась мутация? И что ты сделал в жизни? Как потратил эти годы! Да твоей жизни хватило бы на троих! Почему жизнь одаривает бессмертием самых бесполезных и глупых? Скажи, почему? Тебе открыты все двери, ты можешь учиться, где хочешь, можешь создавать новое, делать открытия. Ты можешь каждые пятьдесят лет менять профессию! Но ты же ничего из этого не делал, ты же ни о чем не думал, кроме сиюминутных развлечений, верно? А ты знаешь, как живут те, у кого прогерия? Ты хоть раз думал о ком-нибудь, кроме себя? Почему те, кто рано умрет, не имеют права учиться и помогать обществу, помогать людям? Да, у нас мало времени в запасе, зато мы умеем его ценить! Зачем идти навстречу таким как ты, даже не понимающим, как им повезло? Не умеющим ничего ценить, даже собственную жизнь!

— Выходит, у тебя прогерия? — воскликнул изумленный Влад. — И сколько тебе на самом деле?

— Девятнадцать. Год назад меня отчислили из медицинского вуза, когда узнали о диагнозе. Какой-то пары месяцев мне не хватило, чтобы получить диплом.

Крис вдруг вся сникла, привычная уже Владу злоба и агрессия испарились. Перед ним сидела молодая девчонка, так рано и внешне, и внутренне постаревшая за каких-то пару лет. Девчонка без будущего, у которой столько планов и столько надежд. Она присела на край кровати, словно усталость всего мира опустилась ей на плечи. Владу вдруг захотелось ее обнять и утешить. Он приподнялся на локтях, преодолевая боль. Заметив его движение, Крис поспешно встала.

— Вот, теперь ты знаешь. Если бы только у меня была твоя вечность. Или хотя бы нормальная лаборатория...

Крис ушла, а Влад оперся спиной о холодную стену. Теперь он смог окинуть взглядом комнату. Впереди, как он верно угадал, дверь. Точнее, проем, из которого в комнату попадал желтый неровный свет. Справа от него кровать поменьше. На ней, свернувшись клубком, лежал мальчик и тарасил на него испуганные глаза. В ногах кровати стояли прозрачные бочки с жидкостью. От бочек к ногам мальчика тянулись трубки. Слева стоял железный стеллаж, за ним еще кровать, но того, кто на ней лежал, не видно. В темном углу слева от дверного проема стояла двухъярусная кровать. Но Влад различил только едва заметное движение на ней. Вскоре вернулась Крис. Она проверила состояние мальчика, долго сидела в темном углу у двери, а потом вышла. Влада она словно не замечала. А он наблюдал, как она самоотверженно спасала людей. Спасала других, а себя — не могла.

Влад был всегда далек от медицины. Тем более, что новая идеология запрещала врачам и ученым делать что-либо по-настоящему серьезное. Решая проблему перенаселения, сейчас она самого Влада чуть не загнала в могилу. Влад рос крепким и здоровым. Даже ни разу не простужался. Еще задолго до того, как стать вечником, Влад был уверен, что уж он-то все успеет в жизни и что с ним не может случиться ничего плохого. Болезни, аварии, несчастные случаи — это про других. Не про него. А когда ему поставили отметку о мутации, он уже вполне осознанно стал воспринимать себя как кого-то исключительного, кого не волнуют проблемы простых смертных. Еще в школе он вел себя высокомерно, считал себя лучше и умнее других. Дети чувствовали его отношение и не любили его. Так он и привык жить сам по себе. А после утверждения статуса вечника он зажил еще более радостно и беспечно. Слова Кристины не выходили из головы: «Ты хоть о ком-нибудь думал, кроме себя?» Влад вспомнил маму. Она заболела и просила его приехать, провести вместе с ней оставшиеся дни. А он много работал и не успел с ней попрощаться. Он старался не вспоминать. Загонял подальше мысли. А сейчас эта авария, эта умирающая старухой девчонка Крис, невозможность встать и уйти, невозможность с кем-то поговорить — все это вдруг словно прорвало невидимую плотину в голове, мысли лавиной лезли в голову, сумбурные и невеселые. А он никак не мог их остановить.

Влад тогда не поторопился и даже не ответил на письмо. Командировка, важные встречи и обещание повышения совсем затуманили ему голову. Ему казалось все это таким важным. И вот он опомнился спустя год. Письмо улетело под диван и там пролежало, ожидая, когда его найдут и перечитают. Он сразу приехал. Их старый дом на окраине Котласа ярко заливало солнце. Мама всегда выходила на крыльцо, едва слышала вдали звук его приближающегося мотора. Утро вторника оглушило его тишиной. Влад осторожно подходил к дому, боясь разрушить эту хрустальную тишину, словно купол, опустившуюся на участок. Под окнами до сих пор росла малина. Он по привычке сорвал несколько ягод. Заметил вышедшую на крыльцо соседку.

— А где мама? — тихо спросил он.

Она молча указала на калитку в изгороди, которая вела на пшеничное поле и ушла по своим делам. Удивленный, но не вполне еще понимающий,

Влад направился туда. Поле заросло полынью, пыреем и пижмой. Трава доходила ему до пояса. Поперек поля угадывалась тропка. Влад направился по ней. Он ожидал, что мама собирает травы на чай. Или червяков для рыбалки. Он представлял, насколько она изменилась, и придумывал, что скажет в свое оправдание, чтобы она не сердилась, что сразу не приехал. Тропинка уткнулась в наспех очищенный от травы участок земли. У основания самодельного креста, воткнутого в едва заметный холмик, стояла мамина любимая кружка, заполненная дождевой водой. Влад огляделся по сторонам в поисках объяснения. Но кругом только тишина и пустота. Сзади подошла соседка.

— Ты опоздал на год. Последние два месяца мы не понимали, как она еще жива. Держалась из последних сил, ждала тебя. Но ты так и не приехал. Ты очень переменялся, Влад, с тех пор как стал вечником.

— Но как такое могло произойти? — с отчаянием воскликнул Влад. — Я же должен был успеть. Я правда не мог сорваться сразу, не мог. Не от меня это зависело.

— Я тебя ни в чем не виню. Она тоже не винила. Она любила тебя. Но теперь ее нет, и все это не важно.

— Но как же так? Это нечестно и несправедливо! Почему она ушла тогда? Почему не сейчас? Не через пять лет?

— Зачем ты меня об этом спрашиваешь? Все так, как должно быть. Это жизнь. А люди умирают, Влад. Даже если ты вечник, ты тоже умрешь рано или поздно.

В тот день Влад уснул на могиле. И впервые задумался о смерти. Лежа посреди поля на холодной земле и прося прощения у матери, он вдруг понял, что никогда не простит сам себя. И эта мысль обожгла как адское пламя. «Умереть было бы лучше. Если я умру, то не будет больше страданий и боли. Не будет ничего. Не надо будет превозмогать себя и к чему-то стремиться. Можно просто выбрать вечный покой. Смерть примиряет. Позволяет забыть все ошибки, позволяет расслабиться и ни о чем не беспокоиться». Его напугала эта мысль. Под утро, мрачный и опустошенный, он поспешил уехать, чтобы окунуться в привычную суматоху большого города.

Именно тогда образ его жизни изменился. Влад решил, что ему никто не нужен. Одному проще. Самобичевание и жалость к себе — небольшие вечерние развлечения, чтобы разнообразить череду походов по барам и борделям. Он жил по инерции, откладывая поиски себя на потом. Ведь у него вечность впереди.

Влад очнулся от своих мыслей, потому что чья-то мягкая ручка аккуратно снимала повязку с бока. Он вздрогнул и обернулся.

— Извини, я не хотела, — грустно сказала Крис. — Надо сменить бинты.

— Но ведь прогеррию могут лечить, верно? Много лет успешно применялась генная терапия.

— Раньше лечили. Подсаляли исправные гены с вирусом. Сейчас все это утеряно, старые методы не так эффективны, а генная инженерия под запретом. Хотя откуда тебе об этом знать?

Влад, действительно, не знал. Он что-то слышал от коллег, но никогда не вникал по-настоящему в то, что происходит в обществе. Ему стало стыдно и неудобно.

— Но ведь можно найти новый способ?

— У меня нет лаборатории. И даже медицинского образования. Мне не нужно твое сочувствие.

— А что, если мои гены подсадить к тебе? Может, они остановят старение? У нас ведь с тобой разные мутации, не исключено, что одна компенсирует другую.

— Сразу видно, что ты ничего не смыслишь в медицине, — грустно улыбнулась Кристина.

— А, может, весь смысл моей бесконечной жизни и знакомство с тобой — только для того, чтобы ты смогла жить дальше вместо меня? Стоит попробовать!

— Не все так плохо, — засмеялась Крис. — Не драматизируй. Мне ведь не надо тебя убивать для этого. Скажу больше, твои клетки мне не помогут, но если их поизучать, то, возможно, я найду решение.

— погоди, ты хочешь сказать, что моя мутация даже не изучена до сих пор?

— А ты как думал? После того скандала по неудачной подсадке генов дочке президента в две тысячи семьдесят первом генную инженерию запретили. Именно тогда и было решено отныне как можно меньше вмешиваться в организм человека и животных. А уж мудрить с генами — это равносильно преступлению против здоровья!

— А ведь я только сейчас понял: окажись мама у тебя, может, прожила бы дольше лет на десять. И как я раньше не замечал, как плохо живет людям без нормальной медицины? Как я раньше не видел, как много людей умирает ежедневно? Почему клиники только для правительства? Ты и должна меня ненавидеть, я чудовище.

— Нет, чудовища живут в детских сказках. А ты — вечник. Извини, что повела себя так грубо. Ты ведь и правда не виноват в своей мутации, также как и я. И ты не виноват, что современные законы ограничивают возможности прогерийцев.

— Тебе не за что просить прощения! — горячо воскликнул Влад. — Я эгоист, безответственный и бесполезный. На правду не обижаются, — с горечью добавил он. — Я только сегодня понял, как много наделал глупостей. Но никогда не поздно измениться! Я уверен! Спасибо тебе!

Влад схватил руку Крис и крепко сжал. Она не отняла руку и не рассердилась. Они сидели молча несколько минут, глядя друг на друга.

В соседней комнате вскрикнула медсестра. Крис бросилась туда. Магия рассеялась. Влад слышал, как здание заполнилось кричащими людьми. До него долетали особенно громкие возгласы:

— Ну и дыра! У нас мусорные кучи выглядят лучше!

— Где этот идиот? Дай пройти!

Они пытались прорваться сюда, где лежали больные. Крис встала поперек прохода в комнату, где лежал Влад и, кажется, ценой собственной жизни готова была отстоять их.

— Здесь слабые люди! Им нужен покой!

— Не лезь не в свое дело, девчонка! Нам нужен Мельников!

— О ком вы говорите? У нас таких нет! — Крис осеклась на полуслове. Она поняла, кого они ищут. — Так вам нужен он? — она обернулась и показала прямо на кровать Влада.

— Вот так бы сразу! — Влад увидел своего начальника, Петра Васильевича. — Гриша, подгоняй машину ко входу. Нашли!

— Стойте, вы что, хотите его забрать? Куда? — Кристина растерялась и сдала позиции. Мужчины протиснулись в комнату.

— Вставай, собирайся! Без тебя скоро все застопорится, — обратился к Владу Петр Васильевич.

— Ему еще неделю нельзя вставать! Он прооперирован несколько дней назад! Только в себя пришел. Вы его что, угробить хотите? — Кристина уже подошла к кровати, явно не собираясь отступить.

— Ничего страшного, отлежится дома пару дней и выйдет на работу. Поверь, девчонка, у него там условия получше, чем в твоём притоне.

— Во-первых, я вам не девчонка! Во-вторых, это больница! Мне плевать на вашего Влада Мельникова, но я потратила слишком много времени на его лечение и не допущу, чтобы моя работа пошла коту под хвост!

— Значит, больница? — недобро усмехнулся начальник. — А разрешение у тебя есть? А лицензия?

Крис сразу сникла. «Конечно, у нее ничего этого нет, — догадался Влад. — Откуда? Ведь официальных больниц теперь почти не осталось. Только несколько для элиты, но даже там лечат далеко не все».

— Завтра, пожалуй, отправлю сюда проверку. Пора снести эту дыру к чертям.

Влад без колебаний повиновался. Он понимал, что так будет лучше и для Крис, и для него самого. Когда Гриша неудачно подхватил его под руки, чтобы помочь дойти до машины, он потерял сознание.

Влад очнулся уже у себя дома. Он долго озирался по сторонам, не понимая, что сон, а что явь. Ему казалось, что Кристина — девушка из странного заведения, спасающая людей от смерти, сама прогерийка, ищущая способ продлить себе жизнь — это просто сон. Но ноющая боль не давала в это поверить. Справа от кровати стояли костыли.

— Очнулся? Вот и замечательно! — раздался из глубины квартиры голос Петра Васильевича.

— Как вы здесь оказались? Где больница? Где Крис? — Влад продолжал удивленно озираться по сторонам.

— Не волнуйся, то ужасное заведение закроют и снесут. Хорошо, что ты не успел там подхватить какую-нибудь инфекцию. Отлежись еще пару дней и выходи на работу, мы тебя ждали.

Петр Васильевич вышел из квартиры, захлопнув за собой дверь. Влад осторожно поднялся с постели и, опираясь на костыли, прошел на кухню. Все было в точности, как он оставил, когда уходил на работу. В холодильнике догнивал помидор. Только на полу у балкона появилась большая картонная коробка. Открыв, Влад обнаружил там свежие фрукты и овощи, выпечку и рис. «Не думал, что Петр Васильевич такой заботливый», — удивился он. Только увидев еду, Влад понял, что дико хочет есть. На попечении

Крис он неделю провел без сознания. Его единственной едой на то время были капельницы с питательным раствором.

Распаковав ароматный хлеб, Влад с удовольствием нарезал его ломтями, положил сверху сыр и надкусил. Запил свежим томатным соком. Но наслаждения от еды, как прежде, он не получил: мысли постоянно возвращались к странной больнице и ее единственному врачу. Наскоро съев все, что нашел в коробке, Влад с трудом вышел на балкон. Отсюда открывался завораживающий вид на свалку. Сотни роботов и контейнеров перемещались по рельсам и сортировали, сортировали, сортировали. Непрерывно подъезжали огромные грузовики с новой партией. Влад жил там же, где и работал. Так было удобнее для всех. Ему всегда нравилась дотошность, с которой агрегаты разбирали мусор по категориям. Сейчас же ему стало тошно от этого зрелища. «А ведь кто-то с таким же бесстрастным лицом сортирует не бездушные коробки, а людей, попавших на утилизацию. Некоторые, возможно, были еще живы, когда их сортировали и готовили к сожжению». С отвращением отвернувшись, Влад проковылял вглубь кухни. Голова соображала с трудом. Он снова прокрутил в памяти слова своего начальника: больницу снесут через пару дней. «Но там же люди! Они нуждаются в лечении! Не окажись я там, все было бы хорошо! Я несю одни несчастья, так нельзя!».

Крис, Крис, Крис. Он знал только имя и возраст. Диагноз — прогерия. «Каков шанс найти ее в перечне? Так, училась на медицинском. Отчислена в прошлом году... Имя довольно редкое. Кристина». Кажется, он уже лет восемьдесят не встречал никого с таким же. Влад уселся в кресло и включил информатор. На противоположной стене засветилось изображение.

— Перечень населения! — громко и отчетливо произнес он.

— По вашему запросу найден перечень населения города Примар. Вывожу таблицу на экран.

Тысячи имен в алфавитном порядке. Попросив выбрать всех Кристин, Влад стал ждать. Казалось, ожидание будет длиться вечность.

— Ох уж эти куриные мозги! — вслух выругался он.

— Нахожу информацию по новому запросу.

Влад поспешно отменил новый запрос.

— Тупая машина, — уже шепотом произнес он.

Наконец, на экране появился список женщин. Их оказалось всего-то человек тридцать. Фотографии были не у всех. Он стал просматривать сначала с фотографиями. Ничего похожего. «Не могла же она так сильно измениться из-за своей болезни! Или могла?». Влад начал просматривать остальные карточки. Две девушки подходили по возрасту. Фотографии не было. В карточке одной из них значилось успешное окончание юридического факультета. У второй в графе образование — пусто. Графа с домашним телефоном заполнена. И хотя ими почти не пользовались, Влад решил рискнуть.

Гудки, гудки, гудки. Он уже не надеялся, как вдруг на том конце провода взяли трубку.

— Добрый день! — услышал он ее приветливый, но уставший голос.

Это она. Ошибки быть не могло.

— Кристина, это ты? Это твой пациент Влад. Меня вчера забрали. Или не вчера... Я не помню. Что с больницей? С пациентами?

— Как ты меня нашел? — голос у нее сразу сделался ледяным, как в первый раз, когда она с ним заговорила. — Завтра приедут бульдозеры. Пациенты у меня дома, если тебе и правда интересно. Кого-то смогла забрать моя помощница.

— Крис, послушай меня! Только не клади трубку, слышишь? Я не хотел ничего такого. Я все придумую. Я улажу. Я помогу тебе открыть другую больницу. У меня есть деньги, мусорщики неплохо зарабатывают. Я готов уволиться и помогать тебе! У тебя будет лаборатория, ты слышишь?

Ответом ему было лишь ее слабое дыхание. Влад был в отчаянии.

— Только не пропадай! Я скоро встану на ноги, я найду тебя, мы все сделаем! Крис, мне очень важно. Я должен тебя спасти. Ты не все знаешь, Крис. Мне нужно искупить вину перед вечностью и перед самим собой. Когда я назвал тебя ангелом, я не ошибся. Ты он и есть, ты даешь мне шанс на другую жизнь. Пожалуйста, не отталкивай меня. Скажи хоть что-нибудь. — Влад готов был разбить гипс, разорвать повязки и бежать к ней, умолять принять его помощь.

Кристина молчала. Но и не вешала трубку. Это давало Владу надежду.

Об авторе

Родилась 17 июня 1990 года в Вологодской области, город Череповец. Первое высшее образование инженер-системотехник, второе — финансовый аналитик. Работая по первой специальности. Мечтаю объехать весь мир. С блошиного рынка Праги притащила старинную печатную машинку — теперь она мой талисман. Любовь к чтению и писательству мне привила бабушка — учитель литературы. Все свободное время посвящаю книгам. Сама делаю к ним иллюстрации. Пишу в жанре фантастики и магического реализма. Есть две опубликованные на ЛитРес книги: «Планета в аренду» и «Поколение Эмили».

Виктор Ларин

Глыба

повесть

«ВОРОВСКОЙ ДАР»

Смена подходила к концу, и желудок Ивана убедительно подтверждал это. Подросток подгребал лопатой сколотую породу и бросал в вагонетку. Исподлобья поглядывал на работавших рядом взрослых проходчиков; в опущенных на глаза асбестовых капюшонах, жилистые мужчины обтесывали маленькими острыми кирками стены тоннеля. Разводы светоносной краски, протянутые по каменному низкому своду, отражались на мокрых голых спинах. От непрерывного густого звона закладывало уши.

Будет! Подросток бросил лопату, уперся в отполированный до блеска ладонями откатчиков борт вагонетки. Похоже на то, с досадой думал он, что смену сегодня он закончит последним. Невезуха!

В нескончаемом коридоре выработки было пусто и светло. Иван прибавил шагу. По гладкому каменному полу нагруженная щебнем вагонетка катила легко и быстро. Сверху лился голубоватый свет краски. Свет падал и с боков коридора. По обе стороны выработки шли узкие отверстия в рост человека. Из полостей, вырубленных в скале, доносилось приглушенное эхо. Жилища ждали будущих своих обитателей. Иван шел за вагонеткой еще какое-то время, когда вдруг услышал перед собой железное дребезжание.

Это двигал порожняк.

Навстречу откатчику вынеслась грохочущая вагонетка. За ней шустро семенил ногами невысокий мальчуган со стриженной головой. Иван тотчас его узнал, остановился, утирая со лба пот.

— Эй, Сиди! Что летишь как ошпаренный?

— Привет, Ив! — шумно выдохнул Коротышка Сид, тормозя босыми пятками по граниту. — Я уж боялся, что мы разминулись.

Иван вопросительно взглянул на приятеля. Сказать правду, взгляд хотелось отвести. Обезобразенное лицо, криво сросшийся лиловый шрам от левой брови к маленькому подбородку. Единственный глаз мальчишки смотрел, впрочем, на Ивана весьма живо. Для своих двенадцати лет Сид Боун был явно мал ростом. Вдобавок, худющий. Ветхая взрослая роба с подвернутыми штанинами и рукавами не скрывала тщедушное тельце. Маленький приятель широко улыбнулся, показав съеденные «смолкой» зубы.

— А ну, угадай, что у меня здесь, — сказал он, хлопая по карману проходческой куртки.

— Дыра, — хмыкнул Иван.

— Нет, не дыра, — продолжал улыбаться приятель. — Картошка. Картошка, Ив, печеная!

— Ну да? — Иван проглотил голодную слюну.

Сид достал из кармана обугленную картофелину и протянул ее другу. Картофелина была крупная, больше кулака, с аппетитной черной корочкой. Облизывая губы, Иван осторожно разломил ее пополам и отдал половину щедрому мальчугану. Коротышка Сид особо не противился.

Они жевали долго, чтобы продлить удовольствие от еды.

— Как, думаешь, — облизнув грязные пальцы, спросил Иван, — Обрубок недогруженную вагонетку мне зачтет?

Сид со знанием дела заглянул в вагонетку приятеля:

— Эх, беды-то, на ладонь не досыпано! Зачтет, куда денется. Скажешь, конец смены, малость и не догрузил. Мастер Старк — добрый старик, даром что ворчун.

Иван покачал головой:

— Это верно. Старикан неплохой, мастер Старк. По крайней мере, на пайках нас, откатчиков, не дурит.

Он немного помолчал:

— Жаль мне его, Обрубка нашего.

— Это из-за Бертика?

— Ну да. Рыжий хоть и не родной сын Обрубку был, старик здорово сдал после его исчезновения.

— Да. Непонятная история. Был парень — и нет его.

Иван ничего не ответил.

— Послушай... — он испытующе смотрел на Сиду. — Ты ведь не просто так со своей картофелиной ко мне подкатил, верно?

— Ты о чем, Ив?

Иван положил руку на плечо приятеля:

— Значит, так. Я свое слово держу. Сегодня ночью мы идем с тобой в Пещеры Предков. Не передумал?

Сид, не веря себе, схватил руку Ивана. Губы растянулись в широкой улыбке.

— Я? Ну ты даешь! Как я мог передумать? Ты настоящий друг, Ив!

— Руку мне оторвешь, Коротышка!

— Нет, серьезно...

— Оставь, не то я расплачусь. — Иван понизил голос. — О нашем деле никому ни слова. Усек?

— Не дурак!

Иван как-то сокрушенно посмотрел на мальчугана.

— Ты это... не очень-то пуп надрывай сегодня на смене. Силы еще пригодятся тебе.

— Все понял, Ив!

С этими словами приятели разошлись, причем Сид Боун погнал свою вагонетку в забой едва ли не бегом. Иван с усмешкой глянул через плечо:

— Малахольный, — пробормотал он.

В бригаде откатчиков Кривого Сиды знали как конченого трудягу. Мастер Старк, который вел учет вывезенным из забоя вагонеткам, ставил его в пример.

Внезапный грохот наполнил тоннель. Одна за другой мимо Ивана кати-ли, дребезжа пустыми железными кузовами, вагонетки вечерней смены. Их было с десяток, а может, и больше: Иван не был силен в счете. Ржавой вереницей заправляли мальчишки — подростки и дети, едва достигшие семи-восьми лет, босоногие, в спадавшей с плеч отцовской рвани. Пронзительные крики и свист раздавались в гулком пространстве с удвоенной силой. Ветерок доносил запах «смолки». Те, что были постарше, приветственно кивали Ивану. Младшие корчили рожи.

Дорога, наконец, освободилась, откатчик смог двинуться дальше. Прошел он, впрочем, немного: в своих асбестовых робах, с кирками, зацепленными за плечо, коридор запрудили забойщики. Эти шли молча. Лишь стук башмаков и частый глухой кашель раздавались в тишине. Иван стоял неподвижно, прижатый толпой к стене тоннеля. Позади нестройной колонны ковылял, опираясь на латунный аршин, хромоногий штейгер Хэнк. На вежливое приветствие Ивана старик не ответил, хотя и остановился, чтобы высморкаться. Старательно прочистил обе свои ноздри и удалился прочь. Некоторое время Иван глядел ему вслед: известный человек в проходке. Мастер своего дела. Говорят, замечательный нос штейгера спас не одну жизнь в забое. Хэнк способен был распознать выход гремучего газа из скальной трещины как никто другой. Бесценный дар для проходчика!

Так... этим что от него надо?

Стражей в надраенных медных касках и выкрашенной в черный цвет форме было двое, и они смотрели в сторону приближающейся вагонетки. Усатый дылда с сержантским знаком на рукаве взмахнул короткой пикой.

— Стоять!

Иван повиновался. Стражи стояли напротив закрытого решеткой отверстия в стене. Из скального жилища, приспособленного под общинную тюрьму, тянуло запахом нечистот. Сержант отстегнул от пояса ключ и стал ковыряться им в замке. Его напарник, прыщавый малец лет пятнадцати, видимо, только вчера надевший форму, взял пикку наизготовку. Решетка со скрежетом откатилась на петлях.

— Эй, там! — бросил сержант в смрадный полусумрак. — Тащите своего мертвеца.

В камере произошло движение. Из-за спин стражей Иван смог рассмотреть голые тощие фигуры, маячившие в слабо освещенном отверстии, мимо которого откатчику приходилось пробегать с вагонеткой помногу раз за смену.

Ууух! Натужный вскрик — и нагое закованное тело с глухим стуком упало на каменный пол. Лязгнула решетка, сержант загремел ключом.

— Грузи, — кивнул он Ивану на мертвеца.

— Один что ли? Он вон, какой длинный.

— Каблук, подсоби босоногому.

Страж по прозвищу Каблук послушно положил кованую пикку на пол и склонился было к мертвецу со стороны ног, однако затем сменил позицию — ухватил труп за руки. Вдвоем закинуть иссохшее тело в вагонетку для подростков не составило особого труда.

Каблук гадливо вытирал руки о штаны:

— Дерьмом весь выпачкан, сволочь!

Продолжая ругаться, он вывалил за решетку гнилой картофель, принесенный в жестяном ведре из казарм. С водой вышла заминка. У юнца не оказалось при себе походной фляги. Пришлось вылить в прикрепленную изнутри решетки лохань воду из сержантской фляги.

Начальник свирепо воззрился на своего напарника, потребовал объяснения.

— Страж Гоох... — промямлил Каблук и всхлипнул. — Он у новобранцев отнимает фляги. Варит в них гороховую брагу, морда!

— Так! — словно топором обрубил начальник. — Штраф на суточную пайку и дозор вне очереди, Каблук.

— За что? — ахнул тот.

— Рот закрой, салага! — взорвался начальник.

Юнец с перепугу втянул голову в плечи:

— Слушаюсь, сержант Бадд.

Смотреть на все это было весьма интересно, но желудок напомнил о себе.

— Ну, я пошел? — Иван тронулся с места.

Остаток пути он шел за вагонеткой, неотрывно глядя на покойника. Окоченевшее голое тело лежало поперек неширокого кузова, ноги с огромными черными ступнями вытянулись во всю длину. Зрелище малоприятное. Голова мертвеца была запрокинута вверх, дыбом торчала отросшая рыжая борода. Лицо казалось подростку знакомым. Возможно, он и узнал бы человека, не будь тот таким исхудавшим. Впрочем, сочувствия к умершему заключенному Иван испытывать не мог.

«Поделом огородному вору и мука», — говорил себе голодный откатчик.

По мере того, как он двигался вперед, в тоннеле становилось все светлее и светлее. Еще немного, и появилась обширная пещера. Свод ее терялся в вышине. Со всех сторон смотрели отверстия жилых галерей, из которых струился яркий свет. Иван поднял лицо навстречу бодрящему ветерку, дувшему из круглого отверстия в своде. Вентиляционная шахта соединяла центральный зал катакомб с оранжереей, расположенной на поверхности Глыбы. Как всегда в час пересмены, в зале былолюдно. Ивану с его зловещим грузом дорогу общинники все-таки уступали. Дыша полной грудью, он подкатил к стоянке порожняка.

Безногий Старк сидел на своей инвалидной тележке, по правую руку от него стояла большая проволочная корзина с картофелем. Старик был угрюм. Указал небритым подбородком на мертвеца в вагонетке:

— А этого, зачем мне привез?

— Сейчас увезу, — пробурчал Иван. — Вы мне ходку только отметьте, мастер.

Учетчик сунул руку под тележку, достал оттуда аспидную доску и положил на культю. Старк родился безногим. Говорят, что его сердобольный отец так и не решился отнести новорожденного к мусорной шахте. И, похоже, родитель не прогадал. По причине вынужденной усидчивости мальчуган в совершенстве освоил счет, что и определило его рабочее место в проходке. Место завидное! Безногий калека смог даже обзавестись женой. Заодно — и сыном (не приложив при этом своего труда). Вот только надежд приемного отца Рыжий Бертик не оправдал.

— Это какой же ты у меня нумер...? — Старк повел пальцем сверху вниз по доске, на которой были начерчены графитом ряды палочек. Палец, наконец, остановился. — Восемнадцать ходок у тебя сегодня, Иван Матич. Молоток! — похвалил он откатчика.

— В картошках это сколько же будет?

— Две груженные ходки — картофелина. Вот и считай — сколько будет.

— М-м-м-м...

— Тяжело, — сказал Обрубок сочувственно. — Вот и Бертику не давался счет. Ах, Бертик, Бертик!.. Вы ведь, кажется, дружили?

— Вроде того. — Говорить убитому горем старику правду не стоило. Иван терпеть не мог зазнайку Рыжего.

Мастер Старк опустил руку в корзину и стал извлекать одну за другой самые крупные картофелины. Ивану оставалось только подставить карманы куртки.

— Десять, — произнес старик и добавил многозначительно: — Десятая для круглого счета.

Между тем вагонетку Ивана окружила бесштанная ребятня. От голого мертвеца дети не могли оторвать глаз. Один из сорванцов, являя свой героизм, попытался было схватить покойника за бороду, однако вовремя получил от Ивана подзатыльник.

— Спасибо, мастер Старк. — Он уже тронулся с места, когда учетчик вдруг вспомнил:

— Ах, да! Тебя хотел видеть глава гильдии.

— Шутите?

— Он дочку свою присылал. Так что поспеши, Иван Матич.

Вот так та-ак, подумал подросток. Сам мастер Кёрст его требует. Неужели его, откатчика вагонеток Ивана Матича, переводят в разряд забойщиков? Это же какая пайка у него будет! Нет, в забойщики он возрастом не вышел еще. Тут что-то другое. Ох, зря он обещал Сиду Боуну прогулку в Пещеры! Не к добру все это.

Сопровождавшая вагонетку Ивана ватага внезапно унеслась вперед, к мусорной шахте, располагавшейся в центре зала. Кинув туда взгляд, Иван не удержался от проклятия.

Ну и денек сегодня, подумалось ему. Вокруг мусорного колодца, куда он держал путь, сгрудилась толпа общинников. Люди стояли неподвижно, все молчали — чьи-то похороны.

— Что же это мне так везет на покойников...

Он подкатил вагонетку к высокому клепаному резервуару перегонного куба и остановился, глядя на языки синего пламени, беззвучно колышущиеся в топке под резервуаром. Накрытые чугунными решетками, сбегались от жилых галерей к перегонному кубу сточные желоба. Тот, кто догадался когда-то добывать воду из нечистот, был, несомненно, человеком дальновидным. Рано или поздно лед в Пещерах закончился бы, и это стало бы всеобщим концом. Вода требовалась как общинникам в Катакомбах, так и оранжее, дающей людям воздух для дыхания и пищу.

Откуда ни возьмись, появилась старуха в заштопанном мужском комбинезоне, подпоясанном веревкой. Ивану она протянула пустое ведро:

— Мне половинку только, — прошамкала она, — больше не донести.

— Бабушка, видишь, кран на замке, — показал ей Иван. — Приходи завтра за водой. Как услышишь полуденный колокол, так и чеши сюда. Усекла?

— Трудно помочь бабушке?

— Ф-ффуух, у соседей попросишь. В воде-то не откажут.

И тут старуха заметила мертвеца в вагонетке.

— А что это ты, внучек, отца голым хоронить везешь? Ай-ай-ай! Хотя бы срам родителю прикрыл, бесстыдник!

Иван задохнулся.

— Отца? С ума соскочила, бабка?

— Так это не твой покойник? А чей?

— Кого надо, того и покойник, — ответил ей Иван. Его охватило искушение надеть бабке на голову ее собственное ведро.

Оставив вагонетку с мертвецом на попечение старухи, он поплелся к толпе провожающих. Хоронили кого-то из гильдии кузнецов. На мужчинах с прокопченными лицами были надеты длинные асбестовые фартуки с изображением наковальни. Иван протолкался вперед. Около металлических створок, закрывавших бездонный колодец, лежал, завернутый в одеяло, виновник печали, а над ним — Иван все это мог видеть благодаря своему росту — стояла вдова. За руку молодой женщины цеплялся кривоногий мальчуган. Ребенок вертелся, дергал мать за подол, пока не получил шлепок под зад, после чего заревел. Потеряв, вероятно, терпение, вдова отошла в сторону, к группе женщин, таща за собой вопящего мальчишку.

Внезапно фартуки расступились, пропуская к покойнику темнокожего седого старика в просторной хламиде цвета пепла. Отец-законник Маркус приступил к делу сразу; он встал над усопшим и воздел свои черные руки к зеву воздуховода. Голос у старого Маркуса был на удивление звучный:

Хранители покоя и мира,

Неусыпно взирающие из Черной Пустоты...

Провожающие подтягивали. Ивану слова заупокойной молитвы казались невразумительными. «Взирать из Черной Пустоты», полагал он, могут разве что души умерших, отправившиеся в вечный полет. Однако отец-законник имел в виду Грозящих Огнем. Вздор! Всем известно, что Грозящие обитают не в Черной Пустоте, а гораздо ближе — в оранжерее над катакомбами. Вон их Недремлющий Глаз зияет над головой. Того и гляди, полыхнет пламенем!

Похоже, такие детали старика Маркуса не очень заботили, он продолжал свое пение:

Благословите душу безвременно усопшего... э...

Хор фартуков вырубил забывчивого законника:

Мастерового Ганна!

На некоторое время повисло молчание, а затем отец Маркус трубно высморкался в подол хламиды. Для товарищей Ганна это послужило своеобразным сигналом; несколько пар жилистых рук ухватились за край одеяла, и голое тело мастерового выкатилось на железные створки. Под его тяжестью клепаные ворота распахнулись вниз, в темную бездну. До людей донеслось теплое дуновение — и тут же створки вновь сомкнулись, лязгнув пружинами.

Вечного полета, молотобоец Ганн!

Кто-то из провожающих аккуратно сложил одеяло, чтобы возвратить его вдове. Похороны закончились, и люди стали расходиться.

Иван вернулся к своей вагонетке. Старухи с ведром на месте он не обнаружил. Исчезла куда-то и ребятня. Безучастно таранился открытыми глазами в далекий свод пещеры мертвец на шебне.

Иван подогнал вагонетку к шахте и уже хотел было опрокинуть кузов, как вдруг остановился. Стащил под мышки мертвое тело, уложил его на скалу около закрытого колодца — зачем это сделал, он не смог бы ответить, — просто пришло ему в голову, что скинуть в шахту человека, даже мертвого, вместе с мусором — не лучший поступок.

Он опасливо оглянулся: не видит ли кто, как он распускает тут сопли.

— Вечного тебе полета, вор, — сказал Иван и столкнул ногой твердое, как камень, тело на створки.

— Мастер Кёрст, к вам можно?

Иван отпустил отведенный в сторону входной полог и, шагнув через порог, остановился в прихожей жилища главы гильдии проходчиков. Из-под каменной арки, разделявшей надвое помещение, показался хозяин.

Спутать с кем-либо главу проходчиков было невозможно. Уж очень заметный был человек, мастер Джо Кёрст. Очень высокого роста, широкоплечий, немного грузный. Немолодой уже и не старик, с виду весьма бодрый. Иван смотрел на него, задрав голову. Большую, крепко посаженную голову великана украшала блестящая лысина, идущая ото лба. Нос был сломан, на лице — след давнего ожога. По всему видно — старый проходчик, и ему приходилось бывать в переделках.

— А... Иван Матич. Проходи, не стесняйся. — Голос у Кёрста был глухой и низкий.

— Я это... — Иван переступил с ноги на ногу. — Задержался. Похороны у шахты. Ничего?

Подросток с любопытством озирался вокруг. Жилище главы гильдии ничем не отличалось от жилищ других общинников. Те же закоптелые стены с нишами для хранения утвари, очаг с пробитым над ним отверстием в стене для выхода дыма. Каменный потолок низкий (во всяком случае, для хозяина), выкрашенный самосветящейся краской, местами поблекшей, а кое-где и отшелушившейся. Иван обратил внимание, что спальные места у Кёрстов были разгорожены полотняными ширмами. Скопом здесь не спали.

Взгляд его невольно скользнул в трапезный угол, где на циновке из плетеных асбестовых волокон дымилась в миске вареная картошка. Иван проглотил слюну. Получилось это у него довольно звучно.

— Да ты садись, перекуси, — произнес хозяин приветливо.

Иван не заставил себя долго упрашивать и охотно плюхнулся на циновку. Босые грязные ноги он поджал под себя, руки вытер о куртку — на всякий случай.

«Будь я проклят, если знаю обеденную молитву, — подумал он. — Ладно, мастер Кёрст отпустит мне этот грех».

Уминая горячую картошку, он искоса поглядывал на хозяина жилища. Тот сидел напротив на выкрашенном потускневшей зеленой краской металлическом ящике, устремив взгляд куда-то в сторону. Неизвестно, о чем он думал, но на его лице Иван не прочел ничего. Подросток отметил, что одет был глава гильдии в поношенную горняцкую робу, старые высокие ботинки с толстыми подошвами. Можно было только догадываться, сколько поколений мужчин в его роду носило эти ботинки, прежде чем они перешли по наследству их нынешнему владельцу. Предки обувь умели делать вечную!

— Честное слово, вы меня спасли от голодной смерти. — Иван перевернул пустую миску вверх дном и утер рукавом рот.

— Поел? — оторвался от созерцания закопченного отверстия над очагом хозяин.

— Великолепно поел. Огромное вам спасибо!

— Ну, ну.. — Глава проходчиков встал и сунул правую руку в карман бушлата. — Подойди-ка ко мне, сынок, — произнес он.

Иван повиновался, предчувствуя неладное.

— Я вас слушаю, мастер Кёрст.

— Сейчас сыграем с тобой в одну игру, — сказал тот. Не спуская с лица подростка глаз, хозяин достал из кармана мешок из черной ткани и протянул Ивану. — Надень-ка это на голову, — сказал он.

Иван машинально взял мешок, и некоторое время вертел его в руках.

— Не понимаю, зачем это? — неуверенно проговорил он, но лицо Кёрста оставалось неподвижным.

— Надевай! — приказал он. — И не заставляй себя принуждать. Это лишне. Ну же, я жду!

Иван повиновался, чувствуя свое абсолютное бессилие. Мешок был непроницаем для света. Сквозь плотную ткань донеслось:

— Считаю до двадцати. Раз, два, три...

На счете «двадцать» мешок был сорван с его головы, и Иван зажмурился, ослепленный. Он машинально откинулся назад, но его мучитель ухватил подростка за куртку. Рванул к себе.

— Глаза! — гаркнул он. — Живо открой глаза!

Это был нешуточный приказ, и Иван послушался его.

— Все точно! — Кёрст дышал ему прямо в лицо. — Зрачки во всю радужку! Никталоп, как и его отец, — сказал он словно самому себе.

Он вдруг разжал хватку и сделал шаг назад. Иван был не в силах пошевелиться. Он осторожно покрутил головой.

— Как вы назвали меня?

— Никталоп. Человек, видящий в темноте. Положительная мутация в вашем роду. Радуйся, малыш!

Иван хрипло кашлянул:

— Мы что же? Уроды с отцом?

— Дурень. Урод — это когда без рук или без ног рождаешься. Как Старк. А у тебя все в порядке, и даже лучше, чем у других.

Иван кисло улыбнулся.

— Ага. В общине, как узнают про «воровской дар», так лучше сам прыгай в мусорную шахту! Вы знаете, что «зрячих» считают первыми ворами?

— Тупицы. Никталопия — это результат жизни твоих дедов в темных Пещерах.

Иван сосредоточенно наморщил лоб.

— Я вижу в темноте, потому что в темноте жили мои предки?

— Твой папаша так утверждал, — заявил глава проходчиков. — Он много чего от твоего заумного деда набрался. Мы с Борисом с детства дружили. Ровесники.

Он подумал и добавил:

— Десять лет мне не дает покоя вопрос: как погиб Борис Матич?

Это показалось странным Ивану.

— Мой отец? Его зарезал огородный вор.

— Кто тебе сказал такую глупость?

— Страж Гоох. Это же он принес его, мертвого, из Старой Штольни.

— Знаю, знаю. А как оказался твой отец в Старой Штольне?

Иван пожал плечами.

— Ну... он мог погнаться за грабителем оранжереи.

Джо Кёрст угрюмо хохотнул.

— Воображаю это: старший мастер проходки гонится за похитителем репы! Делать ему, что ли, больше нечего было, старшему мастеру! И потом, — проговорил он, глядя Ивану в глаза, — человек, способный видеть в темноте, силач к тому же, как он мог допустить, чтобы какой-то жалкий, трясущийся от страха, воришка напал на него?

— Может быть, как раз со страху — и напал?

— Чушь! Полная чушь! — Мастер Кёрст указал своему гостю на металлический табурет. — Садись. Разговор будет серьезный.

Ивану ничего не оставалось, как сесть на предложенное хозяином место.

— Давно был в Пещерах Предков? — задал бесстрастно вопрос Кёрст, опускаясь на свой зеленый сундук.

У Ивана хватило соображения не солгать главе гильдии.

— Почему вы спрашиваете?

— Просто интересно. Я полагаю, твой отец что-то там обнаружил, в Пещерах Предков. Что-то, что и стало причиной его смерти.

— Какую жуть вы говорите! Но ведь мой отец погиб не в Пещерах, а в Старой Штольне, что туда ведет, — возразил Иван робко. — А там никаких тайников и ловушек нет. Это я точно знаю.

Кёрст поглядел на подростка, потом сунул руку в карман.

— Далась тебе эта Штольня, — заметил он, протягивая какой-то плоский круглый предмет. — Тебе говорит что-нибудь эта вещь?

Иван поднес предмет к глазам. Позеленевший нагрудный знак, какие носят на бушлатах мастера гильдий. Под медной зеленью можно было различить две скрещенные горняцкие кирки — цеховой герб проходчиков. Выпуклую поверхность нагрудного знака пробороzdила глубокая царапина. Сердце упало у него в груди.

— Хотите сказать, это принадлежало моему отцу? — глухо проговорил он. — Откуда у вас этот знак?

— Принес один человек. Швейник. Имени его не назову. Он сказал, что нашел знак в Пещерах. Спрашивать человека, что он там делал, я не стал. Но отдаю должное его смелости.

— Невероятно! Вы не задержали грабителя оранжереи!

Кёрст нахмурился.

— Я глава проходчиков, а не капитан сторожевой службы.

— Да, конечно, — закивал Иван. — А он, этот швейник, сказал, где нашел нагрудный знак?

— Сказал. Под каменной статуей. В самой дальней Пещере, где похоронены под гранитными плитами предки. Еще он сказал, что у подножия памятника, где он подобрал знак, были следы крови. Я так полагаю, что твоего отца кто-то или что-то ранило в этой Пещере, но он смог добраться до выхода из Старой Штольни, где и умер от потери крови.

Последовало долгое молчание. Первым заговорил хозяин жилища.

— Наверное, ты сейчас думаешь, зачем глава гильдии рассказывает все это мне, мальчишке, а не начальнику стражей. Я тебе отвечу. Первое, что сделает наш храбрый капитан Рекс — арестует швейника. Дело давно минувших дней, тем не менее, закрыть его капитану нужно. А сделать убийцей несчастного швейника для Рекса пара пустяков. Я знаю его методы. Ты меня понимаешь, сынок?

Иван судорожно сглотнул и произнес, тщательно выбирая слова:

— Я так понимаю, мастер Кёрст, что разгадать эту загадку должен я сам.

— Увы, да. — Кёрст поднял обожженное лицо. — Во всяком случае, я рассказал тебе все, что знаю о гибели твоего отца, а уж твое дело, как поступить дальше. Ты уже большой мальчик.

— Я усек, мастер Кёрст!

— Вот и хорошо.

— А можно, я оставлю отцовский знак себе?

— Он твой, Иван Матич.

Иван поспешно сунул позеленевший знак за пазуху, в потайной карман.

— Ну, я пойду? — он направился к выходу, откинул полог и, поколебавшись, обернулся к хозяину жилища, продолжавшему сидеть на своем сундуке.

— Если можно спросить, мастер Кёрст...

— Да?

— Как вы узнали, что я «зрячий»?

— Мне сказал об этом твой отец.

Уже за порогом Иваном овладело странное чувство: мастер Кёрст видит все и умеет читать мысли. С раскрытой тайной Ивана теперь все стало понятно, но как так получилось, что глава гильдии заинтересовался Пещерами Предков, как раз тогда, когда они с Сидом обо всем договорились? «Видимо, такой я везучий».

СТАРЫЙ ПОДЖИГАТЕЛЬ

Иван вошел в свое жилище и, остановившись на пороге, принялся. Тошнотворно пахло брагой. Судя по тому, что мать не встретила его, она была занята гостем. В смысле, спала пьяная. Гость, впрочем, тоже. Из-за задернутой занавески в дальнем углу жилища раздавался раскатистый храп.

Иван шагнул в прихожую, задев при этом приставленную к стене у входа кованую пику. Сталь оглушительно зазвенела о камень. Храп прервался. Красная, помятая физиономия стража Гооха выглянула из-за занавески.

— А-а, это ты, босоногий? — физиономия тотчас исчезла.

«Как удачно, что я отнес отцовские ботинки в жилище деда Фула», — подумал Иван. Рыться в семейном сундуке сейчас было бы как нельзя некстати.

Он принялся перекладывать заработанные картофелины из карманов в проволочную корзину, в которой уже лежало с полдюжины желтых хвостатых реп. Надо отдать должное стражу Гооу, с пустыми руками в гости он не приходил. «Может, угостить Половинку репой? — размышлял, стоя над корзиной, Иван. — Нет, беззубому старику картошка подойдет лучше. Он же все сырьем лопает и деснами».

Бросив несколько картофелин назад в карман, он покинул жилище.

Старик Фул жил в самом конце галереи проходчиков. В залитом светом коридоре, по которому шагал Иван, было безлюдно. Забойщики, отработавшие утреннюю смену, разбрелись по жилищам. В переполненных желобах по обеим сторонам длинного тоннеля журчала, держа путь к перегонному кубу, сточная вода.

Добравшись до места, Иван остановился.

— Привет, дед Фул!

Полуголый худой старик с гладкой, как колено, головой, сидел на каменном приступке. Он был одноног и однорук. Прозвище Половинка стало его вторым именем. Уцелевшую ногу старик лелеял. Вольготно вытянув ее к противоположной стене, он слегка покачивал босой растоптанной ступней, словно любясь ею. Впрочем, он сейчас же повернул голову на голос.

— А-а, здорово, Ван-Иоганн. Присаживайся. Ты ко мне? — старик подвинул разложенное на пороге тряпье, освобождая подростку место.

Иван сел.

— К тебе, дед Фул.

— Стоило догадаться. Внук-то на смену убежал.

Старик называл Сида Боуна внуком. Это было не совсем так. Внуков у Фула никогда не было, впрочем как и детей. Двух лет отроду маленький Сиди остался круглой сиротой. Его отца забили до смерти стражи во время допроса. Говорят, десятника проходчиков Боуна арестовали за преступление, которого он не совершал. История темная. И печальная. Потеряв мужа и кормильца, мать Сиды покончила с собой. Прежде, чем удавить себя собственной косой, она попыталась убить и ребенка. Ударила по голове железным прутом. Сид оказался живучим. Истекающего кровью малыша подобрали и вывели сосед, старик Фул. Из-за увечий, полученных в молодости в забое, Половинка доживал свой век бобылем. Калеку можно было часто

видеть на общинной свалке, где он копался с ребятней в куче выброшенных обносков. Чинил, как мог, собранное рваньё и обменивал на жалкую еду.

— Я смотрю, работа у тебя долгая, дед Фул, — заметил Иван, засовывая руку в карман. — Может, перекусишь?

— А есть — чем?

— Для тебя всегда найдется, — Иван протянул ему большую картофелину.

— Ооо!..

Наблюдать, как Половинка управляется с картофелиной, было интересно. Помимо левой ноги, Фул потерял при взрыве в забое левую руку. По самое плечо оторвало. Впрочем, помощь ему, как видно, не требовалась. Пальцами уцелевшей руки бывший забойщик легко, одним нажатием, разламывал сырую картофелину на дольки, которые тут же запихивал в рот. Любую пищу Половинка пережевывал деснами — зубов у него не было, сколько Иван его помнил

— Так что у тебя за дело ко мне, — осведомился старик умиротворенно.

— Расскажи мне про моего деда, — попросил неожиданно подросток.

— Это про которого? По отцовской линии или по материнской? Я обоих помню.

— По отцовской.

— Штейгер от бога был, Матич. У меня язык не поворачивается называть его дедом. Он ведь погиб совсем не старым.

— Отчего погиб?

— Сгорел заживо в забое. Он — и еще десяток людишек, вечного им полета! Мне тогда еще руку и ногу оторвало напрочь.

— Про твою ногу мне известно. Ты про деда Матича рассказывай.

— А что рассказывать? Умный был человек. Не чета нам.

— Он когда-нибудь говорил, что наши предки пришли из Черной Пустоты?

— А разве это не так? Сам посуди: откуда бы им еще взяться на голой Глыбе?

— Ну этого я знать не могу. Послушай, дед Фул: а что ты, вообще, думаешь о наших предках?

Старик пожевал губами.

— Думаю, могучие были люди. Посмотри, какие катакомбы нам оставили: уйму народу вмещают. А оранжерея? А шахта, какую нам ни в жизнь не выдолбить? Если верить твоему умному деду, ее дно как раз в середине Глыбы. Жуть захватывает, как представишь глубину!

Ивану вспомнились похороны кузнеца Ганна и то, как он отправил «в вечный полет» умершего вора. Пожалуй, бездонного колодца хватит не для одного еще поколения общинников, подумалось ему.

— Ты сказал, что дед мой был знающим свое дело штейгером. — Иван поглядел на старика. — Как случилось, что он проморгал газ в забое? Колченогий у нас такого бы не допустил.

— Моя котомка, — проговорил тот загадочно и убито вздохнул.

—??

— Котомка с обедом. Она под ворохом роб оказалась. Мы же работали нагишом...

— И что?

— Штейгер в голос кричит: «Газ! Все на выход!» И матюгом, значит... Ну, все и побежали. А я котомку — искать. В забое темно, как в... Светокраски, олухи, пожалели, со свода едва свет брезжит!

— Ну и?.. — Иван терял терпение.

— Ну и достал я из кармана портов огниво. Думал, чиркну раз-другой, — ничего не случится...

Иван открыл рот.

— Ты не мог этого сделать!

— Я сделал это. Правда, не помню, что было потом.

Иван потрясенно уставился на него. Слезящиеся глаза глубоко запали, на щеках — густая сетка морщин. Сколько же ему лет, деду Фулу? Наверное, и сам не знает.

Неужели он действительно убийца его деда?

— Кто знал, что так все выйдет? — глухо пробормотал старик и всхлипнул. — Покойники являются ко мне чуть не каждую ночь.

— Не забывают, — заметил Иван. — По справедливости, тебя, дед Фул, следовало бы затащить при всем народе на эшафот и скинуть в мусорник, душегуба. Это ничего, что от тебя только половина осталась. Родственники сгоревших проходчиков с великим удовольствием скинули бы и половину!

Старик молчал и только всхлипывал. Ивану вдруг стало жаль его.

— Успокойся. Дело прошлое, — мягко сказал он. — Я никому не расскажу. Кстати, ожог на лице мастера Кёрста — тоже твоих рук дело?

Старик обреченно кивнул:

— Он в ту пору откатчиком был, маленький Джонни Кёрст. Вагонетка мальчишку, видать, и прикрыла от большого огня. Духу у меня не хватает повиниться ему.

— Дед Фул, — сказал, словно бы вспомнив, Иван, — а ботинок с оторванной ноги, он цел?

— Ботинок? Почему ты спрашиваешь о ботинке?

— Любопытно.

Половинка вздохнул и покачал головой.

— Пропал ботинок.

— Жаль. — Иван встал, потянулся и зевнул. — Посплю-ка я до прихода Сиды у тебя, дед Фул. Можно?

— А поспи, поспи, Ван-Иоганн.

Перед тем, как войти в жилище, Иван сунул руку в карман и протянул старику оставшуюся пару картофелин.

КАМЕННЫЙ ВОЖАК

Иван критически посмотрел на босые ноги Сиды.

— У деда должен остаться правый ботинок. Поищи-ка.

Приятель моргнул одиноким глазом.

— Зачем один ботинок?

— Я тебе рассказывал, какой мороз в Пещерах?

— Да, но...

— Запомни. Если я говорю, ты слушаешься. У тебя нога небольшая, не как дедова лапа. Будешь надевать ботинок поочередно, то на левую, то на правую ногу. Все не так будешь мерзнуть. Усек?

Коротышка развел руками.

— Нет больше ботинка, Ив.

— Понятно. Половинка променял на жратву. Какому же это олуху случился один ботинок?

И Иван повернул голову, устремив взгляд на хозяина жилища. Тот спал на полу, на ворохе тряпья, принесенного со свалки. Рот у Половинки был широко открыт, старик дышал тяжело, с присвистом, и порой вскрикивал во сне, словно от испуга.

— Призраки, — объяснил Сид. — К деду они являются во сне. Может, вернуть ему амулет?

— Амулет?.. Какой амулет?

Виновато улыбаясь, Коротышка Сид распахнул куртку. На хилой груди висел на шнурочке небольшой латунный цилиндрок, заостренный на одном конце. Вещица показалась Ивану подозрительно знакомой.

— Оберег от злых духов, — пояснил его приятель. — Стажил у спящего деда несколько дней назад. Старинная вещь. Из Пещер Предков.

— Из Пещер Предков, говоришь? — Иван потрогал цилиндрок указательным пальцем. — И то правда. Из Пещер. Твоего деда не надули. Половинка ведь променял ботинок на эту хрень? — Иван шагнул к металлическому ящику, стоявшему в углу жилища, и поднял крышку: барахло, скопленное хозяином жилища за годы долгой жизни. — Ага. Мои ботинки на месте.

Он достал наружу бесценную обувь. Жалко, подумал он, что пропали башмаки убитого отца Коротышки. Иван связал ботинки шнурками и закинул на плечо.

— Будем надевать их в Пещерах по очереди, — сказал он. — Теперь покажи свой фонарь, — он обернулся к обрадованному приятелю.

Сид сейчас же кинулся в свой угол. Из-под вороха старого тряпья, служившего ему постелью, он извлек какую-то блестящую банку и протянул Ивану. Тот осмотрел поделку приятеля с величайшим вниманием. В умении мастерить. Коротышке нельзя было отказать. Банка из блестящей жести — где он только нашел такую? — имела сбоку отверстие с поворачивающейся заслонкой, которой можно было перекрыть луч света в случае необходимости. Неглупо придумано! К жестянке приклепана была удобная ручка. Сверху она закрывалась металлической крышкой. Иван заглянул под крышку. Фонарь был заправлен горючей горной смолой, которая служила у хозяек жилищ топливом для кухонного очага, а у мальчишек — жвачкой, притупляющей чувство голода.

— Молодец, — похвалил Иван приятеля. — Мне бы твои руки, Сиди. — Он вернул фонарь мальчишке: — Спрячь под куртку.

— Уже идем, да?

— Пора.

— Погоди. Только верну амулет деду.

Иван сунул Коротышке под нос кулак:

— Разбуди мне его еще!

Они выглянули из-за полога наружу — в галерее ни души. Можно идти. Друзья шагали быстро и без слов. Иван шел впереди, вглядываясь в даль бесконечного коридора. По сторонам — задернутые пологи жилищ. Сердце екало, когда за пологом раздавался вдруг кашель или внезапный плач ребенка. Гулять подросткам ночью в катакомбах, да еще с ботинками на плече, — это искушать судьбу. Какой-нибудь общинник, страдающий зубной болью, мог внезапно появиться на пороге. Даже если он и поверит в сказочку о лекаре и больных родителях, от расспросов будет не вернуться.

Словно тени проскользнули они мимо жилища главы проходчиков, отмеченного светящимся гербом гильдии над входом.

Уф-ф! Тоннель кончился.

Иван остановился и сжал руку Сиды.

— Чш-ш.

Друзья стояли, прижавшись спинами к стене коридора, разглядывали залитую светом пещеру. В гулкой тишине было слышно, как клокочет в перегонном кубе кипящая вода. Время — за полночь. Знать бы, где сейчас находятся стражи? Они могли забрести в одну из многочисленных галерей, а могли играть в кости в караульном помещении. Особым рвением к службе пиконосцы не отличались.

— Рискнем? — Иван оглянулся на приятеля.

Тот стоял, прижав руки к груди и задравши стриженую голову вверх, к вентиляционному отверстию. Беззвучно шевелил губами. Подзатыльник привел Сиды Боуна в чувство.

— Бегом к свалке, — прошипел ему в ухо Иван.

И подростки побежали.

Ржавый хлам был горой навален вблизи Старой Штольни — их цели. Когда-то общинники вытащили из Пещер весь металлический лом, какой нашли, чтобы использовать его для своих нужд. Ржавые черепки зазвенели под босыми ногами друзей.

Они сидели, сжавшись, у колес громадной поломанной вагонетки, скрытые ее тенью. Чуть в стороне торчала решетчатая вышка передвижного эшафота.

— А почему не сразу в Штольню? — шепотом спросил Сид.

— По кочану.

Иван встал как раз вовремя, чтобы увидеть стражей, спускавшихся по ступеням из галереи химиков. Пиконосцев было двое, причем один, судя по съезжавшей на нос каске и великоватой форме, оказался недавним знакомым.

«Сержант Бадд сдержал слово, — подумал Иван. — Каблук вновь в дозоре». Было интересно знать, куда эта пара теперь двинет.

Стражи вдруг двинулись в сторону свалки. Они остановились под вышкой эшафота, в каких-нибудь двадцати шагах от укрытия подростков. Было отчетливо слышно, о чем они говорят.

— Как думаешь, — Иван узнал голос Каблука, — успеешь наложить в штаны, пока летишь с этой штуки?

— Это легко проверить, — ответил его напарник. — Сейчас подкатим эшафот к шахте, и ты прыгнешь!

— Гооха лучше бы столкнуть. Этот жирняк сейчас брагу с бабой хлещет, а я из-за него по второму кругу в наряде! Еще и без пайки.

— Стучать на старослужащих сержанту не будешь. Подумаешь, забрали у него флягу. Других молодых в казарме, что ли, нету? С флягами? Слушай, Каблук! Пойдем-ка лучше к «мычалкам». У них пожрать всегда найдется.

— А не влетит нам?

— В дозоре мы сами себе хозяева. Где хотим, там и патрулируем.

— Думаешь?

— Чего тут думать? Пошевеливайся.

И стражи бодро застучали коваными сапогами по направлению к густонаселенной галереи глухонемых огородниц.

Иван был не в силах пошевелиться. Только сжал кулаки, чувствуя бесильную ярость. Он глубоко вздохнул, стараясь взять себя в руки, и это ему почти удалось, хотя сердце бешено билось. Он искоса поглядел на Сиду. Тот сидел рядом на корточках.

— Ушли эти? — осведомился мальчуган шепотом.

— Ушли.

— Я думал, умру со страху.

— Ты ведь ничего не слышал, верно? — спросил Иван утвердительным тоном.

Верный Коротышка тотчас кивнул.

— Ладно. Пойдем, — Иван положил ему руку на плечо.

И они продолжили путь.

В отличие от освещенных отверстий жилых галерей, вход в Старую Штольню был темным. Иван вошел в отверстие первым и уверенно двинулся вперед. Тьма поглотила друзей. Иван, не оборачиваясь, приказал Сиду остановиться. Сам же сделал еще несколько шагов вглубь невидимого коридора и тоже остановился спиной к выходу. Пока глаза привыкали к темноте, он внимательно прислушивался. Кажется, тихо.

— Можешь теперь зажечь фонарь, — бросил он Сиду, по-прежнему не оборачиваясь.

— Ты это... отойди уж, пожалуйста, подальше, — ответил тот снисходительным тоном.

Иван усмехнулся. «Какой догадливый», — подумал он.

Мало-помалу из темноты стала проступать дорога. Она вела вверх. Иван, благодаря своим глазам, смог разглядеть каменный коридор с наклонными друг к другу стенами. Стены были гладкими. Если верить легендам, тоннель пробили в крепчайшей скале железные люди, которыми предки повелевали. Иван легендам не верил. Скорее всего, предки были людьми очень сильными физически. И инструмент у них был стоящий.

Он обулся и постучал подошвами о камень.

— Шаги слышишь? — глядя прямо перед собой, спросил он Сиду.

— Ага.

— Идти будешь, слушая мои шаги. Ко мне с фонарем не приближайся.

— Можешь не объяснять, Ив.

У него хватило выдержки не обернуться.

— И еще, Сиди!..

— Да?

— Не вздумай отклоняться от пути. Замерзнут ноги, скажешь мне.

Сид ответил, что все понял, и они тронулись в путь.

На запыленном гладком камне виднелись колеи, оставленные вагонетками. «Горный лен» — асбестовое волокно, горючую смолу для очагов добывать надо было в Пещерах. Время от времени отряжали для этого бригаду с факелами. Правда, случалось это не часто. Ивану лишь однажды довелось поработать с командой горнодобытчиков. Тогда они возили лед для перегонного куба. Веселое дело, если не считать того, что многие откатчики поморозили себе босые ноги.

Гладкий тоннель, по которому они поднимались, закончился, и появилась большая Пещера. Свод ее сминался каменными складками, темными от копоти. «Зрячий» Иван мог окинуть взглядом все пространство Пещеры. Она была протяженной, с двух сторон ограниченной почти отвесными стенами. Ряды прямоугольных отверстий, пробитых в скале вдоль основания стен, указывали, что здесь когда-то обитали люди. На нескольких входах в жилища все еще висели пологи. Жесткое асбестовое волокно покрывала снежная изморозь.

— Стой, — произнес Иван и стал осматриваться.

Все тихо. За спиной шмыгал носом Коротышка Сид.

— Замерз? — снова подал голос Иван. — Потерпи. Скоро будем греться у очага.

Они продолжили путь через середину Пещеры. Слева от дороги зияла неглубокая воронкообразная яма. На дне ее белели глыбы распиленного льда. Место Ивану хорошо знакомое. Отсюда они возили лед в катакомбы.

Так. Кажется, здесь... Иван неосторожно повернул голову и был за это наказан. В ослепленных светом глазах прыгали огненные круги.

— Сид, — окликнул он, — подойди ко мне. Да, с фонарем. — Когда его приятель оказался рядом, Иван нашупал его руку. — Будешь моим поводырем. Посвети фонарем вправо.

— Там какие-то жилища.

— Верно. Жилища предков. Ищи полог, отмеченный крестом.

— Нашел.

— Топаем туда.

— Осторожно, здесь ступени, Ив.

— Знаю!

Протискиваясь вслед за Коротышкой через входной проем в жилище, Иван подумал, что хлопот будет у него еще немало с одноглазым спутником.

«Ничего не поделаешь... сам его позвал», — сказал он в мыслях.

Круги в глазах у него перестали прыгать, и он смог осмотреться. Вырубленное в скале помещение было шагов шесть в поперечнике и столько же в длину. Вероятно, терпеть тесноту в жилищах прапрадеды решили из соображений сохранения тепла. Половину пространства в помещении занимал очаг с широкой лежанкой из гладко отесанного камня; на ней могла расположиться вся семья. На стенах жилища можно было заметить графитовые детские каракули.

Коротышка Сид был в восторге:

— Ив, тут в очаге топливо! Можно зажгу?

— Валяй. Это я оставил топливо с прошлого раза.

Сид высек искры из огнива, и горячая смола вспыхнула ярким бледно-голубым пламенем. В помещении стало светло.

— Дай-ка мне твой фонарь, — попросил Иван и выскочил из жилища наружу.

Вернулся он уже скоро, волоча за собой обрывок асбестового полога, который бросил на печную лежанку.

— Пусть просохнет, — сказал он. — Разрежем — чудные обмотки будут.

— Это для меня? Спасибо, Ив. Какой ты догадливый!

— Догадливый — это ты у нас. Когда ты допер, что я — «зрячий»? Ты ведь и раньше это знал?

— Ну, допустим. Только это не я допер.

— А кто?

— Дед Фул.

— Половинка? Но ведь я никогда ему не говорил...

— Проболтался однажды.

— Это когда же? — усомнился Иван.

— А помнишь, рассказывал нам однажды с дедом, как мальчишкой первый раз забрался в Пещеры Предков?

— Ну, рассказывал. И что?

— А то. Ты сказал тогда, что Каменный Вожак и наш глава гильдии Джо Кёрст очень похожи лицом. Прямо — отец и сын. А дед, между прочим, бывал в Пещерах. Еще когда не был Половинкой.

— Иди ты!

— Представь себе. И знаешь, что он сказал. Ван-Иоганн либо умеет летать, либо видит в темноте. Мол, статуя Вожака такая высокая, что лица ее ни с каким факелом разглядеть невозможно. Вот тогда-то я и смекнул!

— По-о-нятно... — протянул Иван. — У деда Фула котелок варит...

Он присел на корточки напротив отверстия очага и стал греть руки. Сид взобрался на каменную лежанку и вытянулся на боку, подперев голову рукой. В древнем жилище было тепло и тихо, пламя в топке освещало помещение.

— А что? — проронил сверху Сид. — Тут могли жить когда-то наши пра-родители. Твои или, может, мои. Представь, твой прапрадедушка разрисовал эту стену. Интересно, верно?

— Интересно, — согласился Иван. — Хотел у тебя спросить, Сиди. А кому ты молился там, у выхода из галереи? Ты вправду веришь, что Грозящие Огнем существуют?

— Дед Фул верит, — ответил Коротышка уклончиво.

— Ну, тогда, конечно! Половинка и в призраков верит. Вон как орет во сне!

— А ты не веришь, Ив?

— В Грозящих? Если бы они действительно существовали, то давно бы спалили всех в катакомбах. И пепел развеяли бы в Черной Пустоте!

— Неужто мы заслужили этого, Ив?!

Его друг коротко хохотнул:

— Отец-законник Маркус что говорит? Безгрешны только младенцы!

— Да, но...

— Потрогай полог под собой, Коротышка. Просох?

Сид соскочил с лежанки, и вдвоем им удалось разорвать толстую ткань на полосы, которыми босой мальчуган обмотал себе ноги. Получилось совсем недурно.

Сид радостно прищелкнул пальцами:

— По крайней мере, в этих обмотках я могу ходить бесшумно!

Иван остановился, машинально подняв руку:

— Прикрой свет.

Впереди открывался неширокий коридор; вход в него когда-то был закрыт: прямоугольник из углового железа с приваренными к нему штырями для петель был вмурован в отверстие коридора. Саму дверь (или решетку), очевидно, сняли и утащили в катакомбы хозяйственные общинники.

— Мы куда-то пришли? — вопросительно прошептал за его спиной Сид.

Иван не ответил. Он сам не знал, куда его занесло. Во всяком случае, никогда раньше подросток здесь не был. Он постоял, соображая, что делать, потом решил:

— Можешь светить своим фонарем. Сейчас мои глаза привыкнут.

Когда рябь в глазах прошла, он медленно двинулся вперед. Всего несколько шагов, потом резкий поворот, и коридор уперся в тупик. Когда-то здесь произошел обвал. Груда камней рухнула сверху и завалила проход. Свет фонаря отражался от отливающих разноцветным блеском обломков. Похоже, здесь когда-то пылал небывалый жар, опаливший камень.

Иван услышал дыхание приятеля: он стоял рядом, за спиной.

— Посвети сюда, — указал Иван мальчишке на щель между глыбами. Щель была совсем узкая, взрослый человек не протиснулся бы в нее.

— Ты полезешь туда? — спросил Сид недоуменно. — Ты хоть знаешь, что там?

— Подсоби-ка, — сказал Иван и попробовал пролезть, но тотчас же попятился, так как едва не застрял между глыбами. Ему удалось втиснуться с помощью Сида только тогда, когда он выдохнул из груди весь воздух. Сид пролез вслед за ним, держа перед собой фонарь. Щуплому мальчугану протиснуться в щель удалось гораздо легче.

Иван взял фонарь из его руки и осветил пространство небольшой низкой пещеры. На неровном каменном полу ее стояли продолговатые зеленые ящики, похожие на те, что использовались в качестве сундуков в жилищах общинников. У дальней стены навалена была груда тускло поблескивающего металла. Там царил полный беспорядок, торчали какие-то вороненные трубки.

— Где мы находимся? — спросил Сид друга. — Это какой-то склад?

— Скорее, свалка. — Иван осветил ближний ящик, крышка которого была откинута. — А вот и твои «амулеты», Сид. Набивай карманы!

Сид потрясенно уставился на ящик, наполненный масляно поблескивающими латунными цилиндриками.

— Так ты уже был здесь раньше? — спросил Сид Ивана, запуская руку в ящик и зачерпывая горсть остроконечных цилиндриков.

— Никогда. Но «амулеты» разбросаны всюду по Пещерам.

— Странные люди были, наши предки. Давай посмотрим, что там, — Сид указал на свалку под стеной.

Это была необычная свалка. Могло показаться, что предки были весьма небрежными в обращении с инструментами. А то, что куча металла — выброшенные поломанные инструменты, — сомнений не возникало. Эти ухватистые рифленые рукоятки могли являться частью каких-то сложных дрелей, или чего-то в этом роде. Было такое впечатление, что прежде, чем выкинуть свои красивые инструменты на свалку, предки преднамеренно калечили их молотом.

Действительно, странные люди!

Сид нагнулся, чтобы взять в руки вороненый, заканчивающийся длинной трубкой предмет, и испуганно отскочил назад.

— Глянь на это! — он указал Ивану пальцем на оторванную кисть руки, лежавшую на скале; кисть была в засохшей крови, торчавшая из нее кость ярко белела в луче фонаря.

— Где-то должен быть и владелец руки, — сказал Иван и повел по кругу лучом фонаря. — Так вот же он...

Друзья приблизились к лежащему на каменном полу телу. Долговязый подросток — а взрослого здесь оказаться и не могло — лежал лицом вверх, с раскинутыми ногами, обутыми в тяжелые ботинки. Горняцкая куртка распахнута, из разорванного живота выглядывали кровавые кишки. Веснушчатое лицо мальчишки не пострадало; отросшие огненно-рыжие волосы его примерзли к красному льду.

Иван поцокал языком:

— Эх нашего Бертика разделало!

— Ив, пожалуйста! — взмолился Сид, чувствуя приближение тошноты.

— Успокойся. Рыжего мне жаль не меньше твоего. Но обувку с него нам снять все-таки придется.

Сид опешил.

— Старку-то зачем его обувка?

— Старку башмаки точно ни к чему. А вот тебе... Погоди-ка, — произнес Иван. — А что это там у него на пальце надето?

Правая рука мертвого Бертика была откинута в сторону. Иван наклонился, невольно затаив дыхание, и увидел, что указательный палец мальчишеской руки продет в металлическое кольцо. Иван обратил на это внимание только потому, что кольцо блеснуло в луче фонаря.

— Кольцо... И что? — Иван погладил подбородок.

— Тут ящик какой-то, — Сид потянул Ивана за рукав.

Иван отошел от мертвеца и осветил лучом фонаря открытый плоский ящик. Как и полагалось, он тоже был зеленого цвета. Видимо, любимый цвет был у предков! В угол ящика был воткнут давно погасший факел. В жестяной банке, привязанной к проволочному пруту, было пусто: горная смола, сгорая, не оставляет пепла.

— А нам Рыжий врал, что «зрячий», — сказал Иван. — Трепло!

Переложенные чем-то мягким, в ящике лежали отлитые из массивного металла шары величиной с кулак. Друзья склонились над ними. Внимание

Ивана привлекли прикрепленные к шарам небольшие кольца. На пальце мертвого Бертика было такое же.

— Не трогай тут ничего, — бросил он на всякий случай Сиду.

— Может, пойдём отсюда, Ив? — предложил тот.

— А ботинки?

Сид Боун вздохнул. По всему было видно, что разувать мертвого товарища ему не хотелось. И вовсе не потому, что он боялся покойников. В катакомбах дети с малых лет знакомы со смертью; Сид — не исключение.

— Отойди-ка, — сказал ему Иван и, присев на корточки, стал расшнуровывать ботинок на трупе. Напоминать Сиду, как Рыжий Бертик дразнил одноглазого мальчугана Кривым, он не стал.

— Ты уж прости меня, Ив...

— Чего уж. Вот, принимай обувь. Рыжему она больше не пригодится.

Сид прикрыл лицо веснушчатого откатчика снятыми с ног обмотками — ничего другого под рукой не оказалось.

Пожелав покойному вечного полета, друзья вернулись к каменной щели.

...Каменные груды расступились. Впереди открывалось пространство, заставленное гранитными колоннами, подпиравшими свод огромной Пещеры. В середине ее, между колонн, маячила внушительная каменная фигура Вожака.

Было очень холодно. Иван услышал, как Сид шмыгает носом: он стоял в нескольких шагах позади него.

«Спасибо Бертику, выручил Коротышку», — подумал он. Только сейчас до него дошло, как опрометчиво было тащить с собой босого мальчишку. А после того, как глава гильдии Кёрст открыл ему глаза на факты, связанные с гибелью отца, это было и вовсе глупо.

— Сид, — сказал он, — будь осторожен. Гаси фонарь при малейшем шорохе.

— В чем дело, Ив. Что-то случилось?

— Да нет, это я так... — было странно говорить, стоя спиной к собеседнику. — Хочешь посмотреть, где похоронены наши предки?

— Так это здесь?

— Здесь. Доберешься до каменных колонн и там увидишь.

— Разве ты не со мной?

— Вместе у нас не получится. Ты же понимаешь.

— Ах, да, конечно...

— Только не расслабляйся здесь... очень. Я тебя сам найду. Все ясно?

— Да.

Иван помахал рукой (жест Сид едва ли смог видеть в темноте) и двинулся крупными, легкими шагами.

Несомненно, предки обожали своего Вожака. Статуя была очень велика — Иван едва достигал макушкой гранитного сапога. Фигура была высечена из цельной скалы.

Иван стоял и, задрав голову, глядел на изваяние. Красиво одевались древние! На Вожаке был облегающий мускулистое тело комбинезон

с множеством карманов. Вот только этот странный шар за спиной. Если это какая-то поклажа, то почему так неудачно закреплена. Он долго рассматривал продолговатый предмет на груди Вожака. Очень похоже на инструмент из замурованной Пещеры: трубка с торчащим на конце выступом, рифленая рукоять... Гигант держал одну руку на инструменте, другую он протягивал прямо вперед. Указывал на что-то? Иваном будто овладело наваждение: отец стоит на этом же месте, где и он, и смотрит вдаль. Он быстро обернулся, но в той стороне, куда указывала каменная рука, Пещера была пуста.

Он обошел по кругу подножие статуи, но следов крови, о которых говорил огородный вор мастеру Кёрсту, нигде не заметил; гладкую поверхность скалы покрывал слой инея. Иван долго задумчиво смотрел на каменный шар, служивший опорой для правой ноги статуи. Казалось странным: почему каменотесы, так тщательно отполировавшие поверхность статуи, столь небрежно поработали над пятнистым шаром?

Иван постоял еще немного, потом взглянул на простертую руку Вожака и направился в указанную им сторону. Ботинки гулко стучали по запорошенной инеем скале. Приближаясь к колоннам, поднимавшимся к своду Пещеры, он видел гранитные лица, глядевшие на него из ниш. Там были мужчины и женщины — таинственные предки теперешних обитателей катакомб. Под нишами лежали на поверхности скалы продолговатые каменные плиты, на полированной поверхности которых зубилами были выбиты загадочные знаки.

«Не слишком ли много сил они тратили на своих покойников?», — подумал Иван.

Он обернулся. Лицо Каменного Кёрста (а сходство было несомненным!) было обращено прямо к нему; незрячие глаза, казалось, следили за подростком, а правая рука его указывала направление. Невольно в голову Ивана закралось сомнение: не слишком ли все просто? Иди, мол, куда тебе показывают... «Просто» для «зрячего», подумал Иван. Человеку с факелом даже руку Вожака едва ли удастся разглядеть в холодном мраке Пещеры.

У подножия стены самонадеянного подростка ждало разочарование. Место на скале, куда указывал палец Вожака, ничем особенным не отличалось. Не удалось обнаружить никаких проходов, ниш; даже трещин в граните не было. Ничего более гладкого он в жизни не видел.

Он отвернулся от разочаровавшей его стены и снова взглянул на маячившую между каменных столбов фигуру. Искорка огня двигалась под ней: фонарь Сиды. Впрочем, на таком удалении слабый свет не мог ослепить его.

Когда Иван вернулся к статуе, Сиды там не оказалось. На инее остались его следы. Похоже, Коротышка топтался под статуей довольно долго, следы несколько раз огибали ее подножие.

— Сид... — сказал Иван негромко.

Он тотчас же отозвался:

— Я тут.

За колоннами мелькнул огонек.

— Что-нибудь интересное нашел?

— О, да! Можешь подойти? Я погашу фонарь.

— Не надо. Я осторожно.

Иван медленно двинулся на голос, вернее, на огонек. Когда он нашел Сиду под одной из колонн, глаза его успели освоиться со светом.

— Я твоего предка разыскал, Ив! — приятель сиял от восторга.

— В самом деле?

— Вот. Гляди. — Сид направил луч фонаря в углубление в основании колонны.

Иван долго разглядывал гранитное лицо мужчины с раздвоенным подбородком, что вроде бы свидетельствовало о крепкой воле.

— С чего ты взял, что это мой предок?

— Ты в таз с водой на себя когда-нибудь смотрел?

— Что, я и вправду, похож на этого? — Иван невольно потрогал себя за подбородок. — Послушай... А ведь он не старый совсем, а?

Сид печально покачал головой.

— Молодых тут полным-полно. Может, из-за холода они так рано умирали?

— Может. Не зря же катакомбы выдолбили так глубоко. Штейгер Хэнк говорит, что внутри Глыба вообще горячая. Из-за каких-то там особенных пород, от которых исходит тепло.

Внезапно они затихли. Иван прислушался и жестом приказал Сиду погасить фонарь. Темнота наступила так внезапно, словно на голову Ивану вновь надели черный мешок. Он судорожно замигал, цветные пятна поплыли у него перед глазами.

Клак... клак... клак... Кто-то шагал за каменными колоннами.

Схватившись за руки, они присели на корточки рядом с гранитной плитой. Иван протер свободной рукой глаза, и в той стороне Пещеры, откуда донеслись шаги, заметил неровный огонь факела. Огонь медленно двигался между скальных столбов, исчезал за ними и вновь появлялся. Выпустив руку приятеля, он сжал кулаки и уставился на темную горбатую фигуру, возникшую вдруг совсем неподалеку от них. Человек с факелом и заплечным мешком (вот почему он казался горбатым!) остановился и завертел головой: куда идти? Иван мысленно уговаривал грабителя оранжереи: ну, ступай же куда-нибудь, чего зря жечь факел?

«Надо подсказать ему дорогу», — мстительно подумал он и, набрав полную грудь морозного воздуха, издал истошный вопль.

Эхо прокатилось по огромной Пещере, точно она задрожала. Иван успел зажать рукой рот Сиду.

Несколько мгновений пришелец стоял между каменных столбов, как вкопанный, затем, издав хриплый крик, бросился бежать. Он наскочил на гранитную плиту, отшатнулся в сторону и, каким-то чудом удержавшись на ногах, скрылся за колоннами. Еще какое-то время можно было видеть исчезающий и появляющийся огонь; впрочем, вор, даже в сильнейшем испуге, не потерял чувства дороги. Его факел, роняя искры, исчез как раз в том направлении, где был выход из Пещеры.

Иван хлопнул Сиду по худой спине:

— Ну, как я его, Коротышка?

— Я чуть в штаны не наложил.

— В следующий раз подумает, воруя, как лазить в оранжерею.

— А если бы он сломал шею?

— Туда и дорога.

— Злой ты какой-то сегодня, Ив.

— Есть от чего. Ты ведь не знаешь, Коротышка, что моего отца грабитель зарезал именно здесь. Что мой отец здесь делал, неизвестно, но я хочу докопаться до правды. Только никому не говори об этом.

— Слово, — заверил верный Сид. — Ив... а мы Старку скажем про Бертика?

— Никогда! И запомни. То, что ты был в Пещерах, не должен знать даже дед Фул.

УМНИК СИД

Ночные приключения, вероятно, сказались на результатах работы Ивана. Учетчик Старк выдал ему по окончании смены всего пять картофелин.

— Перехвалил я тебя, Матич, — сказал он сухо.

Мать встретила его на пороге жилища взволнованная:

— Гоох приходил, — сказала она.

— Вот уж не новость.

— Он приходил сказать, что поймали убийцу твоего отца.

— Ты это серьезно? И кто же он?

— Какой-то швейник.

Иван выронил кружку в ведро. Неужто ночной недотепа в Пещере и был этот самый швейник?

— Когда его поймали? — спросил он мать.

— Сегодня. Но Гоох сказал, что его не ловили. Стражи арестовали его в мастерской. По приказу самого капитана Рекса.

Ответ матери заставил задуматься.

Неужели Кёрст выдал? Столько времени прошло.

Нет, и в мыслях допустить вероломство главы проходчиков Иван не мог!

— И он что, этот швейник? Сознался в давнем убийстве?

— Капитан Рекс допрашивал. Уж он-то знает, как подойти к человеку. Гоох говорит, что их начальник после допроса велел отвести арестованного в камеру смертников.

— Даже так? Не в тюрьму для воров?

Мать пожала плечами.

— Так Гоох сказал.

— Ладно, ма. Я пройдуся, пожалуй. Узнаю новости... Ах, да! Пайку вот возьми.

Побросав картофелины в корзину, он вышел в коридор и направился к жилищу Половинки: надо было узнать, что случилось с Сидом; Коротышка не вышел сегодня на смену.

Занятый своими мыслями, Иван не заметил, как остановился у знакомого порога. Когда же поднял взгляд, ему показалось, что в глазах у него двойся. На пороге сидел не один Половинка, а два! Двойником Половинки оказался не кто иной, как лекарь Кунц. Он был такой же лысый и морщинистый, как и старик Фул. То, что у него не доставало не левых,

а правых конечностей, — отличие единственное и, собственно, несущественное. Иван подумал, что если сейчас связать сидящую на пороге пару веревкой, то получился бы полноценный человек, правда, о двух головах.

Кивнув по-свойски Половинке, Иван вежливо поздоровался с гостем:

— Здравствуйте, лекарь Кунц.

— И тебе не хворать, босоногий, — старик долго буравил подростка своими острыми зрачками. — Не старшего ли мастера Матича чадо? — задал он вопрос хозяину жилища.

На лице Половинки отразилось странное виноватое выражение.

— Покойника сынок, — ответил он с готовностью. — Я тебе говорил о нем. Дружок моего Сиды. Ван-Иоганн я его зову.

Лекарь Кунц продолжал сверлить подростка изучающим взглядом.

— В Пещеры ты мальчишку заманил? — сказал он, подразумеваемая вопрос, но произнес эти слова как утверждение.

Иван моргнул.

— Кто вам сказал?

— Да ладно, чего там, — усмехнулся Кунц. — В Пещеры все мальчишки мечтают забраться. Не знают, сколько людей там сгинуло.

— Вы это о чем? — сделал невинные глаза Иван.

Кунц поманил его к себе пальцем, потом неожиданно сунул уцелевшую руку в карман.

— А вот об этом, например, — проговорил он, протягивая к Ивану раскрытую ладонь, на которой поблескивало с полдюжины латунных «амулетов». — Ты хоть знаешь, что это? Смерть, — последнее слово лекарь произнес бесстрастно.

— Это как? — не понял Иван.

— А так! Эта маленькая штучка в тебя втыкается — и «вечного полета», мальчик, — охотно объяснил лекарь Кунц. — Старый дурень, по слабоумию своему верящий в амулеты, принес это в жилище, а вы, придурки малые, и повелись! Помчались в Пещеры и нагребли целый карман смерти. Вы, случаем, шарики с колечками не притащили с собой?

— Шарики? Какие шарики?

— С колечками. Сразу говорю: выкинь в мусорный колодец! На мои культы можешь полюбоваться.

— Так это... — Иван прикусил язык.

— Именно! Я ведь тоже был когда-то любознательным мальчиком.

Иван нерешительно посмотрел на калеку.

— Если можно узнать, лекарь Кунц, зачем нашим предкам были нужны такие, гм, опасные вещи?

— А для убийств! — ответил тот. — Наши предки были помешаны на убийствах! Правда, у них все-таки хватило ума замуровать свое дьявольское железя. Полагаю, устали долбить могилы в скале.

— То, что вы говорите, лекарь Кунц, не укладывается в голове. Предки — убийцы!

— На кладбище их был? Каменные лица видел? Много среди них стариков?

Возразить тут нечего, подумалось Ивану. Сид тоже заметил эту странность. А все-таки, что с мальчишкой? И что тут делает лекарь?

— А что Сид? — спросил он. — Он заболел?

— Эй, старый дурень, — лекарь Кунц культей правой руки толкнул в бок Половинку, — уступи-ка дорогу парню. Пусть посмотрит на своего дружка. Полезно будет.

Иван протиснулся между стариками внутрь жилища.

Его приятель лежал на расстеленном тряпье в своем углу, и, казалось, спал. Из-под рваного одеяла высовывалась тощая нога, обмотанная выше колена окровавленной тряпкой. Иван уселся прямо на постель.

— Сид...

Мальчишка тотчас же отозвался:

— Ив? Как я рад, что ты пришел!

— Ладно, ладно... Лежи. Что с тобой случилось?

— Ни за что не поверишь. «Амулет» мне ногу продырявил.

— Как это произошло?

— Понимаешь... хотел посмотреть, что внутри латунной трубочки, интересно же... Положил «амулет» на горящий очаг...

— Зачем?

— Дед посоветовал. Он как-то видел, как в кузнечной мастерской снимают сломанные кирки с железных ручек. Суют кирку в горн, сталь от жара расширяется. Кирка легко снимается с рукоятки. Вот мы и подумали, что из нагретой трубочки вбитое острие выдернуть будет нетрудно.

— Ну и?..

— Острие само выдернулось. Вернее, вылетело с громким хлопком. Дед чуть не помер с перепугу. У меня до сих пор в ушах звенит!

— А нога тут при чем?

— Так в ногу-то острие и попало. Лекарь Кунц говорит, мне еще повезло — рана сквозная. Останься острие «амулета» в ноге, пришлось бы резать. Ножом по живому — тебе бы понравилось?

— Предки наши были странные люди. Я бы сказал, психи, если они эти вещи применяли друг против друга.

Его приятель ничего не ответил. Он осторожно сел в постели.

— Можно тебя попросить стать к стене? — сказал он неожиданно.

— Что ты придумал?

— Так надо, Ив.

Иван не стал спорить с раненым человеком. Встав с постели, он подошел к стене жилища и повернулся лицом к Сиду.

— Ну?

Сид поднял руку с вытянутым указательным пальцем. Его одинокий глаз смотрел на Ивана с прищуром.

— Куда показывает мой палец? — спросил он серьезным голосом.

Иван пожал плечами.

— На мой лоб, полагаю?

— А вот и нет: на левое плечо! Видишь, как можно ошибиться, если глядеть не с той стороны?

Иван потрясенно уставился на Коротышку.

— Сид, выкладывай-ка, паршивец, как ты догадался? Неужели твой фонарь добивает лучом до верха статуи?

— А то! И когда я разглядел руку Каменного Вожака, то все понял. — Сид понизил голос. — Признайся, ты ведь искал его могилу?

Иван опасливо оглянулся на выход.

— Я сам не знаю, что искал. Но тебе спасибо за подсказку. Гм... «Не с той стороны»...

— Я, действительно, тебе помог?

— Хватит об этом. Сейчас важнее найти для вас с дедом жратву. Попробую разжалобить Обрубка. Вот только что ему соврать насчет твоей ноги?

ПОБЕГ

Учетчик Старк сказал Ивану:

— Отпускаю тебя со смены, сынок. Твой день сегодня!

— А как же...

— Пайка? Десяти картофелин вам с матерью хватит?

— Еще пяток бы картошек больному Сиду Боуну с его дедом, мастер Старк...

— Ладно. Так и быть. Бери и им, дармоедам, десять картофелин.

— Вы лучший начальник у нас в проходке, мастер Старк!

— Ступай, ступай. Скоро уже начнут.

Набив карманы картошкой, Иван двинулся с груженой вагонеткой к мусорной шахте. Туда уже успели подкатить вышку эшафота. На решетчатой площадке ее, болтая ногами, сидело четверо или пятеро мальчишек; они забавлялись, плюя с высоты на закрытые створки колодца. Когда Иван опрокинул кузов вагонетки, и створки разверзлись под тяжестью породы, мальчишки свесили вниз стриженные головы.

— Свалитесь, дурачье! — крикнул им Иван. Сорванцы скорчили в ответ рожи.

Он отогнал вагонетку на стоянку.

Можно идти за матерью: это ведь и ее ДЕНЬ.

Между тем из караульного помещения высыпали стражи. Каждый нес на плече пару железных стоек с приваренной к низу крестовиной. Стойки расставляли вдоль пути от камеры смертников к эшафоту, чтобы протянуть канатное ограждение. Казнь преступника всегда собирала массу зевак. Порой приходилось обезопасить самого злодея, чтобы толпа не разделалась с ним раньше времени.

Народ из галерей уже стекался. Каждый спешил занять место ближе к эшафоту. Толкались, наступая друг другу на ноги. Общинницы ни в чем не уступали мужчинам и бодро работали локтями. «Чего стою? — подумал Иван. — Пора бежать за ма».

И он поспешил в сторону своей галереи.

Войдя в жилище, Иван увидел, что его мать безуспешно пытается разбудить Гооха, который спал прямо на полу у очага. Рядом валялись пустые фляги. (Наверное, и фляга несчастного Каблука была среди них). Мать, склонившись над стражем, хлестала его ладонями по рыхлой физиономии. Гоох отвечал на это невнятным бормотанием.

Иван вытряхнул картошку из карманов в корзину.

— Кончай возиться с ним, ма, — сказал он матери. — Прозеваем самое интересное.

— Да он на службе сейчас! — воскликнула мать.

— Вот и замечательно.

И он потащил мать за руку из жилища.

Когда они вышли из галереи, толпа вокруг эшафота увеличилась: женщины спешили из жилых тоннелей, мужчины покинули свои мастерские; собралось чуть ли не все население катакомб.

Иван оставил мать в окружении отдельно стоявшей группы общинниц, а сам протолкался вперед.

— Вы слезете оттуда? — грозили мужчины кулаками мальчишкам, облепившим решетчатые ступени вышки. Мальчуганы неохотно спускались вниз. Вскоре их уже можно было заметить на штабелях ржавых бочек, высившихся над железной свалкой.

Иван увидел двоих плечистых мужчин в бушлатах проходчиков, которые стояли, скрестив на груди руки, по обе стороны от эшафота. Обычно в палачи вызывались ближайшие друзья жертвы. Если жертвой был ребенок — родители. Впрочем, в толпе общинников нашлось бы немало желающих скинуть убийцу в колодец мусорника просто так, для собственного удовольствия.

— Назад, осадил назад! — окрики шли от стражей, оцепивших отверстие шахты.

Толпа немного отхлынула. В памяти общинников еще жива была история казни Ночного Душителя Стариков, когда в давке столкнули в колодец и самого убийцу, и палачей.

«У ограждения я его лучше рассмотрю», — мелькнуло в мозгу у Ивана. Придя к такому заключению, он начал проталкиваться сквозь толпу, пока не оказался на середине пути между железной дверью камеры смертников и эшафотом.

Уф! Как раз вовремя. Камеру отпирал усатый сержант Бадд.

— Ведут, ведут! — раздалась возбужденные крики.

Позади Ивана громко заговорили.

— Так это же Грэм! Швейник Грэм... Кого же это он убил?

— Эх его разукрасили!

— Поделом вору! Вы что, не знали, что все швейники — воры?

— Это ты чего несешь, ассенизатор вонючий?

— Тихо, тихо вы горла драть... Лучше поглядите, как человек идет. Будто его все это и не касается.

Кто-то толкнул Ивана, он пошатнулся и чуть было не вывалился через канат. Он невольно обернулся, но лишь на мгновение — конвой и убийца были уже рядом. Он рассмотрел невысокого плечистого человека, чернородого, в изорванной робе, которого вели, подталкивая пиками в спину, двое стражей. Руки бородача были связаны, на обнаженной груди — засохшая кровь. Кровь была и на босых ногах. Впрочем, шагал он навстречу смерти непринужденно, можно сказать, бодро.

На какой-то миг, когда внимание Ивана было привлечено его лицом, их взгляды пересеклись. Но что это? Бородач подмигнул Ивану, будто старому

знакомому. Показалось? Сжав руками канат ограждения, Иван подался вперед. Что хотел сказать ему швейник?

Дальше случилось невероятное.

Подталкиваемый пиками бородач вдруг резко шагнул вперед и в сторону, стряхнув со спины кованые острия.

— Стоять! — гаркнул он.

От неожиданности конвоиры остановились, уставившись на него: они хотели понять, что это такое нашло на их подопечного.

И в этот единственный, неуловимый миг, когда в ушах зевак продолжал звенеть его крик, швейник сделал отчаянную попытку. Резко развернувшись на месте, он коротко ударил одного из конвоиров связанными руками в кадык. Страж упал на спину и захрипел. Свое вращательное движение швейник завершил на втором конвоире, ловко подрубив его ногой под колени.

Все это случилось настолько быстро, что многие не успели что-либо сообразить, а швейник уже мчался во весь дух по проходу между натянутыми канатами. Вслед ему раздавался пронзительный свист мальчишек на бочках. Не добегая до железной двери, откуда его вывели и где толпы не было, беглец одним прыжком перемахнул через канат и устремился к Старой Штольне, в которой и скрылся.

Некоторое время все стояли как вкопанные, лишь страж с отбитым копчиком продолжал ползать на четвереньках, ища свое оружие и свирепо ругаясь. Тот, что получил удар в кадык, лежал словно мертвый. Наконец, зашевелился, рукой схватился за горло и, мучительно хрипя, выдавил что-то вроде: «Догоните его».

— Лежи уж, — бросил ему кто-то. — У парня руки связаны и нет огня. Свернет себе шею в темноте.

Толпа начала расходиться, и Иван отправился искать мать. За ним увязался молодой подмастерье в фартуке, пропахшем какой-то химией. Малый, вероятно, удрал с работы — поглазеть на казнь. И, хотя казнь не состоялась, юный химик захлебывался от восторга.

— Здорово он их вырубил! — тарахтел он. — Раз, раз — и на лопатках оба! Ничего подобного в жизни не видел!

— Ты, может быть, рад, что сбежал убийца? — спросил Иван.

Малый на мгновение задумался.

— А он кого убил?

— Моего отца.

— Ну и дела! У нас в мастерской говорили про какое-то убийство, но толком никто ничего не знает. Давно случилось?

— Давно... Ладно, мне пора идти. Пока.

— Погоди, — остановил Ивана химик. — А ведь стражи большие олухи. Не поставили у Старой Штольни «истукана», часового с пикой. Всегда ставят в день казни, а тут вдруг прохлопали. Влетит же кому-то сегодня от капитана Рекса!

«И я даже знаю — кому», — подумал Иван не без злорадства. Ему казалось, что он получил подарок судьбы. Гооха ему ничуть не было жаль, зато к болтливому подмастерью он вдруг проникся симпатией.

— Тебя как зовут? — спросил он химика.

— Алек.

— Если у тебя есть время, Алек, то ты скоро увидишь виновного в побеге. Ага! Вон уже ведут.

Три черные фигуры показались со стороны галереи проходчиков. Иван и его новый знакомый с интересом взирали на картину: двое стражей тащили под руки третьего, причем этот третий, судя по вялому его сопротивлению, иди с сослуживцами не желал. Они остановились, очевидно, совещаясь.

Иван заметил:

— Им следовало бы поймать откатчика с вагонеткой. Подойдем поближе.

В одном из стражей Иван узнал сержанта Бадда. Усач протянул свою пику напарнику, у которого уже было под мышкой две пики, а на поясе висела вязанка фляг, и освободившейся рукой нанес Гооху удар в бок.

— Сам пойдешь или тебя тащить? — осведомился он.

Гоох, согнувшись, хватал воздух ртом.

— Не надо меня тащить, я сам...

— Тогда поднялся! — сержант рванул Гооха за шиворот, помогая тому выпрямиться. — Шевели задницей! Тебя капитан Рекс ждет. С особым заданием. Отправись сейчас в Пещеры ловить сбежавшего убийцу. В компании с двумя раззявами. Они тебя заждались.

Сержант заметил глазевших на них подростков.

— Чего уставились? — гаркнул он. — Марш с дороги!

Не послушаться его сейчас было бы неразумно.

...Мать он нашел понуро сидящей на вещевом ящике в прихожей жилища. На вопрос Ивана «Ну? Ты как?» она лишь отмахнулась.

— Гооха отправили ловить беглеца, как тебе такая новость? — сказал он.

— Я не верю, что он убийца, этот Грэм, — неожиданно заявила мать.

Окончание в следующем номере.

Об авторе

Родился в 1946 г. в Одесской области. Закончил Московский гидрометеорологический техникум. С 1971 г. по 2002 г. работал радистом-гидрометеорологом и начальником полярных станций, где и начал писать фантастику. В настоящее время работает метеорологом в Нижегородском гидрометеорологическом центре.

Первая публикация в 2000 г. — рассказ в журнале «Нижний Новгород», затем в «Юном технике» — рассказы «Особые рекомендации» (2001 г.), «Казнить нельзя помиловать!» (2002), «Пожирающий время» (2003 г.), «Памятник» (2004), в журнале «Искатель» — рассказ «Воспоминание о будущем» (2006), повесть «Звезда» (2007) и, наконец, в литературном приложении «ЗНАНИЕ-СИЛА: Фантастика» — рассказы «Воскресный пикник» (№ 5—2007), «Эстафета» (№ 7—2008), «Феномен» (№ 17—2013).

Марина Нугманова

Сам себе Парамон

— Ну все, Парамон, поиграли и хватит! — Арсений погладил маленькое пластмассовое тельце кошко-пса. Поправил расстрепавшиеся капроновые кудряшки на холке.

Никто не понимал любви Арсения Стрельникова к таким старомодным пластмассовым материалам. Стремление к натуральному было возведено в культ. И если кому-нибудь из его сослуживцев довелось бы заказывать подобное существо, то оно наверняка имело бы натуральную шерстку, или, возможно, его поверхность была бы выполнена из плюша, на худой конец, из шерсти, но уж точно не из пластмассы. А Арсению нравился именно такой вариант. Может быть, он хотел быть оригинальным, а может, немодная нынче пластмасса напоминала ему о детских конструкторах далекого прошлого, о любящем отце и беззаботном детстве. Теплые воспоминания успокаивали. А это как нельзя лучше отражалось на его нелегкой работе.

— Констатирую факт, что твой уровень обиды — три, уровень агрессии — пять, уровень неудовольствия — семь, — заявил Парамон и уселся на задние лапы так, как это сделала бы собака. Уставился на хозяина в ожидании. Арсений не отреагировал — так и продолжал сидеть в задумчивости на самом краешке дивана, не обращая внимания на своего друга. Кошко-пес выждал минуту, весело твякнул и поставленным механическим голосом предложил: — Давай еще поиграем.

Ответа не последовало. Тогда весельчак схватил зубами крохотный красный мячик, ткнулся им в ногу Арсения — не больно, но весьма ощутимо — достаточно для того, чтоб добиться нужной реакции. Хозяин взял игрушку, несколько раз подбросил на ладони и сделал вид, что замахивается, но в следующий момент кинул мяч в другую сторону. Реакция кошко-пса была мгновенной. Подпрыгнув, на лету схватив мяч зубами, он провертел несколько кульбитов в воздухе и неожиданно обрушился всем маленьким тельцем на пол. Картинно взвизгнул от предполагаемой боли. Мог бы, конечно, по-кошачьи ловко приземлиться на четыре лапы. Но нет. Демонстративно упал на спину и беззащитно поджал лапки к животу. Замер в надежде получить сочувствие.

— Парамон, не прикидывайся! — сердито произнес Арсений, пряча невольную улыбку.

В ответ кошко-пес закатил глаза, выронил мяч из пасти и заставил дрожать прижатые к брюху лапки. Зрелище было одновременно и трогательным, и комичным. Не в силах сдерживаться, Арсений рассмеялся.

Парамон только этого и добивался. Вскочил, в мгновение ока оказавшись у ног хозяина, с удовольствием произнес:

— Твой уровень обиды — ноль, уровень агрессии — ноль, уровень неудовольствия — ноль.

— Замечательно, — Арсений одобрительно похлопал ладонью по шершавой пластмассовой спинке, пригладил вновь растрепавшиеся завитки. — Молодец, Парамон.

Арсений действительно ощутил, как гнетущее чувство отпустило. Напряжение спало, но мысли не отпускали. Сегодня состоялось совещание, которое основательно выбило из колеи. Как никогда осознал, что проект по запуску инопланетного корабля, которому они с профессором Трифановым отдали столько лет, у них отнимут. Чувство исследователя подсказывало, что разгадка находится совсем близко. Но это были лишь его размышления. Правительственную комиссию они больше не интересовали. За годы исследований группа профессора Трифанова так и не смогла освоить управление космическим кораблем. Кораблем, который землянам любезно предоставила Вселенская Лига Наций.

Представителей Вселенской Лиги на Земле коротко называли Вселинирами. Контакт с ними был осуществлен много лет назад. Посетив Землю, пришельцы принесли с собой замечательное известие: человечеству выпала огромная честь вступить во Вселенскую Лигу Наций. В ее состав уже входили все разумные существа галактики, которые обладали для этого соответствующим интеллектом. Вселиниры в знак своего дружеского расположения предоставили в ведение землян все передовые знания своей науки и техники.

Люди с удовольствием приняли выпавшую им честь и вступили в Лигу. Они с неменьшим удовольствием овладели бы и передовыми знаниями, но, увы, не вся великая наука усваивалась. Человечество с лихостью смогло овладеть вакуумом для восстановления здоровья, смогло заменить синтетическое производство на выращивание необходимых вещей из естественных органических кристаллов. Оно переняло многие космические технологии, кроме одной: земляне никак не могли обучиться управлению инопланетным кораблем, который им предоставили Вселиниры. Скорость его ошеломляла, по быстроте своей могла сравниться только с мгновенной реакцией мысли. Известная на Земле скорость света не выдерживала с этим явлением никакой конкуренции. Вселиниры именно летали, а земляне с легкой руки великого Юрия Гагарина, все еще ехали, хотя и очень хотели полететь. Но полететь пока никак не получалось.

Корабли Вселиниров, выращенные из сложного органического вещества, больше напоминали гигантских живых существ, чем технику. Но по сути своей они являлись все-таки техникой и требовали определенного способа управления. Данный способ как раз и стал камнем преткновения, на котором спотыкалось человечество. Корабли пришельцев подчинялись мысленному приказу пилота. Космонавт должен был всего лишь наладить с гигантским чудом техники определенный психологический контакт. И только слившись с ним в одно единое сознание, получал возможность управлять звездолетом. Но наладить такой контакт никак не получалось. Год за годом корабль был нем и глух к своему новому пилоту — молодому астронавту

Арсению Стрельникову, который самоотверженно пытался от лица всего человечества подружиться с диковинным существом.

Арсений нервничал. Возможно, в скором времени будет решена его дальнейшая судьба и, скорее всего, решена будет не самым лучшим образом. На завтра было назначено контрольное испытание, на котором Арсений должен был показать свои успехи овладения кораблем. Результаты будут оценивать уже не только высшие умы человечества, но и представители Вселиниров, во главе с ТриГаном, ведущим ученым со стороны инопланетян, который на протяжении многих лет буква за буквой передавал землянам и лично ему, Арсению, сложную инструкцию по управлению кораблем.

Вселиниры с большим пониманием относились к возникшим сложностям в работе профессора Трифанова, чего нельзя было сказать о выдающихся умах человечества. На сегодняшнем совещании господин Брыськин, ответственный за материальную часть, дал недвусмысленно понять, что лимит доверия исчерпан и он, Брыськин, костями ляжет, но направит финансирование в более выгодное русло. Брыськин брызгал слюной, тыкал пухлыми пальчиками в разложенные бумаги и требовал ответить на один единственный вопрос: почему звездолет не оторвался от земли хотя бы на сантиметр, и если для этого нужен какой-то там контакт пилота с кораблем, — то почему этот контакт не состоялся?

Сухонький, за эти годы еще сильнее поседевший, профессор Трифанов с трудом сдерживал натиск эмоций Брыськина. В надежде подобрать для своего гостя более понятный язык, он пытался донести мысль, пересказывая ее разными словами.

— Как я уже объяснял, для осуществления психологического контакта с кораблем эмоции пилота должны находиться в абсолютном равновесии. Это одно из главных условий, прописанных в инструкциях Вселиниров, — медленно растолковывал Трифанов. В ожидании непредсказуемой реакции он с опаской поглядывал на Брыськина.

— Про эмоции я понял, — закивал Брыськин, придавая лицу с трудом удававшееся ему умное выражение. — Но я не уловил, добились ли вы их равновесия или нет? Только прошу вас, профессор, не утомляйте меня излишними подробностями. Поверьте, я тоже могу забросать вас разными цифрами, правда, цифрами несколько другого порядка. — Он расплылся в ехидной улыбке.

— В таком случае... — неуверенно произнес профессор, — я думаю, что лучше будет показать, чем объяснять. — И, обратившись к Арсению, спросил: — Достань Парамона.

Стрельников поднял с пола сумку, больше похожую на коробку, обтянутую ярко-синей тканью. Конструкция имела по бокам ручки и застежки, напоминающие молнии. Окинул взглядом комнату в поисках подходящего места. Решил не церемониться, поставил прямо на стол. Скомандовал: «Парамон, работаем». Раздался щелчок, в теле сумки образовался проем, и из своего убежища вышел кошко-пес. Уселся в свою любимую позу — на задние лапы — прямо напротив хозяина.

— Уровень обиды — пять, уровень агрессии — пять, уровень страха — два, уровень тоски — семь, — с уверенностью констатировал он. С любопытством

поглядел на присутствующих, по привычке весело твякнул и добавил: — В данной ситуации стабилизация эмоций невозможна. Предлагаю пойти прогуляться. — Вскочил на лапы, завил хвостом-трубочкой, всем своим видом показывая полную готовность отправиться в путь.

Арсений отметил про себя, что такого букета эмоций он не собирал уже давно. Тоска-то откуда взялась? И со страхом, вроде, он тоже давно распрощался. По крайней мере, ему так казалось. Но вслух произнес: «Молодец, Парамон. Но прогулку мы пока отложим». Кошко-пес опять присел на задние лапы. Изобразил при этом гримасу неудовольствия на мордочке.

— Что это? — спросил Брыськин. Его лицо вытянулось в откровенном непонимании. Глаза сузились, как будто он приценивался.

— Это робот, — ответил Трифанов, с беспокойством наблюдая за реакцией материально ответственного. — Основываясь на электромагнитных колебаниях мозга, он вычисляет эмоциональное состояние хозяина. Дальнейшая его задача — помочь хозяину выбросить неприятные мысли из головы. Так сказать, отвлечься и выровнять эмоциональный фон.

— То есть, это робот, который может стабилизировать эмоции человека? — воскликнул Брыськин, испытывая настоящий восторг от собственной сообразительности.

— Совершенно верно, — облегченно вздохнул Трифанов.

— А почему же тогда корабль не запускается? — спросил Брыськин и изобразил на лице выражение, означающее: ни на того напали, меня не проведешь.

Трифанов снова вздохнул, но на этот раз очень глубоко и как-то совершенно обреченно.

— Вот над этим вопросом и бьется наша группа. Мы выполнили все инструкции Вселиниров. Добились того, чтобы эмоции пилота были абсолютно сбалансированы. Но осуществить психологический контакт с кораблем нам так и не удалось. Но, я думаю, что если вы дадите возможность, то в скором времени мы найдем ответ.

Брыськин с сомнением посмотрел на кошко-пса... Тоже попытался вздохнуть, но сразу же присек этот свой порыв, видимо, посчитав, что ему вроде как и не положено. Затем уставился в бумаги и, не поднимая головы, более чем официальным тоном заявил:

— Как вы понимаете, я не принимаю решения самостоятельно, но обязательно сообщу о ваших... э-э-э... достижениях в вышестоящие инстанции и даже лично самому господину Тригану. — Упомянув имя ТриГана, Брыськин поднял указательный палец и авторитетно потряс им в воздухе, но глаз при этом так и не поднял.

На утреннем солнце гладкая поверхность корабля отливала всеми цветами радуги. При беглом взгляде можно было подумать, что звездолет обшит металлом. Но это было обманчивое впечатление. Поблескивающий эффект создавала кожа гигантского организма, по структуре своей напоминающая рыбу чешую. Арсений знал: если провести по ней рукой, то она примет форму ладони. А если надавить посильнее, то можно будет ощутить неприятное предупреждающее покалывание.

Представители ответственной комиссии топтались возле трапа корабля. Землян и Вселиниров было сложно отличить друг от друга, поскольку пришельцы по своему облику ничем не отличались от людей. Среди большого количества собравшихся Арсений отыскал глазами Трифанова, который увлеченно беседовал с ТриГаном. Между ними пытался вклиниться суетившийся Брыськин. Обходил то с одной, то с другой стороны, напоминая своим кружением танец. Двигался с такой скоростью, что пачка бумаг в его руке распускалась трепещущим веером. Но завоевать внимания ему так и не удавалось. Арсений, все утро настраивавшийся на эмоциональное равновесие, решил попробовать пройти мимо незамеченным. Уж кого-кого, а Брыськина он видеть точно не хотел. Ему это практически удалось, но в последний момент пришлось остановиться — его окликнул ТриГан.

— Ну как, молодой человек, готовы? — спросил подходящий к нему Вселинир. Он почему-то всегда называл Арсения именно молодым человеком.

Арсений в очередной раз подумал, как сильно восхищает его пришелец. С умными, пронизательными глазами, высокий, плечистый, уверенный в себе, всегда сдержанный и уравновешенный, но при этом не бездушный.

— Готов, — коротко ответил Стрельников, боясь хоть на йоту поколебать внутреннее равновесие.

ТриГан, почувствовавший его волнение, не стал досаждать вопросами, пожелал удачи и раскланялся, увлекая за собой подскочившего в этот момент Брыськина. С полувзгляда понял, как не хочет с ним общаться пилот.

Перехватив поудобнее сумку с Парамоном, Арсений поднялся по трапу и зашел внутрь корабля. Он знал каждый сантиметр этого огромного организма. Изучил пространство с такой тщательностью, с какой дагтилоскопист анализирует отпечатки пальцев. Мог с закрытыми глазами описать сложность изгиба любого рычажка-хоботка, торчащего из панели управления. Каждый индикатор-глазница, с причудливо вращающимся внутри зрачком, имел для Арсения свое особое выражение, хотя на первый взгляд все они были похожи друг на друга. Знакомым было абсолютно все, при этом так и оставаясь непознанным.

Арсений поставил сумку на пол и, вызволив Парамона, привычно командовал: «Работаем». Кошко-пес, сообщил, что эмоциональный уровень стабилизирован. Стрельников уселся в похожее на гигантский лопух кресло, мгновенно принявшее форму тела. Осмотрел индикаторы-глазницы, выделяя для себя только несколько самых больших. Они были предназначены для фиксации контакта. Услышал за спиной громкий чвакающий звук, понял, что Трифанов закрыл входной люк. Арсений с горечью отметил, что за столько лет они не научились при помощи мысли справляться даже с этой малостью — открывать и закрывать входной люк... Но тут же отогнал весь негатив прочь. Эмоциональное равновесие было важнее.

Прикоснулся пальцами к самому большому рычажку-хоботку. Сформировал посыл: «Я, Арсений Стрельников, хочу вступить в контакт с кораблем «ИРИС-211». Сосредоточился, без остановки начал прокручивать данную мысль в голове. Повторял ее снова и снова, пока она полностью не заполняла каждую клеточку его тела, пока не становилась важной составляющей частью организма. Той важной частью, которая разносит

кислород по венам вместо крови или, заменяя воздух, заполняет все пространство легких. И в такой момент Арсений уже переставал понимать, кто кем владеет — он мыслью или она им.

Иногда, выныривая из этого состояния, бросал оценивающий взгляд на индикаторы или интересовался у Парамона о своем состоянии. И в том, и другом случае заранее знал ответ: индикаторы «мертвы», а его эмоции сбалансированы. Затем вновь повторял попытку стать частью не хотящего услышать его корабля.

Потеряв счет времени, Арсений мгновенно встрепенулся, услышав за спиной громкое чваканье. Это Трифанов открывал люк, вызволяя его из импровизированной тюрьмы. И это означало, что время вышло, и попытка не удалась. На всякий случай еще раз взглянул на индикаторы, констатировал: безжизненны. Прислушиваясь к себе, понял, что еще толком не может осознать всю горечь поражения. Но смутно догадывался, что лавина отчаяния всего лишь притаилась и обязательно настигнет его по приходу домой, тогда, когда он останется один. И сила ее будет настолько велика, что справиться с ней не сможет ни Парамон, ни он сам, ни даже мощнейшие транквилизаторы.

За спиной послышались приближающиеся шаги. Как не кстати. Разговаривать совсем не хотелось

— Ну как, молодой человек, не получилось?

Арсений обернулся к говорящему, но за секунду до этого уже знал, что увидит ТриГана.

— Нет, не получилось... — ответил Стрельников и, помедлив, позволил себе отвернуться от Вселинира. — Я сделал все, что мог, — тихо добавил он и, глубоко отодвинувшись в кресло, стал изучать взглядом до пылинки знакомый ему пульт управления.

— Я вижу, вы очень расстроены этим фактом, — заметил Вселинир. — А можете ответить, что вы сейчас чувствуете? — неожиданно спросил он.

Арсений понял, что до дома ему дотянуть не удастся. И ТриГан, пусть даже и невольно, обнажит своими вопросами его рану прямо здесь. И тогда Арсений уже будет не в силах бежать от настигающих чувств, и они выльются наружу во всем своем безобразном естестве. Но на вопрос он все-таки ответил:

— Я чувствую обиду, злость... — он попытался подобрать слова, — разочарование. И думаю, что многое другое. Но мне кажется, точнее об этом сможет сказать Парамон, — он кивнул в сторону сидящего на полу друга.

ТриГан обошел пилотное кресло и остановился рядом с замеревшим Парамоном. Наклонился и внимательно рассмотрел кошко-пса.

— Арсений, хочу задать вам еще один вопрос. Как вы собираетесь контролировать эмоции, если даже толком сами не понимаете, что чувствуете?

— А я их и не контролирую, — четко ответил Стрельников и, начиная чувствовать подвох, уже с меньшей уверенностью добавил: — Я только стараюсь от них избавиться, ну, или отвлечься, чтобы соблюсти баланс.

— То есть вы даже не пытаетесь ими управлять, а просто спасаетесь бегством и таким образом пытаетесь достигнуть равновесия? Я правильно понимаю?

— Ну, видимо, да, — голос Арсения потерял все признаки уверенности.

— Очень жаль, — подытожил ТриГан. — Ваш баланс не имеет смысла. Равновесие — это еще не все. Главное, каким образом это равновесие достигнуто. Дело в том, что «ИРИС» — живое существо, и оно никогда не допустит в свое сознание человека, не умеющего контролировать свой внутренний мир. Корабль делает это из чувства безопасности — как он может доверять человеку, который не доверяет сам себе, человеку, который зависит от неприятных флюидов, допустим, того же господина Брыськина?

Произнеся это, ТриГан, слегка улыбнувшись, присел на корточки и пригладил капроновые завитушки на холке кошко-пса. Спокойно продолжил:

— Хочу вам дать совет. Позвольте себе испытывать абсолютно все эмоции, но при этом научитесь отделять одно чувство от другого: злобу от агрессии, тоску от скуки, разочарование от неудовлетворенности. С той же точностью, с какой это делает ваш Парамон. — При этих словах ТриГан потрепал кошко-пса по спинке. — Вы понимаете, Арсений, о чем я?

— Думаю, что да, — ответил ошеломленный Стрельников.

— Так вот, только научившись отделять эмоции одну от другой, вы поймете, каким образом их можно контролировать. Не убегать от них, не насильно избавляться, не приводить к искусственному балансу, а именно контролировать. Уверяю вас, как только вы одержите победу над самим собой, вам достанется в награду не только «ИРИС», но и звезды всей галактики в целом.

Он потрепал Парамона по холке, а затем неожиданно обратившись к нему спросил:

— Ну что, дружок? Какое сейчас состояние у твоего хозяина? — И опережая ответ, предложил: — Давай помолчим. Думаю, что в скором времени твой хозяин сможет рассказать об этом самостоятельно. Теперь он сам себе Парамон.

Об авторе

Родилась в 1974 году на берегу Белого моря в поселке Сосновец. Детские и юношеские годы провела в Карелии, где закончила Петрозаводский государственный университет по специальности историк-преподаватель. В 2001 году переехала в Санкт-Петербург, где получила второе высшее образование по специальности Дизайнер компьютерной графики, по которой работает до сих пор. Склонность к литературному труду имеет давно, но публикаций пока что не было.

Владимир Кириллов

Межгалактическая скорая ПОМОЩЬ

Глава первая Обретение удивительного артефакта

Э то был ничем не примечательный, обычный зимний вечер. Костя Березин возвращался домой от железнодорожной товарной станции, где подрабатывал на разгрузке угля. На этот раз его бригаде подфартило: разгрузили пять вагонов с антрацитом. Обычно разгружали не более двух, максимум — трех вагонов, а тут целых пять! Костя, время от времени, на ходу, ощупывал внутренний карман своей потрепанной куртки (там хрустели новенькие купюры) и предвкушал радостное удивление жены. Она наверняка спросит: «Костик, откуда столько?» А он небрежно ответит: «Привыкай, Леночка! Вот расплатимся с долгами, и повезу тебя в Париж!».

Увы! Заработки Кости не были регулярными и зависели от поставок угля для нужд местного сахарного завода. Нужда Кости Березина в хлебе насущном превосходила нужду завода в энергоносителях, потому денег постоянно не хватало. Впрочем, он был рад и такому приработку, так как постоянного места работы не имел. Костя подошел к автобусной остановке, опустил тяжелую кирзовую сумку на землю. И поздоровался с женщиной, ожидающей автобус:

— Привет, соседка! Что-то ты сегодня припозднилась. Давно стоишь?

— Доброго здоровья, Костя! Минут двадцать стою. Не волнуйся, последний автобус еще не ушел. Подождем!

Женщина, по имени Мария, поправила на лбу пуховый платок и покрепче затянула узел на шее.

— К свекрови, вот, приезжала. У нее сегодня юбилей: семьдесят пять лет исполнилось. С тех пор, как мужа похоронила — редко у нее бываю.

Костя смахнул застывшую каплю на щеке. Растаявшая снежинка обратилась в угольный развод. Муж Марии, Алексей, был ему другом. Вместе они шоферили в соседнем фермерском хозяйстве. А теперь там шоферили другие. Алексей два года назад умер от двусторонней пневмонии, а Костю Березина, шофера первого класса, через год лишили водительских прав. И теперь Костя вынужден был искать поденную работу на стороне.

Заметив в его глазах хмурую растерянность, соседка поспешила сменить тему:

— Что у тебя, там, в сумке такое тяжелое?

— Да уголь там. Сегодня вагоны с углем разгружали. Дали вот немного. А то жена уже замучилась печь хворостом топить.

— То-то я смотрю: весь в угольной пыли...

— Душ принимать было некогда. Опоздал бы на последний автобус. А до села пять километров пехать. Лучше уж я дома помоюсь.

— Ты, вроде, газ собирался проводить. Сколько же можно печку топить! Пора от нее избавляться.

— Летом обещали подключить. Я уже и трубы оплатил. Только, вот, влип я с этим газом. Семь месяцев назад взял кредит, а через месяц в аварию попал — лишили водительских прав! И тридцать тысяч штрафа вдобавок! И что в итоге? Работы нет, кредит выплачивать нечем. Три месяца мыкался в поисках работы. А у них в банке — сама знаешь, как. Стали на меня проценты накручивать, угрожать, что опишут мое имущество. Я пытался объяснить ситуацию, сказал, что устроюсь на работу и постепенно погашу долг, но «постепенно» их не устраивает. Все отдали на откуп коллекторам.

Соседка сочувственно кивала в такт Костиным словам, глядя, как дергается его острый кадык. Ей было жаль Костю, а больше всего его жену — свою давнюю подругу. Но жалость, как известно, на хлеб не намажешь.

Подошел рейсовый автобус. Пассажиров в салоне было немного, большая часть односельчан уехала ранее. Костя не стал проходить вперед, а устроился на заднем сидении. Впереди, на боковой скамейке, сидел участковый, по фамилии Шматков, и Костя не хотел к нему приближаться, тем более — здороваться. И тому были основания. Именно участкового Костя считал причиной всех своих несчастий, своего бедственного положения.

Прошлой зимой его грузовик попал в аварию — столкнулся с машиной Шматкова, вылетевшей на встречную полосу. Костя успел увернуться от лобового удара и улетел в кювет, задев машину участкового по касательной. По сути — он спас Шматкову жизнь. Но обвинили во всем Костю: нашли остатки алкоголя в крови. А в итоге: лишение водительских прав и, соответственно, работы. Сельчане Косте сочувствовали, но, что тут поделаешь — против властей не попрешь! Тем более начальник ГИБДД — свояк участковому.

Шматков тоже заметил Костю и едва заметно усмехнулся. Он рассказывал попутчикам анекдот, зычно, на весь автобус, и не хотел прерывать свою речь из-за какого-то чумастика Кости. Одутловатое лицо участкового излучало самодовольство и барскую снисходительность к окружающим. Его пьянила власть над односельчанами: почти каждый из них был у него на крючке. Закончив свою сальную историю, он выдержал паузу и снова обратился к попутчикам:

— Друзья, обратите внимание, в наше село едет негр на экскурсию! — со смехом указал он на Костю.

Но на этот раз его никто не поддержал кроме хихикнувшего соседа напротив.

— Ну, что ты на него нападаешь! — вступилась за Костю соседка. — Он и так пострадал. Сколько можно травить человека?

Участковый оловянно уставился на Марию:

— Каким полушарием ты сейчас думала? Не подскажешь? Защитница, мля, нашлась! Ты будешь мне еще указывать, самогонщица! Надо будет — и тебя к ногтю прижму. Знай свое скотоместо!

— Какой же ты, Петрович, ненажорливый. И злой, к тому же, — ответила Мария. — Что до самогонки... да, гоню, иногда, для хозяйственных нужд. Закон тому не препятствует. Ты и сам не раз угощался.

На краю села автобус остановился, часть пассажиров вышла. Перед последней остановкой в салоне оставалось трое: участковый, Костя Березин и его соседка. Они вышли в центре села у местной церквушки. Мария домой не пошла — надо было занести знакомой бабушке купленное в городе лекарство. Участковый и Костя зашагали по грунтовке вдвоем. Вечерело. Сквозь промерзшие сумерки, над крышами домов, проступали искорки чужих миров.

Первые метры они шли молча. Костя ежился от змеек холодного воздуха, что заползали через открытый ворот куртки и противно скользили по запотелой спине. Ему было тошно от соседства с ненавистным попутчиком. Он не чаял, когда, наконец, дойдет до поворота улицы — там их пути расходились. Но в планы участкового это не входило. Внезапно он остановился и цепкими пальцами прихватил рукав Костиной куртки.

— Ну-ка постой! Что такое тяжелое несешь? Показывай, что своровал!

Костя опешил:

— Уголь несу! На, смотри!

Он опустил на землю сумку и, остервенело, раскрыл ее.

— Убедился?

Участковый пожевал губами, подумал.

— Уголь, говоришь, разгружал? Небось, и деньги за разгрузку получил. Сколько ж дали?

— Сколько ни дали — все мое! Тебе какое до этого дело? — запальчивоотреагировал Костя.

— Это как посмотреть, — осклабился Шматков. — Оно, с одной стороны, вроде как и твое, кровно заработанное, а с другой стороны, вроде как и наше. Ты должок-то за мою покалеченную тачку собираешься отдавать?

— Но ты же страховку получил! Что тебе еще надо?

— Страховка всех расходов не покрыла, — резонно заметил участковый. — Давай, доставай грошики, не принуждай меня тебя шмонать!

Костя окинул взором могучую фигуру участкового и скрипнул зубами: «С такой тушей мне не совладать!» — подумал он, расстегивая куртку. Он попытался оставить часть денег в кармане, но окоченевшие пальцы не слушались.

— Вот тут десять тысяч...

Шматков вырвал из его руки банкноты. И усмехнулся:

— Недурственно платят за разгрузку угля! Самому, что ли, заняться?! Однако...

Он снял меховую рукавицу, отслонявил пять тысячных бумажек и засунул себе в карман. Оставшуюся сумму отдал Косте.

— Как видишь, Шматков не скотина! Остальные пять — жене отдашь. Знаю, зн-а-ю ваши трудности! — протянул он. — С тебя еще пятнадцать штук. И будем в расчете. Даю тебе два месяца на погашение долга. Работай, углекоп! Не ленись!

Костя не сразу тронулся с места. Он стоял ошарашенный и смотрел в пустоту — в широкую спину удаляющегося участкового. Было горько и стыдно за свою слабость, за мягкотелость. Было хреново! И только когда Шматков скрылся за поворотом, он опомнился и, безвольно, поплелся домой.

«Вот блин! Трудности он мои знает! — мысленно стенал Костя. — Не ты ли их породил... трудности эти?! Вот, елки зеленые...»

Подходя к дому, он обратил внимание на испачканную краской дверь. «Мальчишки напакостили, — подумал он. — Всю дверь измарали!» Но, подойдя поближе, увидел, что это была надпись. На двери было крупно, красной краской написано:

«ЗДЕСЬ
ЖИВЕТ
ЗЛОСТНЫЙ
ДОЛЖНИК
БЕРЕЗИН».

— Коллекторы! — похолодел Костя. — Какие же сволочи! Начинили со звонков, с угроз. Теперь вот перешли к активным действиям. Одно к одному!

Сердце его окончательно упало. Он замер с ключом в руке, не решаясь вставить его в замочную скважину. С минуту постоял, смахнул с лица невидимую паутину и вошел в дом. И увидел жену, подбрасывающую хворост в печку. В ее васильковых глазах плясали огоньки пламени. Она радостно ойкнула, но тут же сникла, увидев осунувшееся лицо мужа.

— Костя, что с тобой? Случилось что?

— Все нормально, Лена! — бодро ответил тот. — Устал немножко. Вот денежку принес. — И протянул жене купюры.

— Ой, как много! — обрадовалась она. — Целых пять тысяч! Завтра долг в магазин занесу, и останется три тысячи. Нам надолго хватит! — Она оглянулась на сына и дочку, что смотрели на сумку отца, оторвавшись от шахматной доски.

— Давай мойся, — продолжила Лена. — А я пока борщ разогрею. Правда, он постный; мясо купим завтра.

Костя разулся и подошел к печке.

— Сейчас только угольку подброшу, а уж потом помоюсь. Что... коллекторы приходили?

— Да, приходили эти бандиты. Трое. Долг вымазживать, — поморщилась жена. — Но я им не открыла. Через дверь пригрозили, что дальше будет хуже. Не знаю, что и делать, — ум расступается!

Костя раскрыл сумку, взял стоящую у печки кочергу, покрутил ее в руке.

— Это мы еще посмотрим, кому будет хуже!

Дети разочарованно вздохнули и снова задвигали шахматными фигурами.

— Знаю, что вы ждали, — улыбнулся отец. — Вы думали, я конфет из сумки достану. Не успел я в магазин заскочить, спешил на автобус. Будут вам завтра конфеты. — Пообещал он. И вытащил из сумки пластину антрацита.

Под ударами кочерги, кусок на его ладони растрескался на множество сверкающих частей. Костя подбросил уголь в топку и достал кусок побольше. Но кусок не дробился, и Косте пришлось приложиться посильней. На пол со стуком посыпались осколки, и среди них он, с удивлением, обнаружил странный предмет овальной формы.

— Что за хрень!

Он поднял предмет с пола, повертел его перед глазами и подбросил на ладони:

— Тяжеленький! Какой-то металл, похоже. — И обратился к домочадцам:

— Смотрите, что я нашел! В куске антрацита. Разбил кусок, а там... вот это... оказалось внутри.

Его обступили дети.

— Пап, дай посмотреть, — попросил сын.

Подошла жена с поварешкой в руке, посмотрела на ладонь мужа.

— Это какое-то украшение, — отметила она. — Видите, там ушко для шнурка или цепочки. Чтобы носить на шее.

— Пап, ну дай, — канючил сын.

— Погодите, вы! — отмахнулся Костя. — Сейчас отмою под краном. Потом посмотрите. — И проворчал: — Откуда эта штуkenция могла взяться? В пласте угля, глубоко под землей?

— Может, кто из шахтеров потерял? — откликнулась жена.

— Да уж! — съязвил Костя. — Один шахтер потерял, а другой засунул украшение в пласт угля. Кусок то был целиковый! Монолит! Соображай, что говоришь!

Подойдя к раковине, он намылил губку и старательно, с двух сторон, потер артефакт. И снова удивился его несоразмерной тяжести. «Что за металл, — мерекал Костя. — Платина, что ли?» То, что платина очень тяжелая, он помнил из давних уроков любимой учительницы по химии, Нины Петровны. «Но нет же! Не может такая тонкая пластинка столько весить! Пусть она даже из платины».

В раковину потекла черная угольная субстанция, освобождая тускло блестящую поверхность диковинного изделия. Костя тщательно протер его махровым полотенцем и положил на ладонь. То, что он увидел — его не впечатлило. Предмет имел вид овала, размером со спичечный коробок, а в середине, в виде оттисков — три продолговатые впадины. Это не было дефектом, следствием коррозии или какого-то физического воздействия. Углубления напоминали следы пальцев, отпечатанных в глине. Костя хмыкнул, пожал плечами и перевернул находку. И отпрянул. Прямо в глаза ему смотрело диковинное существо, зримо выступающее из матовой поверхности. Оно как бы выходило из его плоскости и создавало иллюзию живого присутствия. Костя собрался с духом и прикоснулся к изображению. Палец прошел сквозь него, дойдя до поверхности пластины.

«Голография! — успокоил себя Костя. — Трехмерное изображение. — Надо же! Чего придумали-то!

Он подошел к столу и положил артефакт перед тарелкой с борщом.

— Посмотрите, вот... на эту штуkenцию... каково? — он хрустнул пальцами и повернулся к жене. — Каково?

Все, сгрудившись, уставились на необычный портрет. На них смотрело дикое, невообразимой природы существо. Это был обнаженный поясной портрет, скорей всего, женский. Да, точно! Вперед выступали две молочные железы, с сосцами. Удивительно было то, что груди располагались не горизонтально, как у земных женщин, а вертикально: одна под другой. Это первое, что бросалось в глаза. Отличий в лице от обычных женщин особо не наблюдалось, кроме преувеличенных, пронзительно синих глаз. Они излучали какую-то неземную, немеркнущую любовь. Продолговатое лицо обрамляли ниспадающие на плечи спиралевидные локоны. Это неземное существо (в чем не было сомнений) протягивало вперед руку. А на ладони ее лежало сердце. Оно пульсировало.

— Смотри, папа, — тоненько прокричала дочка. — Она кому-то протягивает свое сердце. И у нее на руке семь пальцев!

— Наверное, своему суженому, в знак любви, — улыбнулась Лена. — Мне, твой папа, тоже, по молодости...

— Все! Хватит суматохи! — прервал жену Костя. — Я думаю, что... об этом надо, куда-то... в какие-то органы сообщить. Пусть они сами разбираются с этой хреновиной!

— Уж они-то разберутся, — поджала губы жена. — Разберутся, разумеется. А ты, как всегда, останешься с носом!

— А ты что предлагаешь?

— Предлагаю о находке пока никому не сообщать, — понизила голос Лена. — Пока не найдем подходящего купца. Я думаю, эта вещь немереных денег стоит. Может, даже миллион!

— Да уж! Миллион! Скажешь тоже... миллион, — мечтательно прищурился Костя. — Да-а... это решило бы наши проблемы. Вы, вот что (обратился он к детям): — В школе никому не рассказывайте! Мы должны хранить тайну этой находки.

Дети разочарованно повздыхали. Они заранее предвкушали удивление и восторг своих друзей-одноклассников. А тут надо тайну хранить. Она тебя распирает, рвется наружу, а ты должен заталкивать ее обратно. Непросто это — удерживать в себе такую жгучую тайну.

— Папа, — не выдержал сын. — Ты думаешь, что это инопланетянин потерял портрет? Много-много лет назад...

— Может, и потерял, — ответила за отца мать. — Вы, мужики — существа рассеянные. С вас станется!

— А, может, этого инопланетянина динозавр сожрал, вместе с талисманом, — подхватил отец. — Ложись-ка, Вова, спать. И ты, дочь, тоже. Отложим наши обсуждения на завтра. И молчок!

Костя положил находку в коробку из-под печенья и засунул в сервант. Наскоро помылся, поел и лег спать. Под утро ему приснился удивительный сон. Ему привиделась чудная планета: с морями, океанами и дивными рукотворными островами; с непередаваемой по красоте диковинной архитектурой в обрамлении фиолетовых куш. В небе сияло два солнца: одно красное, а другое — синее. На том острове, где оказался Костя, царило праздничное оживление. Рядом разгуливали толпы возбужденного народа. Костя увидел огромный космический корабль, стоящий на стартовой площадке, и шествующих к нему странных существ в блестящей экипировке. Их сопровождали удивительные девушки со спиралевидными волосами, ниспадающими до плеч, с лучистыми глазами. Одна из них протянула своему другу цепочку, с висящим на ней портретом, и повесила на шею. Тот, в ответ, поцеловал девушку и, вместе с другими собратьями, исчез в чреве корабля. Вскоре тарелка стартовала. Жители разошлись.

Потом видение померкло, и Костя увидел себя со стороны, стоящим с огромной совковой лопатой. А перед ним — длиннющий состав с углем, который ему предстояло разгрузить в одиночку. Он покрылся холодным потом и тут же проснулся.

Глава вторая

Москва. За две недели до вышеизложенного события

Троекратный бой курантов вывел человека из ступора. Человек потянулся в кресле, привычно помассировал глазные яблоки тыльной стороной больших пальцев и прошелся по кабинету. Что тревожило его в столь поздний час? Он подошел к окну, нажал на белую кнопку, вмонтированную в стену: тяжелые, бордовые гардины бесшумно раздвинулись. Его взору открылась величественная панорама звездного неба, ошеломляющая своей умопомрачительной бездонностью. Он пошарил глазами по небосводу, отыскал созвездие Малой Медведицы, нашел в ней Полярную звезду и сокрушенно покрутил головой. Этому человеку с воспаленными глазами, обремененному огромной властью и непомерной тяжестью мировых забот, зачем-то понадобилась Полярная звезда. Зачем? Щурясь на звезду, он скрипнул зубами:

— Не было напасти, на тебе — здрасте!

Затем посмотрел вниз на слабо мерцающую в подсветке Царь-пушку и снова перевел взгляд на небо.

— До часа икс его необходимо уничтожить! Да! Сарматами по нему! В лоб! Но хватит ли у меня ракет?

Человек задвинул шторы и подошел к горшку с кустистым цветком — любимым спатифиллумом. Провел ладонью по его шелковистым листьям, точно по головке ребенка.

— Да! Необходимо принимать кардинальное решение. Иначе земная цивилизация погибнет. Надо срочно звонить Дональду и Си. Пришло время объединить наш ядерный потенциал. И сделать это надо как можно скорей!

Он встряхнул кистями рук, освобождаясь от внутреннего напряжения, и решительно направился к рабочему столу. Возложив в кресло тренированное тело, властитель потянулся к коммутатору и поморщился; рука нерешительно повисла в воздухе. Был один деликатный момент — кому звонить первому: американскому Президенту или Генсеку компартии Китая. Китайский лидер будет раздосадован, если столь важное сообщение получит после американского президента. Это заденет его самолюбие. Хозяин кабинета усмехнулся и резко нажал кнопку коммутатора. Раздался голос дежурного офицера:

— Полковник Решетов на связи.

— Доброй ночи, Решетов. Организуй мне связь с главами Китая и США. Одновременную. Срочно! И разбуди переводчиков.

Задумчиво шевеля пальцами, он открыл оранжевую папку текущих дел с надписью «секретно» и еще раз перечитал последнее сообщение. Его прервал голос дежурного:

— Генеральный секретарь коммунистической партии Китая на проводе. Канал связи открыт.

Поедая взглядом микрофон, хозяин принял приветливое выражение лица.

— Рад тебя приветствовать, дорогой Си! Извини, что отрываю от важных государственных дел. Нуждаюсь в твоём мудром совете.

— Доброго здоровья, высокочтимый Владимир! Да процветет твоя страна! Всегда рад тебе помочь. Что случилось?

— Пока не случилось, но может случиться. Назревают события, не терпящие отлагательств. Потому звоню тебе первому, дорогой

друг. Американскому президенту тоже не помешало бы присоединиться к нашей беседе. Он с минуту на минуту должен быть на связи. Не получал ли ты в последнее время от своих астрономических служб сообщения о движущемся, в сторону земли, объекте...

— Президент Соединённых Штатов Америки на проводе, — вклинился дежурный связист. — Канал связи открыт. Даю доступ.

— Здравствуй, Дональд! Извини, что отрываю тебя от дел, но одно событие, значение которого трудно переоценить, нуждается в совместном обсуждении. Нашего друга Си я тоже пригласил. Он сейчас на связи.

— Что стряслось, Владимир? Вторжение инопланетян на Землю? Или решил на свадьбу нас пригласить? — хмыкнул президент США.

Бесстрастная речь переводчика была лишена иронической окраски. А хмыканье не подлежало переводу. Но тот, кому эта речь была направлена, понял, что Президент США в курсе последних событий.

— Доброго здоровья, Дональд! — подключился Генеральный секретарь КПК. — Заинтриговал нас с тобой Владимир. Я готов принять участие и в первом и во втором случае.

— Хотел бы присоединиться к вашему веселью, — поерзал в кресле Президент России. — Но тут не до шуток. Поступали ли от ваших астрономов, ведущих наблюдения за потенциально опасными объектами из дальнего космоса, сообщения о приближении к Земле крупного астероида?

В динамиках повисло молчание, прерываемое тяжелым дыханием Дональда Транса.

— Подобной информацией не располагаю, — выдавил он. — Сейчас сделаю запрос в астрономическую обсерваторию Аресибо. Сообщи нам местоположение объекта.

— Мне тоже не поступала такого рода информация, — добавил лидер Китая.

— Главный ориентир — Полярная звезда. Час назад, в галактической системе координат, это составляло восемьдесят девять градусов двадцать пять минут. Объект движется в направлении нашей планеты, — пояснил Президент.

— Что собой представляет этот астероид, Владимир? — поинтересовался Си Цзиньпин. — У тебя есть данные по этому объекту?

— Объект округлой формы, диаметром чуть более километра. Двигается со скоростью четыреста десять километров в секунду. Но это не астероид в общепринятом понимании. Астероиды — часть Солнечной системы, микропланеты, вращающиеся вокруг Солнца. При столкновении с себе подобными они меняют направление орбит и могут угрожать нашей планете. Данный же объект — гость из далекого космоса. Проблема в том, что его траектория с поразительной точностью совпадает с траекторией Земли. Столкновение неизбежно! По расчетам моих специалистов столкновение с нашей планетой произойдет через двадцать пять суток, плюс сорок две минуты — по московскому времени. Медлить нам нельзя!

— Надо ударить по нему боеголовками! Нашей совместной ядерной мощью! — возбужденно озвучил речь своего лидера китайский переводчик. — Специалисты должны точно рассчитать количество зарядов, необходимых для гарантированного разрушения объекта или изменения траектории его движения.

— Си прав, — подхватил Президент США. — Я готов пожертвовать десятой частью своего стратегического потенциала. Конечно, при условии паритетного участия сторон.

— Не будем мелочиться, Дональд! — заметил глава России. — Если для спасения нашей «матушки» потребуется весь ядерный потенциал, то мы должны с этим смириться. Надо дать задание нашим ведущим специалистам в области баллистики — рассчитать необходимое количество килотонн для гарантированного уничтожения объекта. Ракеты должны приблизиться к нему синхронно и взорваться разом. Одновременно! Все расчеты нужно произвести в максимально короткое время. На нас лежит огромная ответственность! Планету надо спасать! И еще...

Президент России выдержал паузу.

— Операцию необходимо засекретить. Чтобы мышь не проскочила! Мы не должны допустить панику среди населения.

— Полностью согласен с тобой, Владимир, — одобрительно заключил Президент США. — Я позвоню тебе и Си, как только мои специалисты произведут необходимые расчеты. До связи!

— Принимаю и поддерживаю эти предложения, — добавил лидер Китая. — До связи!

Хозяин кабинета откинулся в кресле и закрыл глаза. Он, как всегда, оставался на высоте и мог быть доволен собой. И тому были основания. В общении с ним даже могущественный владыка Китая — человек внешне невозмутимый — всегда ощущал внутреннее напряжение, точно предстоял нагишом. Эта непреходящая, назойливая мысль, что ты абсолютно прозрачен, что собеседник легко улавливает самые потаенные твои мысли и желания — обескураживала и ввергала в шок. Что же до Президента США, то он, точимый к «коллегам» тайной завистью, мысленно называл его великим стратегом. Правда же заключалась в том, что, будучи внутренне крайне импульсивным, самодержец России тем не менее предпочитал играть вдолгую, проявляя железную волю и незаурядный ум. Эта долгоиграющая стратегия, как правило, им выигрывалась даже при отсутствии в его арсенале сильных фигур на шахматной доске мира. Таков был Президент России Владимир Владимирович Жутин.

Глава третья

Исследование артефакта. Встреча с учителем

— Вот бред! Приснится же такая мутотень! — пробормотал Костя. И крикнул: — Лена! Ты дома?

Никто не откликнулся. Костя направил сонный взгляд в утреннее, серое окно.

— Вот так придавил! Не слышал даже как дети в школу ушли. Все проспал! А жена, наверное, в магазин пошла, продуктами отовариваться.

Он попытался встать и поморщился от боли. Болели мышцы. «Перегрузился вчера с этими чертовыми вагонами, — подумал Костя, протирая глаза. — Ну, ничего, это не смертельно!» Умывшись, он высыпал остатки кофе из банки и заварил кипятком. Потом достал коробку из серванта и, прихлебывая обжигающий напиток, стал внимательно изучать

свалившийся на его голову артефакт. Вглядываясь в лик таинственной незнакомки, он заметил на ее шее что-то вроде цепочки, на которой висел такой же «талисман». Да, он был точно такой же, но висел, повернутый изображением к телу. Видимой была обратная сторона, с тремя выемками на матовой поверхности.

Костя высморкался, нашел в кладовке подходящий шнурок, продел его в ушко изделия и повесил на шею. И посмотрелся в зеркало. «Ну, хорош!» — отметил он. Поправляя амулет, он вложил палец в одну из впадин пластины. То, что произошло дальше, Костя помнил смутно. Его тело вдруг облеклось в неизведанное ранее, трепетно-нежное объятие. Это, отчасти, было похоже на погружение в теплую ванну. Тепло от талисмана мгновенно распространилось по всем клеткам организма. Он ощутил легкое покалывание, точно мириады игл внезапно пронзили его плоть. Стало легко и весело.

— Ни фига себе штучка! — округлил глаза Костя. — Я кум королю! Могу дальше вагоны штурмовать!

Странное дело! Костя ощутил необыкновенный прилив сил. Его тело будто облачилось в некий энергетический кокон.

— Вот так приборчик, — воскликнул он. — Хрен я кому его отдам! Ни за какие коврижки!

У Кости не была страха. Скорей всего, он был удивлен, озадачен, если не сказать: ошеломлен. Его тело требовало действий. Он подошел к печке и взял кочергу. Слегка стукнул себя острым концом по груди. Боли он не почувствовал: кочерга отскочила от тела, как от резинового ската. Костя ударил сильней. Кочерга отскочила с большей скоростью. И чем сильнее он бил, тем сильнее отскакивала кочерга. «Противоречит всем законам, — подумал Костя. — Но, с другой стороны, почему противоречит? Ведь сила действия равна силе про...»

Он погрузился в раздумья: «Скорей всего, этот прибор предназначен для защиты от какой-либо угрозы — от внешнего физического воздействия. Теперь понятно, для чего неземное существо женского пола подарило его космическому путешественнику. Тут обычная забота о здоровье любимого существа, ограждение его от всякого рода опасностей, подстерегающих на чужих планетах. Этот прибор, своего рода, оберег. Не какой-то там оккультный, мистический, а чисто технический. Уму непостижимо, до чего там у них дошла техника».

Костя решил продолжить эксперимент. Снова взял кочергу и, не прикладывая особых усилий, легко, как вареную макаронину, согнул в руках. Потом завязал ее и бросил на пол. Стук металла убедил его в реальности происходящего. Перед ним лежал стальной прут, завязанный в узел.

— Это что ж получается! — изумился Костя. — Теперь я могу всех в узел завязать?! Так, что ли? Ни хрена себе! А как этот прибор выключить?

Он вложил палец в то же углубление, правее центра прибора, и почувствовал, что действие его прекратилось. Вздохнув с облегчением, Костя снял артефакт с шеи и задумался: «Скорей всего, три углубления на поверхности — три режима его работы. Надо проверить, как действуют два других режима. Он усмехнулся: «Жаль, что гуманоид не приложил к прибору инструкцию!»

Поразмыслив, Костя решил больше не искушать судьбу, а сначала посоветоваться с каким-либо толковым и надежным человеком. Но где такого найти? Перебрав с десятков знакомых, он остановился на Максиме Михайловиче — бывшем учителе географии. Максим Михайлович пенсионер более чем с десятилетним стажем, вел активный образ жизни: занимался пчеловодством и очень любил столярное дело. «Схожу-ка я к нему! — решил Костя. — Может, чего присоветует».

Он снова надел оберег на шею, оделся и вышел на улицу. Увидев испачканную краской дверь, помрачнел: «Вот суки! Ну, ничего, теперь я с вами разберусь. Мало не покажется!» Пришлось вернуться домой. В кладовке он нашел банку с остатками половой краски и выкрасил дверь.

Бывший учитель жил неподалеку, в десяти минутах ходьбы. Костя быстро шагал, глотая морозный живительный воздух. Он ощущал необыкновенный прилив физических и душевных сил. И это после вчерашних диких нагрузок. «Да я теперь не только пять, а двадцать пять вагонов могу разгрузить! И совсем не умориться», — подумал он и тут же поправил себя: «При чем тут вагоны! Этот приборчик достоин лучшего применения. Вот только какого?»

Дверь частного дома, где проживал бывший учитель, открыла его жена.

— Костя? — удивилась она.

— Здравствуйте, Таисия Ивановна! Мне бы Максима Михайловича увидеть, пообщаться...

— Костя, Максим Михайлович болен. Принять тебя не сможет. Температура за тридцать восемь. Только что врач ушел. — Она посокрушалась, покачала головой: — А тут еще руку поранил. Я ему говорю: «Лежи, не вставай!» Но ему невтерпеж. Не может без работы. Какой-то стул художественный ваяет. Ну, вот и всадил себе стамеску в ладонь! Так что приходи, Костя, через недельку. Когда оклемается.

— Кто там пришел? — раздался голос из комнаты.

— Тихо, тихо, — испугалась жена. — Это твой бывший ученик, Костя Березин, хотел с тобой поговорить. Но я его уже отправила.

— Пусть заходит! Верни его! — требовательно провозгласил Максим Михайлович.

Стоит отметить, что учитель географии был человеком неординарным, что называется — из ряда вон. Он вселял в своих учеников ужас, смешанный с восторгом. Его буйная страстность, с которой он болел за предмет, не имела аналогов. Научить, максимально нагрузить головы учеников географическими познаниями было высшей целью его жизни. Это был удивительный фантазер. Его рассказы о разных странах и континентах завораживали. О какой бы стране он ни рассказывал, он выступал, как очевидец: ученики не сомневались, что он лично побывал во всех точках мира. От него можно было ждать самых невероятных поступков, могущих хоть на йоту добавить знания. Однажды, отчаявшись объяснить бестолковой ученице понятие о сторонах света, он взял ее на руки и поставил на карту, висящую на доске. «Протяни в сторону руки», — громогласно провозгласил он. — И запомни на всю жизнь: сейчас ты смотришь на север, сзади тебя юг. По правую руку у тебя будет восток, а по левую — запад». В другой раз, крайне разозлившись, нари-

совал мелом на лысой голове Костиного одноклассника меридианы и параллели. А на макушке отметил полюс. Информация, преподанная подобным способом, навечно впечатывалась в мозг как клеймо на лоб. В итоге даже самые завзятые двоечники свободно оперировали географическими понятиями и могли дать фору практически любому собеседнику. Таков был учитель Максим Михайлович, по прозвищу Гроза.

Костя до сих пор робел пред бывшим педагогом, хотя с окончания школы прошло более десяти лет. Максим Михайлович лежал на кровати и был бледен. Левая рука его покоилась поверх одеяла, кисть ее была перебинтована. Сквозь бинт проступало алое пятно.

— Здравствуй, Костя, — хрипло пробасил он. — С чем пожаловал? Я немного расклеился. Гриппую. Близо не подходи. И руку, сдуру, поранил стамеской! Жена настаивает, что надо укол сделать противостолбнячный. Да не хочу я уколов!

— Здравствуйте, Максим Михайлович! Невовремя я приперся... извините. Я много времени у вас не займу. Тут такое дело!

Костя вкратце рассказал о своей находке и связанными с ней событиями.

— В узел, говоришь, завязал, — усмехнулся учитель. — Да-а, ты любил позубоскалить. Помню твои школьные шуточки!

— Максим Михайлович, вы мне не верите? Вот смотрите...

Костя быстро расстегнул ворот рубашки, снял с шеи артефакт и протянул учителю:

— Вот этот самый оберег! Посмотрите на изображение.

— Поддай-ка мне окуляры.

Нацепив на нос очки, он стал изучать предмет, внимательно вглядываясь в изображение. Он не выказывал ни восторга, ни удивления, будто не раз сталкивался с подобными вещами. В лице отражалось лишь легкое недоумение.

— В куске антрацита, говоришь, нашел? А знаешь, каков возраст антрацита? — покосился на Костю учитель.

— Несколько миллионов лет, — неуверенно ответил тот.

— Несколько миллионов, — передразнил Костю Максим Михайлович. — Чему я вас только учил! Не несколько миллионов, а четыреста миллионов лет. Девонский период! В то время был очень жаркий климат, и притяжение Земли было меньше, чем сейчас. Потому древние растения: плауны, хвощи, папоротники (изначальный материал для образования угля) — достигали гигантских размеров.

Учитель помолчал, пристально вглядываясь в диковинное изображение, и продолжил:

— Возможно, артефакт был утерян среди диких плаунов. Впрочем, его могли, по нечаянности, утопить в торфяном болоте, спустя несколько миллионов лет, где перегнивал древний лес.

— Максим Михайлович, как вы думаете, это был пришелец?

Учитель повернул артефакт другой стороной, погладил его матовую поверхность и покачал головой.

— Кто ж знает, Костя! Не верю я в инопланетян. Возможно, это был путешественник во времени, человек из будущего. Например, сотрудник какой-

нибудь археологической экспедиции, — улыбнулся Максим Михайлович, и осторожно коснулся пальцем среднего углубления на пластине.

— Не делайте этого! — вскочил Костя. Но было поздно! По лицу учителя пробежала судорога. Он уронил прибор на одеяло и простонал. Затем резким, порывистым движением сбросил с себя одеяло и присел на край кровати. Его порозовевшее лицо выражало крайнюю степень изумления.

— Что это было, Костя? — прохрипел он.

— Вы случайно включили прибор.

Максим Михайлович опасно посмотрел на лежащий на подушке артефакт.

— Я всего лишь прикоснулся к этому углублению, — он показал на среднюю впадину на приборе. — И меня будто током ударило! Но это не было больно, — будто какой-то разряд пробежал от головы до ног. И ты знаешь... — он потер ладонями грудь, — я чувствую себя абсолютно здоровым. Никогда так себя не чувствовал!

В комнату, с бинтом и пузырьком в руке, вошла Таисия Ивановна.

— Ну что ты встал, Максим?! — проворчала она. — Тебе лежать надо! Присядь, перевязку сделаю. Надо рану обработать перекисью водорода.

Она положила ладонь на лоб мужа и пожала плечами:

— Лоб прохладный... видно аспирин подействовал. И бледность прошла...

— Да здоров я! — пробасил Максим Михайлович. — И вылечил меня этот доктор (он показал на смущенного Костю).

— Здоров он! — усмехнулась Таисия Ивановна. — Так быстро не выздоравливают! Давай руку. — И стала осторожно разматывать бинт. Обнажив травмированную ладонь, она с недоумением уставилась на место травмы.

— И где же рана? Не вижу я ее что-то...

Она машинально сгрела со стола очки, нацепила их на нос и снова посмотрела на ладонь мужа. В комнате повисло напряженное молчание. Шесть пар глаз, не отрываясь, смотрели на место предполагаемой раны. В глазах Таисии Ивановны был испуг, в глазах Кости — изумление, в глазах учителя — искорка радости. Но раны не было! Осталось только кровавое пятно на месте бывшей травмы. Первым пришел в себя учитель.

— Намочи бинт фурацилином и вытри кровь, — обратился он к жене.

Та быстро удалила следы крови, затем осторожно пощупала ладонь: — Не больно? — И добавила, обращаясь, одновременно к мужу и к Косте: — Это что-то невероятное... Чудо! Даже шрама не осталось. Как такое возможно?!

— Оказывается, возможно! — ответил Максим Михайлович и покосился на прибор, лежащий на столе. — Сделай нам, пожалуйста, чайку. А мы еще немного побалакаем.

— Ты понял, Костя, что произошло? — торжественно объявил учитель, провожая взглядом жену. — Вот этот первый режим, который испробовал ты — он сохраняет человека от травм и наделяет его невероятной силой. А этот режим (он показал на среднюю впадину) излечивает от физических травм и, попутно, уничтожает в организме всякую инфекцию. Ведь и от раны, и моего гриппа — даже следа не осталось! Какое чудное изобретение...

— Максим Михайлович, вы предполагаете, что это был человек из будущего? — продолжил Костя через паузу. — Как же тогда объяснить семь

пальцев на руке? И вертикальные груди этой девушки? Не могли же люди так измениться в будущем мире.

— Да... это аргумент. Так кардинально измениться они вряд ли могли, — ответил учитель, разглядывая свою ладонь. И, вращая ею, добавил: — Хотя, кто может ручаться... Что может произойти, например, через миллион лет? Останемся ли мы в теперешнем облики?

Вошла хозяйка с подносом в руках, с нестираемым удивлением на лице. Поставила на стол поднос с чашками, бутерброды с сыром и деликатно вышла, стараясь не мешать беседе учителя с учеником.

— Ты вот что, Костя, — продолжил Максим Михайлович, прихлебывая чай. — Пока о находке никому не говори. Надо хорошенько все обдумать.

Учитель потер лоб и, оставив чашку с чаем, нервно заходил по комнате. Его одолевали сомнения.

— Не думаю, что наука на современном этапе способна хоть как-то объяснить принцип действия этого аппарата. Не говоря уж о его техническом решении и возможности массового производства. Это все равно, что младенцу уразуметь устройство сотового телефона. После бесплодных попыток его изучить, прибор из рук ученых, наверняка, попадет в руки властных структур. В том числе спецслужб. И едва ли они удержатся от соблазна применить его в своих целях. Обезопасить, например, себя от внешнего воздействия, будь то пули, радиация или бактериологическое оружие. Какой правитель устоит перед таким соблазном? Приходило тебе это в голову? Это явно нарушит баланс противостоящих сил. Надо все это хорошенько осмыслить.

Глава четвертая Коллекторы

Покинув учительский дом, Костя Березин отправился восвояси. Он будто не замечал идущих навстречу односельчан, машинально приветствуя их кивком головы. Его мысли были заняты другим. «А может, мне лечением людей заняться? — перебирал он многочисленные варианты, приходящие в голову. — Открою дома лечебный кабинет, буду принимать больных и избавлять от хвори. И плату буду брать самую минимальную».

Он представил толпы страждущего народа, стоящие перед его домом, и содрогнулся: «Долго это не продлится. Арестуют за незаконную практику. А прибор отберут! А если в цирке выступать? Или принять участие в спортивных состязаниях, например, в боях без правил? Стану чемпионом мира — будет и слава, и деньги. И никто не сможет меня победить». Он увидел себя со стороны, на ринге, с чемпионским поясом победителя, оглушенного восторженными приветствиями... и споткнулся взглядом о стоящую у его дома тойоту камри. Из машины вышли трое парней, один другого звероватей. «Коллекторы!» — мелькнуло у Кости в голове. — Ну, держитесь! Сейчас я из вас буду делать котлеты!»

Он засунул руку за отворот куртки, нащупал оберог и вложил палец в правое углубление. Коллекторы напряглись, следя за рукой Кости, но, не обнаружив ничего угрожающего, расслабились.

— Что дергаешься? — выступил вперед скуластый мордovorот со свежим шрамом на щеке. — Бить мы тебя не будем. Расслабься! У нас более действенные методы.

Улыбаясь зубами, он вытащил из кармана мехового пальто целлофановый пакет и потряс перед лицом Кости. В пакете находился шприц, наполненный розовой жидкостью.

— Видишь этот шприц? Если через неделю не вернешь долг, я сделаю инъекцию твоей дочке. А потом и сыночку. Знаешь, что такое ВИЧ-инфекция? А нет денег — продавай дом.

И снова потряс пакетом перед побледневшим лицом Кости. Реакция Кости была мгновенной. Он сжал руку бандита, чуть выше запястья, и слегка надавил. Раздался характерный хруст сокрушаемых костей.

— А-а! — зарезанно завизжал коллектор, таращась на повисшую плеть руки.

Костя, не торопясь, поднял упавший на снег пакет и достал шприц. И прокричал ему на ухо:

— Я не знаю, что такое ВИЧ-инфекция. Об этом узнаешь ты, урод! Потом поделишься впечатлениями.

И с размаху всадил ему шприц в ягодицу. Тем временем другой коллектор успел сбегать к машине и вернулся с битой в руке. Он размахнулся, намереваясь ударить противника по голове, но Костя, подставив ладонь, на лету поймал биту и выдернул ее из руки бандита. Соперник потерял равновесие и ничком упал на снег. Костя покрутил в руках деревянную колотушку и, взяв за ее концы, с треском переломил. Большую часть биты он метнул в лежащего коллектора и попал в бок. Тот свернулся в клубок и завопил. Третий поделщик, безумно вращая глазами, подбежал к машине, торопливо сел за руль и включил зажигание. Но на пути Тойоты уже стоял Костя. Он двумя руками схватился за бампер и приподнял машину. В воздухе бешено завращались колеса.

— Нехорошо товарищей бросать! — прокричал Костя, перекрывая шум мотора. — Выключай, а не то на крышу переверну!

Водитель послушно выключил двигатель и, пошатываясь, вышел из машины. Его остекленевший от ужаса мозг уже не воспринимал реальность; он обмер, нервно подергивая головой. Костя взял его за шиворот и встряхнул, пытаясь привести в чувство. Его праведная ярость уступила место жалости.

— Так! Загружай своих братков и дуй в больничку.

Костя помог водителю погрузить поделщиков в салон и, глядя на их избледневшие лица, произнес:

— Послушайте, гноеродные! Больше мне на глаза не попадайтесь! Будет гораздо хуже. Денег от меня вы все равно не получите. — И улыбнулся самой ироничной из своих улыбок.

Проводив взглядом Тойоту, Костя заметил людей, стоящих неподалеку: соседку Марию и знакомого деда Пахома с костылем. Дед восхищенно крутил головой и причмокивал:

— Как лихо ты их отделал, Костя! Не ожидал, что у тебя такая силища! Я, было, хотел впрячься, огреть костыльком, но гляжу, ты и сам справляешься. А с виду и не скажешь. Ты не сумлевайся, если что — мы подтвердим, что они первые напали. И шприц этот сохрани, как вещественное доказательство.

— Да, Иваныч, верно говорит. Мы тебя в беде не оставим! Если что — поддержим! — подключилась соседка.

Глава пятая Кремль. Совет Безопасности Российской Федерации

В просторном зале Совета Безопасности стояла мертвая тишина. Сидевшим за массивным дубовым столом членам Совета было не до дежурных улыбок. Каждый, наедине с собой, остро переживал явившуюся изнанку происходящих событий и все возможные последствия. Положение было неопределенным, отчасти — пугающим. Все ждали Председателя Совета Безопасности, Президента России, от решения которого во многом зависела судьба земной цивилизации. Судьбоносное решение, скорей всего, им было уже принято; надо было лишь соблюсти протокол: предварительно выслушать аргументацию сторон. Поступаться демократическими принципами было бы негоже.

Президент задерживался. Поджидая его, секретарь Ватрушев нервно прохаживался до входной двери и обратно, бросая вопрошающие взгляды на членов Совбеза. Все отводили глаза: одни с преувеличенным вниманием рассматривали бумажки, другие — свои ногти. Министр обороны Бойгу угрюмо изучал вделанные в стены черно-мраморные с белесыми прожилками колонны, удерживающие потолок.

«На что опираться нам... в данной ситуации? — думал он. — Последние данные астрофизиков о странном поведении космического объекта характеризуются скачкообразными изменениями скорости, что крайне затрудняет задачу перехвата. Я не могу на сто процентов гарантировать ликвидацию астероида. Что при таком раскладе, можно предложить Президенту?»

Министр обороны вздохнул и сконцентрировал отточие взгляда на размашисто входящем в зал Совбеза Владимире Жутине.

«Видно, что ходил в строю слева, потому и придерживает правую руку, — отметил про себя Бойгу. — Послушаем, что он нам нового сообщит, потом и выводы делать будем».

Президент стремительно обошел всех членов Совбеза, пожал каждому руку, присел в кресло и открыл очередное заседание.

— Прошу прощения за опоздание. Имел предметную беседу с нашими ведущими астрофизиками, также выслушал обстоятельный доклад Президента РАН, академика Сергеева, — начал речь Президент. — Не вникая в избыточные подробности, доношу до вас основные выводы комиссии по интересующему вопросу. Последние расчеты важнейших параметров космического объекта, угрожающего планете, показывают, что объект имеет устойчивую тенденцию к изменению скорости движения. Как вы знаете, объект движется по азимуту в направлении Земли, что предполагает прямое с ней столкновение. Но, есть одно важное «но»! Как выяснилось, скорость движения объекта постоянно падает. Астрофизики определяют это явление, как «разумное торможение», иными словами — сознательно управляемое. Это указывает на искусственную природу объекта и является неопровержимым свидетельством присутствия на его борту инопланетного разума. Такие вот дела, товарищи! Обычный космический объект — будь то астероид или комета — не может так себя вести. Для совершения подобных действий нужна тормозная установка. То есть нужны технические средства: соответствующие двигатели. Более того, расчеты показали, что

при подходе к нашей планете инопланетный корабль (в чем уже нет ни малейшего сомнения) достигнет критически необходимой скорости для выхода на околоземную орбиту. И, по всем расчетам, он на нее выйдет. Конечно, если мы не предпримем упреждающие меры. Что скажете?

Президент откинулся в кресле и пристально оглядел членов Совбеза.

— Кстати, — добавил он. — Приведенные данные подтверждаются расчетами американских и китайских специалистов. Так вот обстоят дела на данный момент. Я бы сказал: на данный исторический момент. Каковы будут ваши соображения? Прошу. Кто первый?

Члены собрания растерянно переглянулись. Все были обескуражены речью президента. Первым пришел в себя секретарь Совбеза Ватрушев.

— Я думаю, вопрос об уничтожении братьев по разуму не стоит, — с ноткой неуверенности в голосе начал он. — Да и присутствуют ли они на космическом объекте? Ведь космическим кораблем могут управлять и автоматы. Те же роботы. Но суть дела это не меняет. Думаю, ликвидацию объекта допустить нельзя. Цивилизованный мир нас не поймет.

— Я бы не был столь категоричен, Василий Петрович, — отреагировал министр обороны Бойгу. — Все зависит от цели визита! Мы не знаем, какие они ставят перед собой задачи, посещая Землю. А если их задача — колонизация планеты? Тогда что? Ведь то, что гуманоиды неизмеримо превосходят нас технически — это же очевидно! Их технологии за пределами нашего понимания. Если их целью является захват земных территорий, то защитить их мы можем только на дальних подступах.

— А что думает Директор ФСБ, товарищ Вортников? — вмешался президент.

— Что я могу сказать? К сожалению, агентов на борту корабля у меня нет, — развел тот руками. — Об их целях можно только гадать, чего нам не пристало. Какие у них могут быть цели, если логически помыслить? — обвел взглядом присутствующих главный разведчик. — Думаю, никто не станет спорить, что организация, а тем более реализация проекта межзвездной экспедиции связана с колоссальными затратами. А во имя чего? Новых знаний они у нас почерпнуть не могут, а дать свои — слишком уж накладно получается.

— Вы не допускаете наличие у них гуманитарного повода? — прервал докладчика президент. — То, что пришельцы способны бескорыстно нести свет знаний братьям по разуму. Не допускаете?

— Увы, все имеет свою цену. В том числе и знания, являющиеся, по сути, лишь средством достижения благополучия. Они, возможно, и поделятся своими технологиями, вот только чего захотят получить взамен? Не думаю, что это будут маковые плантации. Тогда что? Земные недра? Полезные ископаемые? Наши водные ресурсы? Или им нужна вся планета целиком? Думаю, ставки у них более чем серьезные. Хотелось бы верить, что из благородных побуждений, на основе новейших технологий, они захотят преобразовать Землю, сделать жизнь людей счастливей. И, потом, помахать ручками, покинуть нас, оставив купаться в роскоши. Но в такие романтические, бескорыстные истории я не верю. Впрочем, это мое личное мнение, — закончил выступление Директор ФСБ.

— Да-а, — со вздохом подключился Начальник Генштаба, Дерасимов. — Эти события застали нас врасплох. Предвидеть их было невозможно и даже будь у нас в запасе несколько лет, мы все равно не были бы готовы предотвратить вторжение чужой цивилизации на планету. Вы спросите, почему я склоняюсь к мысли, что это вторжение, а, скажем, не дружеский визит? Отвечу. Хотя сразу оговорюсь: по большому счету я не склоняюсь ни к той, ни к другой целевой установке непрошенных космических бродяг. Главное для меня: безопасность моей страны, в данном случае — планеты в целом. Поэтому, исключительно в целях безопасности, в силу своей должности и долга перед людьми, считаю необходимым выбрать наихудший вариант и определить его, как вероломное вторжение.

— Валерий Васильевич, вы что? Предлагаете, так вот, похода, уничтожить представителей внеземной расы? Так сказать, в целях гарантированной подстраховки? Чтобы сразу снять все вопросы? — возмутился Председатель Правительства Ведмедев. — А вы не подумали о том, что нам выпал, быть может, единственный шанс за всю историю человечества: возможность решить все наши экономические, гуманитарные, а возможно и экологические проблемы, на основе новейших внеземных технологий. Подумали ли вы, что второго такого шанса мы, скорей всего, и через миллионы лет не дождемся!

— Не надо из меня делать монстра, Дмитрий Анатольевич. Разве я предлагал уничтожить космический аппарат? Окститесь! Я предлагал, вернее, хотел всем нам предложить всего лишь одно: не допускать чужака на околоземную орбиту, — возмутился Начальник Генштаба.

— Тихо, тихо, — примирительно выставил руку Президент. И саркастически скривил губы: — Да, для нашего правительства это шанс! Без помощи инопланетян им навряд ли удастся выпутаться из экономических проблем и поднять экономику. Подфартило вам, Дмитрий Анатольевич!

Утихомирив бурную реакцию членов Совбеза, Президент Жутин обратился к Начальнику Генштаба:

— Валерий Васильевич, поясните, что вы конкретно имели в виду, предлагая не пускать инопланетян на орбиту Земли? Какие у нас для этого есть технические возможности?

— У меня конкретное предложение, как заставить непрошенных гостей радикально поменять свои планы и отправить их восвояси. Тут вот, за столом, шепчутся, что маршал Дерасимов отправит на инопланетный борт ультиматум по радио. Убирайтесь, мол. А не то мы вам жару зададим! Хватит вам зубоскалить. И смешить мою кокарду.

А план мой простой. Для его реализации потребуются две ракеты класса Сармат: одна мощностью двадцать пять, а другая — пятьдесят мегатонн. Мы запускаем первую ракету, с зарядом в двадцать пять мегатонн, в сторону объекта. Она должна взорваться на расстоянии, равном одной трети от Земли до объекта. Спустя час запускаем вторую ракету, с зарядом в пятьдесят мегатонн. И подрываем ее на расстоянии двух третей до объекта. Вторая выпущенная ракета — это последнее предупреждение гуманоидам. По элементарным арифметическим расчетам третья ракета должна иметь мощность — сто килотонн и должна поражать уже сам объект. Это и ежу понятно. Но третья ракета не понадобится: гуманоиды, наверняка, изменят курс.

— А если не отвернут? — прищурился Президент.

— Они не самоубийцы! Обязательно отвернут. Думаю, с арифметикой у них все в порядке, — твердо заявил Начальник Генштаба.

— Да, тут есть рациональное зерно, — заметил Ведведев. И улыбнулся: — приношу извинение Начальнику Генштаба, что заподозрил его в излишней кровожадности.

— Вот и ладушки, — чуть приподнял уголки губ Президент. — Выслушаем мнения других членов Совбеза.

Спустя три часа напряженных баталий, Президент подвел итоги:

— Товарищи, у нас состоялся серьезный, обстоятельный разговор. И, на мой взгляд, весьма продуктивный. Всем спасибо! Ситуация, конечно же, неординарная, требующая детальной дополнительной проработки. Я выслушал ваши авторитетные мнения. Да, ситуация непростая. Большинство членов Совбеза склоняются к ее гуманному разрешению, а именно: не препятствовать заходу космического корабля на околоземную орбиту. Довожу до вашего сведения, что такое же решение вчера было принято правительствами Китая и США. Конечно же, это решение не является окончательным, оно носит предварительный характер. Ведь мы не знаем самого главного: цели визита братьев по разуму. Я думаю, находясь на орбите, они изыщут возможность донести до нас свои планы. Тогда и будет принято окончательное решение. Подождем! На этом заседание Совета Безопасности объявляю закрытым.

Глава шестая

Посещение банка. Разборка с участковым

С утра мела поземка. Старенький рейсовый автобус, взрывая наметенные за ночь сугробы, пробивался к трассе. Люди ехали в город на работу. Одни — дремали, а другие безучастно наблюдали за порхающими в окнах снежинками, носимые ветром. Этим людям тоже кружило по жизни, и они давно смирились с данным положением вещей. Всеми правила суровая необходимость: заработать на хлеб насущный и на малую толику неприятельного счастья.

Необходимость Кости Березина была вызвана другим обстоятельством: он ехал добиваться справедливости. После стычки с коллекторами Костя решил посетить банк, должником которого являлся, дабы окончательно прояснить ситуацию. Конечно, правильной было бы обратиться в полицию, написать заявление, что его семья подвергается угрозам и преступному вымогательству, но его ответные действия — увечья, нанесенные коллекторам, могли обернуться против него.

«Поговорю сначала с управляющим банка, — думал он. — А там видно будет».

Мысли его, подобно рыбкам в тесном аквариуме, торкались в прозрачные стекла эфемерной свободы, искали простора, какого-либо выхода — и не находили его. Такое удрученное состояние сопровождало Костю всю дорогу; не рассеялось оно и по приезду в город. Понятное дело, в банке его никто не ждал. На его приветствие и вопрос: «На месте ли управляющий?», девушка за стойкой брезгливо пожала плечами. У нее были не в меру накачены губы. Костя открыл дверь служебного помещения и зашагал по коридору.

— А ну стоять! Куда поперся?! — раздался позади грубый голос охранника. — Туда без пропуска нельзя!

Костя стряхнул вцепившуюся в плечо руку.

— Что ты заладил свое «нельзя»? Мне назначена личная встреча с директором. И ты мне не помешаешь!

Охранник попытался схватить Костю за руку, но был крепко прижат к стене ладонью в грудь, после чего медленно сполз на пол. Костя дошел до конца коридора, в торце которого находилась приемная управляющего. Войдя в предбанник, он кивнул секретарю, сидящему за столом. У того удивленно поползли вверх брови. Он привстал из кресла:

— Вы, по какому воп... как ты сюда... — смешался секретарь.

Его растерянность никак не вязалась с атлетической внешностью. По всей видимости, это был не просто секретарь, но и телохранитель по совместительству.

Костя усмехнулся, молча снял куртку, повесил на вешалку. Туда же отправил шапку.

— Жарковато у вас тут, — заметил он, приглаживая ладонью волосы. И покосился на табличку, привинченную к массивной двери.

— Мне к Соломону Моисеевичу. Надо прояснить один вопрос. Личный.

— Какого рожна! — опомнился верзила, ощупывая взглядом хлипкую Костину комплекцию. — Много вас таких желающих. Доступ к телу Соломона Моисеевича ограничен, а для таких борзых, как ты, особенно нежелателен. Я бы даже сказал, крайне болезнен. Для тебя.

Секретарь неторопливо поднялся, расправил могучие плечи и шагнул к Косте. Затем вцепился в его руку и попытался завести за спину, но соперник, на удивление легко, освободился от захвата и схватил верзилу за шею. Нагнув его головой к полу, Костя слегка сжал пальцы. Секретарь возопил.

— Будешь, как собачка меня сопровождать, — приказал Костя. — И не вопи, а не то шейные позвонки хрустнут.

Потом свободной рукой отворил дверь с золотой табличкой и завел плетущегося на карачках секретаря через порог в помещение. Сидящий в кабинете грузный человек слегка привстал, беззвучно открыл рот и снова опустился в кресло. Костя подвел секретаря к столу и ткнул лицом в ковер, лежащий на полу.

— Вот, Соломон Моисеевич, посмотрите на вашего сотрудника. Он дурно воспитан. Хамит, понимаете ли...

— Отпусти его, — всколыхнулся в кресле банкир и перевел взгляд на секретаря. — Ступай, Сергей! Мы тут сами разберемся. Присядьте. Надеюсь, вы не грабитель?

— Я ваш клиент. Брал кредит в вашем банке, под проценты. Потом потерял работу и не смог оплачивать долг. Вот вы когда-нибудь теряли работу, так, чтобы из пустоты долг оплачивать? А на меня (Костя поперхнулся) коллекторов натравили...

— Минуточку! — директор включил компьютер. — Сейчас посмотрим. Ваша фамилия, имя и отчество?

Он быстро набрал данные и поморщился:

— Ну вот! Вы должны нам сто двадцать тысяч рублей. Сейчас долг возрос и достиг...

— Это я и без вас знаю, — перебил банкира Костя. — Вы мне лучше скажите, какое вы имели право передавать договорные обязательства на взывание моих долгов коллекторам? В договоре нет пункта о передаче долга третьим лицам.

Раздался телефонный звонок, банкир взял трубку. С минуту слушал и решительно ответил:

— Не надо никакого оцепления! Мы тут сами разберемся! — он покоился на Костю и прокричал в трубку: — Что? Охранника уложил в коридоре? Уже очухался? Такая, значит, у меня охрана! Всех вас поувольню!

И обратился к Косте:

— Ну, навел ты шорох! Охранника уложил. И, вдобавок, секретаря моего. К слову сказать — бывшего чемпиона России по греко-римской борьбе.

Он недоверчиво окинул взглядом шуплую Костину фигуру.

— Невероятно! И как у тебя это получается?! Знаешь, что...

Банкир призадумался.

— У меня к тебе есть предложение. Не хочешь ли пойти ко мне в охрану? Будешь моим личным телохранителем. Что скажешь?

Костя почесал затылок.

— Вообще-то я водитель. А ваше тело охранять... извиняюсь, — холуйская какая-то должность... не по мне это...

— Ты подумай, Костя. Не торопись. Хотя...

Управляющий заерзал в кресле. Ему нравился Костя. А терять то, что ему нравилось (особенное и эксклюзивное), было не в его правилах. И это касалось не только ювелирных изделий и редких картин. «Надо помочь мальчику», — подумал он, присовокупляя к желанию приобрести уникального раба толику благородности.

— Могу предложить тебе должность водителя-инкассатора. Это подойдет?

— Это подойдет. Только вот, — Костя замаялся. — Прав на вождение меня лишили...

— Ничего, поездишь пока без прав. Инкассаторов ГИБДД не останавливает. Завтра с утра оформишься, пройдешь инструктаж, и — на линию. А с правами мы решим. И с долгом тебе постараюсь помочь.

— Спасибо, Соломон Моисеевич! Не знаю даже как вас благодарить. У меня просто гора с плеч свалилась!

— Не надо меня благодарить, — махнул пухлой рукой банкир. — Я не благодетель, я — выгодополучатель. Соломон Моисеевич не был бы Соломоном Моисеевичем, если бы не завербовал такого Рембо, как ты, — ослабилась банкир. — Мне нужны такие люди.

Они обменялись рукопожатием, и Костя Березин отправился восвояси. Служащие банка, встречающиеся на пути, округляли глаза и почтительно уступали дорогу.

«Удачно я зашел, — подумал Костя. — Везет же дураку!» У него кружилась голова. Он не мог до конца поверить в реальность происходящего — в столь благоприятный исход своего безнадежного дела. Бывают же чудеса на свете! Костя вспомнил жену, детей, и на глаза его навернулись слезы.

— Как они обрадуются, — прошелестел он губами и улыбнулся самой светлой из своих улыбок.

Подойдя к автобусной остановке, он посмотрел на расписание. До отправления оставалось сорок четыре минуты. «Успею заскочить в магазин, — промелькнуло в сознании. — Надо купить шампанское, конфет детям... Такое событие надо отпраздновать! Оно того стоит».

Весь путь до родного села его переполняла неразделенная радость, как впрочем и мочевого пузыря, который он не удосужился освободить по причине счастливой забывчивости. Потому, выйдя на остановке, он первым делом заметил одинокую березу и, оглядевшись, оросил ее. «Жизнь стала прекрасней, — отметил про себя Костя, застегивая ширинку. — Есть свои плюсы в деревенской жизни». И тут же услышал визг тормозов. Он оглянулся и увидел остановившуюся рядом машину. Это была машина Шматкова. Участковый опустил стекло и поманил Костю рукой:

— Иди сюда, сахар мой сладкий! Садись в машину, — гнусаво пропел он. — Есть разговор.

Костю передернуло. «Опять этот хмырь нарисовался! Как же он меня достал своими придирками! Сейчас начнет грузить по полной. Еще и оштрафует за нарушение общественного порядка. Все настроение насмарку!». Подойдя к машине, он нервно открыл дверь и сел на переднее сидение.

— Березин, у меня для тебя плохая новость, — без предисловий начал участковый.

— У тебя хороших не бывает, — огрызнулся Костя. — Что за новость?

— Доигрался ты, Березин, — злорадно скривил губы участковый. — Заявление на тебя поступило.

— Какое еще заявление? — не понял Костя.

— Да вот такое... покалечил двоих сотрудников коллекторской службы. У одного перелом лучевых костей руки, а у другого — три ребра сломано. А третий заикается.

Шматков пожал плечами и покосился на Костю:

— Я вот одного не пойму: как ты, сморчок, смог справиться с тремя бугаями? Монтировкой работал?

— Голыми руками. Один угрожал, что заразит моих детей ВИЧ-инфекцией, а другой напал на меня с битой. Этой битой и получил отлетку. Это была самооборона. У меня свидетели есть! И они на моей стороне. Так что не надо «ля-ля»!

— Поговори у меня! — рявкнул Шматков. — Будет тебе «ля-ля»! Завтра отведу заявления от потерпевших и справки о побоях следователю. И он откроет дело. Пойдешь по статье как миленький, лет эдак на пять. Попал ты, Березин!

У Кости потемнело в глазах. Не отдавая себе отчета, он схватил участкового за грудки и сильно встряхнул. Шматков клацнул челюстью и выхватил из кобуры пистолет. Костя схватил пистолет за ствол и выдернул из руки соперника. Затем другой рукой взял за рукоять, согнул пополам и вернул владельцу.

— Держи свою пуколку! Теперь сможешь стрелять из-за угла.

Участковый тупо уставился на искалеченное оружие. Мысли его поределли; жгучая злоба в душе сменилась гримасой изумления. Кровь медленно наполняла капилляры его щек. Он откинулся в кресле и процедил:

— Нападение на сотрудника полиции. Попытка овладеть его оружием, порча имущества. Соображаешь, какую ты на себя статью повесил?

— А у тебя что? Свидетели есть? — язвительно поинтересовался Костя.

— У меня есть факты! Вот мой неопровержимый факт! — участковый покрутил пистолетом перед лицом.

Костя рассмеялся:

— И кто ж тебе, Шматков, поверит? Ты расскажешь своему начальнику, что Константин Березин голыми руками согнул твой пистолет? По-моему, тебя сразу в дурку определят! Как думаешь? А вот мне — поверят. Я расскажу, как участковый инспектор Шматков, в нетрезвом состоянии, разгуливал по селу и размахивал табельным оружием, пугая прохожих. Случайно (простите его!) обронил пистолет под гусеницу проходящего трактора. Так кому больше поверят?

— А как ты его... эта... смог согнуть? — растерянно промямлил участковый. — Можешь его опять выпрямить?

— Смог согнуть, смогу и разогнуть, — ответил Костя. — Приедешь ко мне сегодня вечером — посмотрим.

— Давай сейчас.

— Сейчас не могу. Силы иссякли. Приедешь ко мне домой. И не забудь привезти заявления от потерпевших, что они отказываются от претензий ко мне.

Участковый покрутил в руке искаленное оружие, и ударил в бессильной злобе кулаком по баранке.

— Ладно, хрен с тобой! Твоя взяла!

— Кстати, — добавил Костя. — Ты намедни занимал у меня пять тысяч. Не желаешь ли вернуть?

Участковый моргнул и полез во внутренний карман куртки.

— Держи, кашеглот!

— От кашеглота слышу! — ответил Костя, выходя из машины.

Глава седьмая На околоземной орбите

Огромный сферический диск, более километра в диаметре, ослепительно сиял в лучах местного светила, именуемого Солнцем. Маршевый двигатель, питаемый Темной энергией, был выключен; положение объекта на орбите Земли поддерживалось малыми гравитационными установками.

Была завершена обширная исследовательская работа по сбору и теоретическому освоению громадного массива информации. Из серверов земного интернета выкачена вся имеющаяся в наличии информация, включая секретную. На пятые бортовые сутки завершилась загрузка причальных модулей необходимой аппаратурой и строительной робототехникой. Все было готово для высадки на Землю. Предстояла колоссальная, многолетняя работа по ее оздоровлению.

Члены экипажа численностью триста двадцать душ (не считая детей) получили временную передышку и пребывали в Личном Пространстве. В основном это были семейные пары, но встречались и убежденные холостяки, безраздельно преданные науке. По внешнему виду инопланетяне походили на земных жителей, с той лишь разницей, что на каждой из четырех конечностей имели по семь пальцев. Женские особи отличались от землянок более радикально. Помимо избыточного количества пальцев на руках и ногах они имели вертикальное расположение молочных желез.

Главное же отличие гуманоидов от землян состояло в поразительной способности за короткое время усваивать колоссальное количество информации. Это позволяло одинаково успешно проявлять себя в самых разных областях, справляться с любой стоящей перед ними задачей. У них не было строгого разделения по родам и видам деятельности, будь то астрофизика, геология, агрономия... Они регулярно менялись общепольными занятиями и специальностями по потребности влечений. Неизменной оставалась должность командира.

По отсекам звездолета раздался мелодичный призыв к всеобщему вниманию. В Личном Пространстве каждого члена экипажа возникло голографическое изображение командира корабля.

— Родные мои! — начал командир с общепринятого приветствия. Я буду с вами говорить на языке землян. Нам предстоит общаться с разумными существами на их родных языках, поскольку Земляне не наделены способностью телепатического общения, столь естественной для нас. Так что привыкайте. Основная проблема наших братьев — это ярковыраженный эгоизм на личностном и межгосударственном уровнях. Но мы не вправе вмешиваться в их духовное пространство и вносить свои коррективы. У нас другая задача. Мы должны помочь землянам вернуть изначально прекрасный облик их планете, создать благоприятные условия для всеобщего мира и благоденствия. В своих устремлениях мы руководствуемся исключительно Любовью. И только Любовью!

Мы провели большую подготовительную работу для предстоящих сердечных контактов, предполагающих передачу знаний и полезных технологий нашим братьям. Вы хорошо знаете проблемы землян и те задачи, которые предстоит решить. Это управление климатом планеты, оптимизация здоровья населения, тотальное уничтожение болезнетворных бактерий и вирусов, несущих угрозу цивилизации. (Попутно будут уничтожены запасы биологического оружия без возможности их возобновления). Наши братья больше не будут болеть, и угрожать болезнями друг другу. Еще одна важнейшая задача — оптимизация здорового питания. Земляне большей частью, питаются опасными генетическими самоделами. Мы должны кардинально изменить качество вкушаемых традиционных продуктов и ввести в рацион новые вкусные полезности.

Родные, я не буду подробно перечислять задачи, стоящие перед вами. Вы и без меня их хорошо знаете. В претворении наших планов по радикальному изменению земной цивилизации нам, как всегда, будут помогать строительные роботы. Они будут осуществлять кардинальную перестройку инфраструктуры городов и создавать новые, удобные для проживания людей поселения. В короткий срок будут свернуты вредные производства и внедрены веками апробированные, умные технологии. В связи с сокращением занятости людей будут массово созданы творческие центры по выявленным интересам. Люди должны трудиться не для того, чтобы питать себя и оплачивать свои материальные нужды (все это будет предоставляться бесплатно), а для раскрытия своего творческого потенциала. Для этого мы создадим все условия. Но мы не вправе менять душевное устройство земных жителей, вмешиваться в Божий промысел. Наша задача сугубо материальная: спасти Землю от гибели. Цивилизация должна быть спасена.

Помимо основного плана переустройства Земли я принял решение дистанционно нейтрализовать ядерный потенциал землян: свести угрозу ядерной войны к нулю. Мы располагаем возможностью тайно обезвредить ядерные заряды вооруженных сил землян, лишив способности активных материалов (начинки убийственных ракет) к распаду и синтезу. Ядерные державы при этом должны оставаться в неведении — в убеждении своей относительной безопасности, основанной на страхе взаимного уничтожения. Этот тайный план мы осуществим после посадки на Землю.

Родные мои, это не первая и, надеюсь, не последняя разумная планета, которой мы оказываем братскую помощь. Земля стоит на грани духовного и физического самоуничтожения, и мы, как старшие братья, не можем оставаться в стороне. Пятнадцать земных часов назад я отправил руководителям ведущих стран планеты: КНР, России и США подробную программу по оздоровлению планеты. Сейчас проходит встреча лидеров. Уверен, земляне примут единственно правильное решение, как принимали его другие страждущие цивилизации и дадут согласие для высадки на планету и помощи в лечении. Благодарю вас за внимание, родные.

Командир звездолета протянул руку к пульту и вложил палец в одно из углублений. Раздался мелодичный звон; связь с экипажем прервалась. Дейсу не было необходимости выслушивать мнение членов экипажа. Его выступление на земных языках сопровождалось непрерывной телепатической связью; он знал мнение каждого из присутствующих. И ответил на все вопросы. Последний вопрос касался детей членов экипажа. Дейс отослал мысленное пояснение: «Дети наших сотрудников и их матери некоторое время побывут на орбите, пока мы не создадим для них соответствующих условий на Земле».

Он снова погрузил палец в углубление на пульте и принял в руку продолговатый сосуд, мгновенно материализовавшийся в пространстве. Опустошив его, он разжал пальцы, наблюдая, как сосуд тает в воздухе. Затем посмотрел в иллюминатор на огромный шар, украшенный голубым нимбом.

— Герера, — чуть слышно прошептал Дейс. — Вот ты, какая... Герера.

Командир закрыл глаза и попытался расслабиться. Он никак не мог побороть в себе волнение, связанное с предстоящей миссией. В этой гигантской по масштабам работе по спасению заблудших цивилизаций состоял главный смысл его жизни, его предназначение.

Дейс вздохнул, снова вложил палец в углубление на пульте и погрузился в транссон. Главный врач Межгалактической Скорой Помощи готовился принимать очередную пациентку по имени Земля.

Глава восьмая Разрешение конфликта

Подходя к дому, Костя ощутил, как сильно колотится сердце. После стычки с участковым его нервное напряжение достигло точки кипения. «Что я так волнуюсь? — успокаивал он себя. — Все нормально! Во-первых, я решил вопрос с работой и, отчасти, с погашением долга; а во-вторых, поставил на место Шматкова. И деньги с него содрал. Это же хорошо!

Костя переступил порог дома и заметил, как встрепенулась жена. «Как же она, бедная, измучилась, — с горечью подумал он. И поспешил ее успокоить.

— Все хорошо, милая! Гораздо лучше, чем ты думаешь. Можешь меня поздравить, — меня берут на работу в банк. Водителем-инкассатором. Да! И с выплатой долга обещают помочь. Кстати, тут один товарищ долг вернул. Брал у меня, намедни.

И торжественно вручил жене купюру.

Та просияла, доверчиво:

— Как хорошо! Эти деньги очень кстати. Ведь тебе еще не скоро зарплату получать. Ты скоро выходишь на работу?

— Завтра оформляюсь. Теперь недостатка в деньгах не будет. Закончилась наша черная полоса, — торжественно объявил Костя и мечтательно посмотрел в потолок. Там, во всех красках, он увидел светлое будущее.

За обедом Костя весело расписал жене свой визит в банк. Но Лена не смеялась. В ее глазах сквозила тревога.

— Костя, — обратилась она с мольбой в голосе. — Пугает меня этот амулет. Избавься от него поскорей! Ведь все уже устроилось. Не искушай судьбу.

— Избавиться? — поднял бровь Костя. — Ты думаешь, что говоришь? Да только благодаря ему я смог поправить наше положение. И это только начало! С таким волшебным прибором я еще много чего смогу достигнуть.

Вечером нагрязнул участковый. Он с порога хмуро поздоровался с Леной и, не глядя на Костю, присел за стол.

— Знатную бабу ваши слепили, — выдавил из себя улыбку.

— Какую бабу? — не понял Костя.

— Да дети ваши, — кивнул участковый на окно, — во дворе снежную бабу слепили. — И без перехода обратился к Лене: — Мне с твоим потолковать надо.

— Я как раз в магазин собралась, — ответила Лена, надевая пальто. — Вот и потолкуете.

Оставшись вдвоем, они с минуту, молча, смотрели друг на друга. В глазах Шматкова читалась лютая злоба, в глазах Кости — язвительная насмешка. Участковый моргнул, вытащил из сумки искалеченное оружие и, со стуком, выложил на стол перед Костей.

— Давай, костоправ! Исправляй свое вредительство.

— Мы так не договаривались, — крутанул головой Костя. — Гони отказные бумаги. Что у хмырей нет ко мне претензий. Их заявки на меня и справки о побоях.

— Насчет этого не парься!

Участковый достал бумаги и протянул Косте.

— Вот их отказные. А это — их предьявы к тебе и справки о побоях. Эти можешь — сразу в печку! Давай, правь ствол! Что застыл?

Костя ознакомился с содержанием документов и облегченно выдохнул:

— Как тебе это удалось?

— Шматков моет! Пригрозил свидетелями, надавил на них, как следует. Намекнул на шприц с инфекцией. Они ж не дураки...

Костя отвернулся, нащупал на груди прибор и вложил палец в среднее углубление. Другую руку он положил на пистолет. «Этот режим исцеляет живые организмы, заживляет раны, — подумал он, припомнив учителя географии. — Касается ли это утративших форму механизмов?».

И тут же ощутил холодное движение металла под ладонью. Механизм явно обретал изначальные формы. Отыяв руку, Костя посмотрел на сверкающее червленим блеском обновленное оружие и перевел взгляд на бледное лицо участкового. Тот, выпучив глаза, смотрел на свой пистолет, не веря в происходящее. Осторожно, точно боясь обжечься, он взял его в руки и рассмотрел со всех сторон.

— Невероятно! — булькнуло в его горле. — Невероятно! Как у тебя это получилось? Да ты же...

— Я и сам удивляюсь, — смиренно откликнулся Костя. — Сам не знаю, как это у меня получается. Дар у меня такой. Еще с детства.

— Да с таким даром, — вскочил участковый. — С таким даром можно горы свернуть! Можно во как жить! — чиркнул он ладонью по горлу. — Слушай, а ведь ты же легко мог и мою машину починить? Почему ж не починил?

— С крупными механизмами не работаю, — понесло Костю. — Только с мелкими.

— Ну, я пойду, — с дрожью в коленях привстал участковый. — Удивил ты меня! И порадовал! Надеюсь, будем дружить. А?

— Не надо целовать мои туфли, они утратят свой блеск, — усмехнулся Костя. — Да шучу я! — подумал, с горечью: «Теперь со мной всем выгодно дружить. Каждый норовит извлекать выгоду из дружбы. И это хреново».

Проводив участкового, он выглянул за дверь и позвал детей, играющих в снежки.

— Пора домой! А то в сосульки превратитесь!

— Сейчас, папа! Нам не холодно. Еще немножко поиграем.

Костя снова сел за стол, снял с шеи оберег и стал рассматривать его. Он мысленно прокручивал в голове последние события, круто поменявшие привычный уклад его жизни. «Как бы мне не заиграться в эти игры», — мерекал он. Обворожительная представительница чужой цивилизации улыбалась и протягивала свою семипалую руку с пульсирующим на ладони сердцем. «Не мне она улыбается, — подумал Костя. — Она улыбается своему возлюбленному. А я присвоил ее подарок!».

И тут он решил: «А проверю-ка я третий режим!». Он перевернул оберег, вздохнул полной грудью и осторожно вложил палец в ячейку слева. Послышался характерный звук, отдаленно напоминающий призывный посвист синицы. Костя перевернул прибор и увидел, что изображение исчезло. В середине черного экрана пульсировала красная точка, сопровождаемая мелодичным попискиванием.

Глава девятая Беседа с гуманоидом

Командир звездолета Дейс очнулся от назойливого сигнала в мозгу. После погружения в сон прошло не более двадцати минут. Он поморщился и перевел взгляд с земных часов, смонтированных накануне роботом, на центральный экран. На экране пульсировала красная сигнальная точка, отображавшая координаты поверхности. «Восточная область России», —

определил местоположение Дейс. Затем вложил палец в одно из углублений на панели управления и отправил запрос:

— Выложить все данные об источнике сигнала.

И получил ответ:

— Владелец данного прибора индивидуальной защиты — участник первой экспедиции на планету Герера, известный в научных кругах ботаник Хисс. Погиб в процессе изучения флоры планеты, примерно четыреста миллионов лет назад. Останки обнаружить не удалось.

Командир привстал с кресла, с волнением всматриваясь в возникшее на экране изображение знаменитого первопроходца — пионера межзвездной экспедиции на планету Герера, ныне — планета Земля. Дейс опустил в кресло и закрыл глаза.

«Вот так новость, — подумал он. — Привет из далекого прошлого! Герера начинает одаривать нас сюрпризами. Что она еще для нас приготовила»?! Затем вложил палец в углубление на панели и скомандовал:

— Организуй связь с новым владельцем прибора.

Портрет ботаника на экране мгновенно сменился изображением застывшего в странной позе землянина. Он сидел за столом, подперев голову рукой, и смотрел на прибор, лежащий у него на ладони. Увидев на экране улыбающегося незнакомца, он вскочил с табуретки и тяжело задышал.

— Любовь тебе, землянин! — поприветствовал его гуманоид. — Меня зовут Дейс. А как зовут тебя?

— Здравствуйте, — мучительно выдавил из себя землянин. — Меня Костей зовут. Костя Березин. Кто вы такой?

«Странно, — подумал Дейс. — Почему землянин обращается ко мне во множественном числе? Ведь я один в центре управления», — и продолжил:

— Я командир межгалактического космического корабля, прибывшего к вам с дружеским визитом из созвездия Северный Крест. Наш звездолет в данный момент находится на орбите вашей планеты. Видишь за моей спиной в иллюминаторе Землю? Ответь мне, пожалуйста, Костя, как попал в твои руки данный прибор?

— Он находился в куске антрацита, прибор этот. Антрацит — это уголь так называется, — пролепетал Костя. И добавил: — Вы так по-русски шпарите! Откуда вы знаете наш язык?

— Из вашего интернета, — отстраненноотреагировал гуманоид и поднял глаза.

— Значит, ты обнаружил прибор в куске угля? Теперь понятно... Ты пользовался прибором?

— Несколько раз включал, — смутился Костя. — Мне он здорово помог. Но я готов вернуть его вам.

— Да, Костя! Прибор у тебя мы изыдем, как только пребудем на Землю. Его могут использовать в антигуманных целях. Тебя скоро посетит наш сотрудник.

— Это хорошо, — с облегчением пробурчал представитель земной цивилизации. — А как он меня найдет?

— Пока прибор с тобой — тебя просто найти, — улыбнулся инопланетянин.

— Скажите, Дейс, а зачем вы к нам прилетели? В чем состоит ваша миссия? — спросил Костя.

Командир звездолета понимающе покачал головой, точно заранее предвидел вопрос.

— Вот у вас, Костя, есть такая служба, называется — Скорая помощь. Ваша служба помогает отдельным людям, а мы — отдельным разумным планетам. Наша Межгалактическая Служба спасает цивилизации, стоящие на грани самоуничтожения. В этом состоит наша миссия.

Он сочувственно помолчал, сдвинул брови и продолжил:

— Болезни, ведущие к гибели, бывают скоротечные, а бывают затяжные. Судя по нашим данным, вы пребываете в скоротечной стадии. Вам срочно нужна наша помощь!

— А от чего спасать-то? — растерянно спросил Костя. — От чего конкретно? Скажите... Вы, вот, многим помогли? До нас...

— Ваша цивилизация будет двадцать восьмой. И впереди у Межгалактической Службы Скорой Помощи еще много работы, — вздохнул Дейс. — Бог семени жизни щедро разбросал по всей Вселенной. Где-то почва была плодородной, а где-то каменистой. Одному Богу ведомо, кому и как прорасти. Одни из семян проросли раньше, другие — на миллионы лет позже. Но для Него времени не существует. Господь не подвластен времени. А самое главное — Он оставил нам заповедь: помогать ближним.

— Надо же! Как много, оказывается, разумных планет во Вселенной. А наши астрономы до сих пор ни одной не обнаружили. Большинство исследователей уверены, что мы единственная разумная цивилизация в обозримом пространстве. Хотя некоторые утверждают, что...

— Да, Костя! Среди землян и раньше встречались люди, которые верили в многовариантность бытия. Взять хотя бы вашего Святителя Феофана Затворника, который допускал мысль о множестве разумных миров во Вселенной. В одном из писем к своему духовному чаду он писал: «...планеты состоят между собой в связи и взаимовлиянии, для нас неизвестном. Чтобы какая-нибудь из них была исключена из этого союза, этого предположить нельзя». Ваш великий святой допускал наличие во Вселенной не только физической, но и незримой духовной связи между планетами. Это информация взята из вашего интернета.

Костя Березин в изнеможении запрокинул голову и смежил ресницы. Силы покидали его. Невообразимая реальность происходящего тяжким грузом придавила его сознание, лишила возможности логически мыслить. Костя нуждался в передышке и Дейс не торопил его.

— Значит, завтра вы совершите посадку на Землю? — спросил Костя, преодолевая внутреннюю слабость.

— Да, относительно твоего местоположения это будет завтра. Сам корабль останется на орбите; на землю высадутся посадочные модули с членами экипажа и строительными роботами. Высадутся на площадки, которые определит Совет ведущих стран Земли: Китая, России и США. Сейчас главы этих стран проводят закрытое заседание. Они рассматривают представленную нами программу оздоровления земной цивилизации.

— И что в этой программе?

— Костя, программа чрезвычайно обширна и многогранна. Она предполагает массу конкретных действий. Я не вижу необходимости открывать ее для тебя в полном объеме. Скажу лишь, что она включает в себя такие пункты, как: разрешение проблемы экологического баланса планеты, управление климатом, изменение инфраструктуры городов и создание новых поселений, оптимизацию здорового образа жизни. Реализация перечисленных и других жизненно важных проектов полностью преобразит вашу планету, сделает жизнь землян счастливой, удобной и безопасной.

— Вы это серьезно? — опешил Костя Березин. Он покусал губы и продолжил: — План, конечно, шикарный, не спорю. Только ничего у вас не получится. Вы попали в дурдом! Бегите отсюда!!! Вы же наступите на хвост нашим магнатам: производителям бензина, оружия, лекарств, продуктов питания ...Вы думаете, наши барыги откажутся от своих прибылей ради всеобщего блага? Да чхать они хотели на ваши благородные цели и планы! Они, скорей, удавятся, чем... — у Кости застрял комок в горле. — Уж поверьте, мне... таких алчных уродов во всей Вселенной не сыщешь!

Командир звездолета поднялся из кресла, не торопясь подошел к иллюминатору и посмотрел на многострадальную, истерзанную людскими страстями планету. Глаза его увлажнились.

— Ничего, Костя... все будет хорошо, — печально улыбнулся Дейс. И помахал землянину рукой. — До свидания, брат. Любви тебе Небесной!

Глава десятая Спасение цивилизации

Живое изображение на приборе исчезло, сменившись привычным портретом инопланетянки, ставшей для Кости почти родной. Он подмигнул статичному изображению и, нацепив оберег на шею, спрятал под футболку. Скрипнула дверь; по полу потянуло морозной свежестью. В комнату вбежал сын, следом дочка: оба розовощекие от мороза, с веселыми сверкающими глазами.

— Насилу загнала! — заявила жена с порога. — Быстро раздевайтесь! Будем чай пить с малиной.

Дочь подбежала к отцу, поцеловала его в щеку.

— Пап, я только чуточку замерзла. Совсем чуть-чуть! Что ты такой грустный?

— Не приставайте к отцу, — урезонила детей мать. — У него завтра трудный день. Наш папа завтра на работу устраивается. Ему нужно настроиться на позитивную волну, чтобы завтра не оплошать.

— Да все нормально! — приободрился Костя. — Я не волнуюсь. Что мне волноваться-то? Я к ним в банк не напрашивался — управляющий сам мне работу предложил. Чуешь разницу? А завтра день, действительно, для всех ответственный... — он прикусил язык. Рассказывать сейчас о беседе с гуманоидом — значило выставить себя полным идиотом.

За чаепитием Лена рассказывала деревенские новости, но Костя не вникал в смысл речи и невпопад кивал головой. Взбудораженное воображение рисовало фантастические картины, героем которых был командир

межгалактического корабля. Вот, Дейс вместе с другими гуманоидами, на причальных модулях спускается на Землю. Вот его встречает Президент страны Владимир Жутин. Вот он в Кремлёвском дворце перед ученым сообществом представляет план спасения Земли...

— Ложись-ка ты, родной, спать! — прервала себя на полуслове Лена. Намотался ты сегодня за день! Гляди, как осунулся. Я тебе постелю на диване.

— Пожалуй, — тряхнул головой Костя, отгоняя навязчивое видение.

Он наскоро почистил зубы, разделся, рухнул на диван и сразу отрубился. Снов Костя не наблюдал; правда, под утро, ему привиделась черная гадюка, свившая кольцо на груди и кусающая его в самое сердце. Он проснулся от прикосновения к телу чего-то холодного, включил настольную лампу и посмотрел на часы. Было пять утра. Потрогал оберек и ощутил пальцами колючий холод металла.

«Странно, — подумал, Костя. — Он всегда оставался теплым, а теперь...»

Он снял с шеи прибор и протер глаза. И увидел, что изображение инопланетянки исчезло. Умный прибор превратился в простую железку.

— Сдох прибор, — прошептал Костя. — Ну и хрен с ним! Все равно его отдавать. И поправил на шее нательный крестик. — Вот моя защита!

Встав с дивана, Костя положил артефакт в ящик стола и приступил к утренним процедурам. Из спальни, запахивая халат, вышла заспанная жена.

— Костя, что так рано встал? До автобуса еще два часа. Поспал бы.

— Да выспался я. Найди мне, пожалуйста, трудовую книжку. Не помню, куда я ее забельшил...

— Я помню, — ответила Лена. — Сейчас приготовлю твой любимый молочный супчик.

— Да! За неимением стерляди, мой любимый суп — молочный, — улыбнулся муж. — Но это пока!

В ожидании завтрака, Костя послонялся по комнате, затем подошел к окну и долго смотрел на звезды обновленными глазами. Привычные звезды уже не являлись таковыми. Они обжигали душу. Потом включил телевизор и приступил к трапезе. Внезапно передача прервалась, на экране появился диктор. Лицо его выражало телячью озабоченность.

— Передаем важное правительственное сообщение, — объявил он. — Сегодня в пять часов утра по московскому времени совместными силами США, Российской Федерации и Китайской Народной Республики был уничтожен крупный астероид, несущий смертельную опасность цивилизации. Общая сила заряда, нейтрализовавшая космический объект, составила более семисот мегатонн в тротиловом эквиваленте. В результате мощного взрыва астероид распался на отдельные фрагменты. Его обломки не представляют опасности. Большая их часть ввиду изменившейся траектории минует планету; отдельные мелкие фрагменты сгорят в земной атмосфере. Стоит отметить и высоко оценить слаженную эффективную работу военных специалистов США, России и Китая, объединивших свои усилия ради благородной цели — спасения планеты Земля, нашего общего дома. Будем надеяться, что данный совместный проект послужит в будущем делу мира и даст мощный толчок для плодотворного сотрудничества наших стран.

От души поздравляем всех жителей Земли с избавлением от смертельной опасности. **ЗЕМНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ СПАСЕНА!**

В наступившей тишине раздался стук выпавшей из руки ложки.

— Что же вы врете, подонки! Какой еще астероид?! Не астероид это! — проскрежетал зубами Костя. — Убийцы...

По его щекам катились слезы. Жена с тревогой посмотрела на мужа:

— Кто убийцы? Ты о чем?

— Убийцы... все мы — убийцы!

Об авторе

Родился в 1950 году в поселке городского типа Олымский Курской области. Окончил Воронежское музыкальное училище. Более 30 лет проработал на Воронежском телевидении. Автор фантастической книги «Жизнь Вечная» (2018) и «Телебайки» (2019). Опубликовано рассказы в журнале «Таврия литературная» (2019, 1-й номер). Автор нескольких известных песен (песня «Ангел» заняла Гран-При на международном фестивале в Стамбуле). Сейчас на пенсии. Проживает в Воронеже.

Александр Юдин, Сергей Юдин

Курьи ноги

повесть

*Мы сказками предания зовем,
Мы глухи днем, мы дня не понимаем;
Но в сумраке мы сказками живем
И тишине доверчиво внимаем.*

И. А. Бунин

— Ну, вот она, Бедокуриха твоя и есть. — Антон, водитель колхозной «полуторки», остановил грузовик на разрезженной проселочной дороге и указал в сторону двух десятков бревенчатых изб, прилепившихся к изножью безлесной горы, вздымающейся над малахитовым морем Восточносибирской тайги. — Прибыли! Завтра поутру, часов эдак в шесть, как буду, значица, обратно ехать, тебя подберу. Только ты уж, паря, не проспи, на своих двоих отседова ни в жисть не выбраться, а другой попутки неделю ждать — не дождешься. Лады?

— Лады, — согласился Кирилл, подхватил брезентовый рюкзак, красно-белую спортивную сумку из козжама с символикой Олимпиады-80 и спрыгнул на раскисшую после недавнего дождя землю. Накинул рюкзак на плечи, вдохнул полной грудью дурманящий, пропитанный запахами багульника и хвои, воздух и бодро зашагал в гору.

В это дремучее, даже по меркам Забайкалья, захолустье Кирилла Хомутова, тридцатилетнего научного сотрудника Бурятского института общественных наук, забросила не судьба и не пустая блажь, а работа над кандидатской диссертацией. Он собирал былички и бывальщины, бытующие среди местного русского населения, руководствуясь заранее составленной картой перспективного исследования. Защита планировалась уже в следующем, 1981 году, а потому время поджимало.

За лето Кирилл успел объехать более тридцати сел и деревень Читинской области и, вообще-то, материала добыл с избытком. Так что Бедокуриха являлась конечным пунктом его командировки. Эту деревню Хомутово порекомендовал научный руководитель, заведовавший в их институте сектором русско-сибирского фольклора, профессор Вершинин. Профессор сам заезжал в здешние места лет пять назад и уверил Кирилла, что селение это как-то особенно богато старожилками-долгожителями, до сих пор хранящими в памяти целый кладезь мифологических рассказов нужной тематики.

На полпути к деревне Кирилл остановился, вытащил из надорванной пачки «Астры» плоскую сигаретку и попытался прикурить. Но спички отсырели и никак не хотели вспыхивать. Чертыхнувшись, он снял кепку и принялся тереть спичку о волосы — проверенный способ, не раз его выручавший. Просушив спичку и добыв огонь, он глубоко затанулся, задумчиво обозревая окрестности.

Августовский день был пасмурен, но душен, как случается перед грозой; низкие тяжелые облака, при полном безветрии недвижимо зависшие над горой, едва не касались ее вершины. Кирилл утер кепкой пот со лба и продолжил подъем.

Тропа, змеящаяся среди сырого разнотравья, вывела его к первому жилью — стоявшей на отшибе невысокой, без подклета избе, рубленной из кондовой лиственницы. Окинув строение взглядом, Кирилл аж присвистнул: на вид тому было лет сто, когда не более. Что ж, оставалось надеяться, что и хозяева окажутся под стать дому. Вот только смотрелась изба как-то... мрачновато, даже зловеще. Глубоко — венца на два вросшая в землю, заметно покосившаяся, насупившаяся на белый свет массивным охлупнем, она напоминала давно пережившую свой век, но все еще суровую и властную старуху.

Кирилл постучал в невысокую дверь и прислушался. Кажется, в избе кто-то разговаривал. Он постучал еще раз. «Отворено!» — донесся изнутри женский голос. Он толкнул дверь, пригнувшись, шагнул в сени и едва не оступился — пол в сенях находился изрядно ниже уровня земли. Когда глаза привыкли к сумраку, он разглядел, что стены помещения обшиты толстыми некрашеными тесинами; на вбитых крюках висела одежда: овчинный тулуп, пара ватников и еще что-то; на полу под тулупом и ватниками выстроились резиновые сапоги, валенки, другая нехитрая обувь, по виду — женская, порядком заношенная, углы заставлены всяким хозяйственным скарбом.

Тут вторая, ведущая из сеней в избу, дверь распахнулась и к нему вышла женщина лет семидесяти с гаком или восьмидесяти. Долговязая, жилистая, лицом она была худа и скуласта, близко посаженные глаза-буравчики смотрели пронизательно и остро. Кирилл представился — мол, ученый из города, здесь по заданию института и все такое; коротко, давно обкатанными фразами, объяснил цель визита: дескать, ездит по деревням, обходит наиболее уважаемых и знающих жителей и записывает необычные истории, что случались с ними или с их близкими в прежние времена.

— Заходи, раз из эдакой дали приехал, — заявила хозяйка. — Не шибко я поняла, что за дело у тебя, ну да ладно, за столом растолкуешь.

Горница в целом гармонировала с внешним обликом избы: полати, глинобитная печь едва не в полпомещения, тяжелый потолок из сплошного круглого накатника, стены, сложенные из гладко отесанных бревен, по стенам — широкие лавки. Снижал впечатление старенький черно-белый «Рекорд-67» в красном углу.

За длинным столом сидели две старушки, перед каждой дымилась чашка с горячим чаем, тут же стояли сахарница, вазочки с вареньем, глубокая миска с баранками и накрытый тряпичной чугонок. Старушки лишь улыбочиво покивали гостю и вновь вперились в экран — показывали третью серию «Цыгана».

— Ты, мил человек, посиди пока тихонько, — негромко сказала хозяйка, указывая на лавку, — кино скоро кончится, тогда и поговорим.

— Уж больно фильм хорош, — извиняющимся тоном пояснила одна из сидящих перед телевизором бабулек.

— Тише ты, Фёкла, — тут же шикнула на нее вторая.

Кирилл послушно присел на лавку, с интересом осматриваясь. Кажется, ему повезло — в первой же избе застал сразу трех местных старожилков. Теперь главное разговорить бабулек, направив разговор в нужное русло. А для этого необходимо найти к ним подход. Насчет хозяйки, несмотря на ее внешнюю суровость, он не переживал. Кирилл убедился на опыте, если уж пригласили в дом, не отказали, сославшись на занятость или иные причины, то дело пойдет. А коли еще и за стол усадят, тогда и вовсе. Но что с остальными двумя? Наверняка это соседки, зашедшие на фильм, скорее всего ровесницы хозяйки. Выглядели они вполне добродушно: маленькие и плотные, румянощекие и похожие одна на другую, точно сестры-близнецы, старушки напоминали пару сказочных колобков.

Наконец, пошли титры, хозяйка выключила телевизор и пригласила гостя к столу. Кирилл, не тратя времени, вытащил из рюкзака кулек конфет, две пачки печенья «Земляничное» и поллитра «Зубровки».

— Гляди, Устинья, гость-то у тебя какой знатный, — с веселым квохтаньем заметила одна из румяных старушек, — с гостинцами, не абы что. Сразу видать — городской, культурный.

— А что там у вас в городе не слыхать, — спросила вторая, — поладят Будулай с Клавдей, ли че ли?

— Погодь ты, Евдокия, со своим Будулаем, — оборвала ее хозяйка. — Человек не кино смотреть приехал, а по делу. — и, обращаясь к Кириллу, заявила: — За конфеты спасибо, а казенку прибери, у меня наливка домашняя есть, на травах да ягодах. Да и крепка она для нас, казенка-то, сколь там... у-у! сорок градусов! Прибери, прибери. Так что у тебя, говоришь, за надобность?

— Что ж, Устинья, мы пойдем, пожалуй, — засобирались Фёкла с Евдокией.

Но Кирилл, включив все свое обаяние, упросил обеих бабулек остаться, поскольку, дескать, в его деле и они очень помочь могут. Хозяйка дома — Устинья, принесла тем временем обещанную наливку в пузатой литровой бутылки темно-зеленого стекла и поставила перед гостем миску с пирожками.

— Откушайте с дороги. Эти — с капустой, а те — с яйцом и луком. Холодные, правда, дак, кто ж знал...

Кирилл заверил, что холодные пирожки его самое любимое блюдо, представился, рассказал кто он и откуда, и как мог доходчивее объяснил, с какой целью пожаловал в их деревню.

— Так тебе что ж надо-то? — с недоумением уточнила Фёкла. — Нешто сказки? Я какие, может, и знала раньше, все запомнила. И не мастерица я сказки-то сказывать. Это тебе лучше к Корякиной Прасковье, она...

— Нет, нет, нет! — перебил ее Кирилл. — Мне нужны от вас не сказки, а былички, бывальщины. Сказки это про то, что никогда не было, ну: «В некотором царстве, в некотором государстве...», а меня интересуют истории, которые на самом деле случились — или с вами или со знакомыми

вашими, односельчанами там, или с кем-то из родственников, понимаете? Но только истории необычные — волшебные. Про колдовство, приворот, про домовых да леших, про покойников, про то, как хомуты надевали, и тому подобное. В общем, удивительные истории, чудесные даже, но не выдуманные, а настоящие. Знаете такие?

Женщины переглянулись, покачивая головами и задумчиво вздыхая. Долговязая Устинья молча поднялась, принесла три стеклянные рюмки с золотыми ободками и распорядилась:

— Давай-ка, наперво, наливки моей спробуй, а там, глядишь, и вспомним чего.

Выпив наливки, которая и впрямь оказалась весьма вкусна, все некоторое время молча жевали. Потом хозяйка, ткнув надкусанным пирожком в Евдокию, заявила:

— Слышь-ка, Даниловна, расскажи человеку про тот случай, что с твоим свекром, с Егором Кузьмичом был.

— И верно, — поддержала ее Фёкла, — давай, Дуня, рассказывай про свекра. А ты, Устинья, наливочки нам еще плескани. Ой, до чего у тебя наливочка вкусна, до чего вкусна! Так бы, кажись, пила бы да пила.

— Пить — не дрова рубить, — с усмешкой заметила хозяйка, наполняя, тем не менее, рюмки тягучей жидкостью. Ну, Даниловна, вспомнила про Кузьмича? Расскажешь?

— Отчего не рассказать? — легко согласилась Евдокия. — Расскажу.

— Погодите минутку! — всполошился Кирилл. — Я сейчас, мне же надо все подготовить.

Он вытащил из спортивной сумки кассетный магнитофон «Электроника-301» московского завода ТочМаш, бережно (вещь казенная) положил на стол, подключил микрофон и вставил чистую кассету МК-60; потом достал из той же сумки пухлую записную книжку и приготовил ручку.

— Мне необходимо записать ваши полные данные: фамилию, имя, отчество и год рождения, — объяснил он и извинительным тоном добавил: — Такой порядок.

— Пиши, раз порядок, — не стала возражать старушка. — Мосолова я, Евдокия Даниловна, родилась здесь же, в Бедокурихе, в девяносто третьем годе.

— Так вам, Евдокия Даниловна, восемьдесят семь лет? — поразился Кирилл. — Никогда бы не дал.

— А что ж? — пожалала та пухлыми плечиками. — Младшая я.

— Младшая? — не понял Кирилл.

— Ага, младшая. Сестра-то, — старушка кивнула на свою соседку, — на два года меня старше будет. Так, Фёкла?

— Где на два-то? — возмутилась Фёкла. — На год и девять месяцев только!

— Ну, пусть, — согласилась Евдокия. — А Устинья нас обеих старше.

— Давайте, я и ваши данные сразу запишу, — обратился Кирилл к хозяйке.

— Устинья Тимофеевна Полоротова, — с готовностью ответила та, — с тысяча восемьсот восемьдесят шестого году по пачпарту. Показать, ли че ли?

— Если несложно, Устинья Тимофеевна.

Хозяйка поднялась и скрылась за занавеской, которой был отделен кутный угол. Вернувшись, протянула Кириллу документ.

— По выписи из метрической книги дату сверяли, — пояснила она.

Кирилл только головой покачал. Зафиксировав данные всех трех женщин, он нажал на магнитофоне нужную клавишу и сказал:

— Ну, Евдокия Даниловна, мы готовы выслушать ваш рассказ.

— Это что ж, — спросила старушка, указывая на микрофон, — в эту штуку говорить надо?

— Вы говорите, как обычно, а на штуку не обращайтесь внимания.

— Ну что ж, мил человек, слухай... — заговорила старуха Мосолова, поудобнее устраиваясь на лавке и поправляя концы завязанного под пухлым подбородком платка, — случилось это не в нашей Бедокурихе, а в Нижней Куенге. Ну не в ней самой, а рядом то исть...

— Погодь-ка, Даниловна, — прервала ее Устинья, — время-то позднее, да и неведомо, сколь мы тут пробалакаем, так я покудова загодя все уж приготавливаю, чтобы после по избе не скакать...

С этими словами хозяйка схватила со стола оловянную плошку, споро наполнила ее пшенной кашей из стоящего тут же чугунок и вновь поднялась со своего места. Поставив плошку на шесток русской печи и вернувшись к столу, она сочла нужным пояснить:

— Я, вишь, паря, печь-то недавно протопила, так что каша до ночи не простынет. Хозяин, он, знамо дело, теплое любит, холодного не уважает, обиду затаить может.

— Какой хозяин? — насторожился Кирилл. — Вы, Устинья Тимофеевна, еще кого-то ждете? Ваш... э-э-э... супруг должен вернуться?

— Какой-такой супруг? — удивилась Устинья. — Ты про мужа нешто? Так мужа у меня сроду не бывало. Всю жизнь проходила в девках...

— Кому же тогда вы кашу оставляете?

— Экий ты бестолковый, — вздохнула Устинья. — Известно кому, хозяину! Суседке. Домовому то исть.

— Вот как? Это просто замечательно! — оживился Кирилл. — Просто великолепно! А мне вы после расскажете про домовых-суседок?

— Зачем же после? Ты ж, милоч, Евдокию хотел слушать, она и расскажет. А ты, Даниловна, чего примолкла? Начинай уж, гость-то, поди, заждался...

Евдокия Даниловна пригубила наливки и начала рассказ:

— Я и говорю, то не у нас в Бедокурихе случилось, а в Сретенском, значит, районе... Там свекор-то мой, Егор Кузьмич, на лесопилке работал. А было это годков эдак сорок, а то и поболее, назад. Егор, он, страсть как охоту уважал, любил, мил человек, по лесу шастать, берданом баловаться. Птицу всякую добывал, зайцев промышлял, лису, куничку опять же вываживал... Иной раз дня по три, а то ажно и по цельной седмице, пропадал в лесу, у него там по разным удобным местам сидьбы — шалаши по-вашему — наставлены были. А уж коли сильно надолго застрянет, для тех целей охотничья заимка имелась. Добротная, рубленая, с буржуйкой, лежаком и всеми делами...

— Ты, Дуняша, сама нешто с Кузьмичом на охоту хаживала? — рассыпалась квохчущим смешком Фёкла. — Лежанку ему грела?

— Цыц! — прикрикнула на нее сестра. — Уж коли баю, так, стало быть, ведаю! Егор мне разов сто случай тот рассказывал, во всех, почитай,

подробностях... И не встревай более, сиди да помалкивай... Так вот, значит-ся, как-то раз по осени застрял он в лесу надолго — не то уж больно много дичи промышлялось, не то мало, не упомяну. Ну, застрял и застрял, сторожка-то на что? Он туда. А дело к ночи. Вот он буржуйку затопил, еды какой-никакой в манерке состряпал, пожевал да спать собрался. И что ты думаешь: забыл про суседку-то! То исть все сам схарчил, а домовому ни крошки, ни на синь-пороху не оставил. Уставший был, вот и запомятовал, сердешный. Ладно. Лег, значит. И только-то засыпать начал — стук, дверь открывается, а на пороге девка в рыжем платье. Коса длинна, сопатка ряба и изо рта три зуба торчат — один снизу да два сверху. Что, думает, за оказия! А девка ему, свекру то исть: позволь, дескать, мил человек, у тебя на заимке переночевать; в лесу, мол, заблудилась, покуда грибы рвала да ягоды собирала. Егор ее пытается: кто такова и звать как. А она: по-разному люди кличут — кто Дунькою, кто Акулькою. Тут свекор смекнул: не иначе — то кикимора в гости к нему пожаловала. Ладно. Заходи, говорит, только лежак у меня один, так ты на пол курмушку мою, куртку то исть, брось, да располагайся себе. А что делать? Не пустишь, она снаружи что-нибудь да набедокурит — сторожку подожжет или еще чего, а пустишь — тоже беда, но так хоть на глазах будет, уследить можно. Легла, стало быть. У свекра, ясно дело, сна уже ни в одном глазу, с боку на бок ворочается, ждет, что дале будет. И правда, часу не прошло, Дунька-Акулька с курмушки подымается, да тихо эдак на карачках к свекровой лежанке ползет. Егор-то хотел вскочить, да куды! Руки-ноги будто отсохли, и пальцем шевельнуть не может! Да и видит, это уж не девка вовсе, а рысь, самая что ни на есть настоящая, шипит, к нему крадется! Пасть ошерена, с клыков слюна течет, глаза точно площадки, желтым огнем горят... Страх, да и только! Егор и думает: ну, видно, смерть моя пришла, до берданы не дотянуться, руки вовсе онемели, дышать уж и то невмочь, лежит колодой, стонет... Только-то собрался напоследок молитву Богородице вознести, как вдруг из самого темного угла, что за буржуйкой, вылезит кой-то — большой, мохнатый — совсем вроде здорового мужика в бараньем тулупе, токмо лица не видать, борода одна... Вылез, упал на рысь и давай ее давить. Давит и рычит! Давит и рычит! Глядь, рысь уж не рысь, а та прежняя рябая девка — извивается, пищит, стонет, вырваться хочет... У свекра враз онемение прошло, он с лежака-то вскочил и за бердану... Но тут и исчезло все — и мужик и девка — как не было никого! Егор к тому месту, где они боролись, подбег и видит: лежит на полу мала куколка, тряпицей грязной обмотана. Ну он, понятно дело, схватил эту куколку да скорей в печку железну и бросил — как завизжало оттудова, как искрами шибануло! — и все, не стало кикиморы. Вона как бывает...

— Замечательная быличка! Такая колоритная... — начал было Кирилл привычные славословия.

— Да погоди ты, заполошный, — тут же окоротила гостя Евдокия Даниловна. — Слухай, что дале было... Так вот, значит, поуспокоился Кузьмич, снова спать наладился. Да едва прилег — опять стук, дверь с грохотом настезь, а на пороге огромный дед в бахановом зипуне и треухе куньем; сам, вишь ты, черный, мохнатый, кряжистый, что твой дуб, весь волосьями порос, борода лопатой, зенки махоньки, злые. В одной руке —

дубина корзоватая, вроде посоха, во второй — коровий недоуздок. Ну и тоже, как водится, просится переночевать: у меня, мол, буренка в лес убегла, я ее целый день шукал, да все зря, только, вот, проваландался до ночи понапрасну. Свекор и его пытается: кто таков, я в округе, почитай, всех знаю, а тебя, дед, не припомню. Старик в ответ: ну, коли не припомнишь, зови меня «старик Шатун». Свекор, знамо дело, враз смекнул, кто перед ним. Да и то молвить, какой дурень не догадался бы? Леший, он и в Чухломе — леший! Что тут поделаешь? Не откажешь. Лешему и приглашения без надобности, кругом его, Лесного Хозяина, владения. Старик Шатун и правда особого знаку дожидаться не стал, вошел, осмотрелся, растянулся прямо вдоль порога и захрапел. Егор бердану подтянул поближе, подле изголовья поставил и лежит сам не свой, а что дале стряется и помыслить опасается. Только думает, зря он в изголовье топор не положил, потому как говорят, от лесовиков — это первое средство. Вона как... Ну и точно, часу не минуло, видит Егор, неладное творится: заворочался старик, захрипел, заурчал — совсем медведь в берлоге, а после приподнялся, на карачки встал и давай к лежанке красться. Егор присмотрелся, а ведь то и взаправду никакой не старик вовсе, а медведь! Лапищи здоровущие, когти на них вершка под два, черные... Глазелки алым огнем пыхают, пасть зубастая, да такая, что, кажись, в нее и полтеленка враз поместится, а смрад из той пасти, будто из выгребной ямины! Свекор было к бердане, да не поспел — сызнова его паралич хватил! — лежит, болезный, чурбак чурбаком, не шелохнется, от смертного ужасу холодным потом обливается. И опять, как и в прошлый-то раз, выскакивает вдруг из-за печи кой-то мохнатый в бараньем тулупе, кидается сверху на того медведя и давай чудише энто давить что есть мочи. Давит и рычит! Давит и рычит! Егор враз приободрился: ну, думает, не пора мне еще помирать, может статься, поживу еще маленько. Вона мой защитник каков, того и гляди, задавит проклятого лешака!.. Ага, ладно. Токмо не тут-то было. Медведь рыкнул раз, рыкнул другой, да и стряхнул с себя запечного мужика! Уселся на него всей-то тушеею и давай теперь сам его давить, лапами рвать да зубищами грызть. Мужик не сдается, отбивается, но, по всему видать, тают его силы, а медвежьи — возрастают. Свекор, видя такое дело, попробовал руками пошевелить — хотя и с трудом, но получилось у него до берданы дотянуться, — ухватил он кое-как ружье, прицелился медведю прям в башку, да и пальнул!.. Смотрит, а тому хоть бы хны, даже и не вздрогнуло чудише поганое... И тут услышал Егор Кузьмич голос, но не въяве, а будто бы прямо в его голове звучащий: «Беги, Егорка! Беги, покуда не одеревенел вовсе. Не удержат мне твоего недруга, не сладить с ним. Давно я пиши человечей не едал, ослабел совсем, вот и одолевает меня старик Шатун». Тогда-то и вспомнил свекор, и пожалел горько, что позабыл с вечеру оставить провизии домовому. Пожалел, да поздно. Впрочем, сполз кое-как с лежака, дотащился до двери и наружу вывалился. А там враз почувал — вернулись к нему силы, спало онемение членов. Видно оттого, что лешак-то на заимке остался. Тут уж Егор мой руки в ноги, да и припустил таким прытьком, таким конем виноходным — ажно за полсуток до села добежал!.. Вот, милоч, такая история со свекром моим случилась. Как сама слыхала, так и передаю, слово в слово, ни на синь-пороху не соврала, — заключила свой рассказ старуха.

— А со свекром, с Егором Кузьмичом, что случилось? — полюбопытствовал Кирилл.

— А что с ним, бугаем, станется? — со вздохом пожала плечами Евдокия Даниловна. — Ничего. Умом разве маленько тронулся, в лес уж боле не хаживал, бердану забросил, да и на лесопилке появлялся от случая к случаю — все на завалинке сидел и казенку трескал. А как, бывало, натрескается, непременно про домовых да кикимор с лешими патефон свой заводит.

Кирилл поставил запись на паузу.

Тем временем за окошком заметно потемнело, хотя для сумерек еще было рановато. Устинья щелкнула выключателем, и над столом зажглась одинокая лампочка в бумажном абажуре.

— Гроза, однако, собирается, — заметила она и, обращаясь к Кириллу, спросила: — А ты что ж ничего не пьешь, не кушаешь? Иль не понравилась моя наливка?

— Очень понравилась, — заверил Кирилл.

— Вот и пей тогда, чего рот сушить.

— А и правда, Тимофевна, наливай, — махнула рукой Евдокия, — а то сидим ровно на поминках.

— Тьфу, ты, балаболка, — рассердилась Фёкла, — скажет, как в лужу..

— Чем собачиться, — захихикала Евдокия, — давай, сестрица, рассказывай, теперь твой черед.

— И расскажу, расскажу! — заверила Фёкла. — Я разных бывальщин поболее твоею помню. Да вот хоть эта, слушайте...

Кирилл снял паузу и пододвинул микрофон поближе к рассказчице.

— Случилось это недалече от нас, в Шелопугине, — начала Фёкла Даниловна. — Жила там раньше одна девка-перестарок — Катериной звали — рябая, косоглазенькая да полоротенькая. Ко всему — сирота круглая. Ну, вот, по этой причине замуж ее, сиротку убогую, никто не брал. Да что там «замуж»! Парни и на улице норовили ее стороной обойти, а уж коли кому доведется встретить, тот непременно либо кукиш в кармане сложит, либо через плечо сплюнет — от сглазу. Потому слух шел, будто глаз у ней очень нехороший, дурной, несчастья приносит. Девки тоже Катерину не особо жаловали, не то ведьмой, не то шишигой почитали. Вранье ли, не ли — не скажу, не знаю. Но народ, он, мил человек, правду издаля чувствует, зря болтать не станет... Так вот и жила Катерина, маялась да тужила. И как не тужить: кругом, куда ни глянь, парочки милуются, сваты от избы к избе снуют, свадьбы справляют, а она — одна-одинешенька, все-то ее сторонятся, все чураются... Бывало, парни с девками соберутся на завалинке, разговоры разговаривают, смеются, семечки лузгают, а только-то Катерина к ним подойдет, те так и прыснут в разны стороны, так и припустят прытьком, точно от какой чумной заразы. Ну, конечно, заскучала девка, закручинилась. Такая тоска черная на нее навалилась, инда сохнуть стала, хотя и без того тоща была — жердь жердью. А раз поутру вовсе ей невмоготу стало, не сдюжила она, вышла на крыльцо да и рывкнула в сердцах во все-то горло: «Что ж такое деется! Хоть бы какой сатана меня в жены взял!» Только сказала, колокольца забренчали, кони заржали, глядь, а уж катятся к ее избе сваты с женихом. А жених — красавец писанный, росту саженного, сложения богатырского, одежда — кол-

хозному председателю носить впору. Обомлела девка, стоит, слова вымолвить не может... Ну, что там рассусоливать, коротко говоря, и опомниться Катерина наша не успела, как дело слажено оказалось — на третий день свадьбу играть назначили. Так вот. Молодая-то сама себя от радости не чуяла, ничего-то вокруг себя не примечала, не видела, токмо на суженого своего пялилась, да слезы счастливые лила. Как срок подошел, народу на свадьбу много собралось, все боле со стороны жениха — у невесты-то, вишь, из родных никого, а деревенским тоже не больно охота у порченной гулять... Но жила тут же, в Шелопугине, одна малая девчушка — Лидка — годков тринадцати... Ты, Дуня, должна ее помнить, она нам какой-то родней приходилась, дальней... Эта-то Лидка почитай одна из всего села Катерины не чуралась. По малолетству да глупости, верно. Вот ее на свадьбу и пригласили. Она же, Лидка-то, после мне и рассказывала: дескать, расселись гости за стол, молодые — во главе, прочие, как водится, по бокам, ее же, малую, с краюшку, на уголок усадили. Ну, ясно дело, пить-есть принялись, за здоровье молодых стаканы с первачом подымать; чуть погода и веселие пошло, раздухарились гости, гармонь заиграла, песни полились... Тут у Лидки, возьми, и ложка под стол упади. Полезла она за ней, смотрит и глазам не верит: почитай у всех гостей вместо ног конски копыта! Выглянула из-под стола-то: вроде опять все хорошо, все нормально — гости как гости, разве парни больно мордатые и горластые, да девки — чересчур бестыжие, а так ничего. Сунула голову обратно — как есть, конски копыта! Думает, мерещится ей верно — успела к тому времени самогону пригубить. Однако было у ней с собой стеклышко от лампадки, вот она и скумекала: дай-ка я сквозь него вокруг посмотрю. Лампадка та ведь непростая была, из самого Ерусалиму. Так и сделала: вытащила стеклышко, к глазам поднесла, да так и обомлела. Батюшки! Страсти-то какие! За столом уж не бабы с мужиками, не девки с парнями сидят — куды там! — одни чудища окаянные. Сопатки у всех не человечьи — звериные! У одного — морда лошадиная, у второго — собачья, у третьего — свиное рыло, другой — петушиной башкой на журавлиной шее крутит. Да каких харь только нет: лосиные, волчьи, медвежьи, лягушачьи, куньи — все пасти расщеперили, ржут, гогочут, рычат, зубами шелкают. Иных образин малая отродясь не видывала, эдакие и во сне не примерещатся. А коли примерещатся, так и ума лишиться недолго. И у каждого-то изо рта огонь пыхает! Навела Лидка стекло на жениха и чуть памяти не лишилась: заместо статного красавца сидит подле Катерины страхолюднейший дед, горб из-за спины видать, лапы — коряги гнилые, рожа вся зеленым мхом поросла, глаза кровавыми угольями горят, а на темени — роги длиннее бычачьих! Вот Лидка-то и надумала: надо скоренько отсель бежать, подобру-поздорову, а то, не ровен час, схарчат ее эти чудища, схарчат за милую душу и не подавятся. Но только она из-за стола подниматься стала, как соседка с жабьей сопаткой хватъ ее за руку: мол, куда это ты, малая, наострилась? Или тебе веселие тутошнее не по нраву? Или гости не показались? Лидка однако не растерялась и отвечает, что ей, дескать, по малой нужде приспичило; сбегает и вернется. Жабья морда ее и отпустила. Ну, малая, как только за дверь, так бежать кинулась, только пятки засверкали; добегла до дому и давай криком кричать. Родные ее спрашивают, что да как, а она только и может ответить, что вот, мол, у Катерининых гостей в роте

огонь!.. Знамо дело, никто малой не поверил, решили — дурит девка, наливки упилась. А через недолгое время запылал дом-то у Катерины, весь разом вспыхнул и в несколько минут, точно свечка сгорел. Как потушили его, никаких тел там не нашли, кроме Катеринино: едва внутрь вошли, тут и увидели — висит она, сиротинушка, вниз головой на потолочной матице, и кожа у ней вся сверху до низу ободрана, точно у телка на бойне...

— Это все, Фёкла Даниловна? — уточнил Кирилл.

— Чего ж тебе еще? Сплясать, нешто?

Тут небо за окном расчертил ослепительный разряд молнии, и в тот же миг весь дом сотряс мощный громовой раскат. Следом по крыше забарабанили капли, дробь их становилась все чаще и чаще, пока не слилась в один сплошной гул — начался ливень. Лампочка над столом замигала и погасла.

— Принесла нелегкая! Теперь суток двое впотьмах сидеть. — Устинья встала и с ворчанием скрылась в закуте.

— Типун те на язык! — всполошилась Фёкла. — Завтра четверта серия «Цыгана».

— Вот тебе и четверта серия, — заявила хозяйка, возвращаясь с зажженной керосиновой лампой и ставя ее в центр стола.

Закопченная лампа давала мало света, так что углы помещения тонули во мраке. Тусклое освещение, вспышки молний, громовые раскаты и нарастающий шум дождя порождали настроение тревожной загадочности, даже мистичности. Кирилл зябко передернул плечами и потянулся к рюмке.

— Устинья Тимофеевна, — обратился он к хозяйке, — порадуите и вы нас какой-нибудь интересной бывальщиной.

Та усмехнулась в ответ, но ломаться не стала:

— Слушай, голубь... Припозднились мы, правда, ну да ладно, все одно далеко мне до Фёклы с Евдохой, не такая языкастая... Вот ты давеча про колдунов справлялся...

Кирилл не помнил, чтобы спрашивал о чем-то подобном, но спорить, разумеется, не стал.

— Любопытствовал, есть ли такие воржецы на свете, которым черти служат, — продолжала старуха. — Не ведаю, как в нынешние времена, а раньше их порядком встречалось. В тутошних краях. Нынче-то знающие люди, может, и перевелись, больно хилый народец стал, квелый да боязливый, собственной тени страшится, не то что с нечистым стакнуться... Однако ведь, не токмо у воржецов, у каждого человека свои черти имеются. Что Фёкла про Лидку-то малую рассказывала, помнишь? Так я эту Лидку тоже знавала, когда она уже замужней бабой была, да угланов штук пять или шесть народила. Муж-то у ней был отсюда, вот она к нам, в Белокуруху, вскорости и перебралась. И про шелопугинскую свадьбу от нее слыхала. Всю правду Фёкла тебе рассказала, не сомневайся... Так я когда про осколок ерусалимской лампадки узнала, сама не своя сделалась, стала стеклышко это у Лидии выпрашивать, прицепилась к ней, что твой банный лист: дай, грю, мне его хотя на время попользоваться. И выпросила-таки! Дала мне его Лидия на три дня, но с условием — никому, ни одной живой душе, при ее жизни не рассказывать, что увижу. Померла она давно, так теперь можно... Принялась я с этим стеклышком по деревне ходить — и что ты думаешь? — стала многое

видеть, что ранее и в голову вступить не могло. Иду, бывало, по улице, смотрю тайком сквозь стеклышко, а саму страх так и забирает: куда ни глянешь, всюду они так и шныряют, так и шныряют! Окаянные-то. Который-то на плече у женатого мужика притулился, нашептывает тому на ухо мысли срамные, зазывает к полюбовнице в соседнее село; тот — махонький совсем, не более лягушонка — у мальчика из кармана выглядывает, на воровство подзуживает; иной и вовсе изо рта у пьяницы горького торчит, хнычет, сивухи требует... И так-то, грю, у каждого. Вот иду и вижу, молодые в великий пост на сеновале затаились, милуются. А бес-то не теряется, пристраивается, бесстыжий, заместо мужа, ажно хрюкает от удовольствия. Другой нечистик бабе в руку батог сует, поучи-де уму-разуму детушек... Одно хорошо — никак не можно на саму себя глянуть, своих чертей рассмотреть, а то ведь и совсем тошно бы сделалось... Ну и не выдержала я долее одного-то дня, отдала то стеклышко Лидке обратно — на, грю, сама в него на чертей любуйся, а я уж, чай, обойдусь как-нибудь... А касаемо воржцов, так я тебе, мил человек, про Ефима Фомича могу рассказать. Вот уж кто и взаправду знающий человек был, штук десять чертяк ему прислуживало. Все мог! И скотину попортить, а после за мзду вылечить, и приворот сотворить, и хомут надеть. Кому надо, к примеру, зазною присушить или постылого мужа со свету сжить — все к Ефиму Фомичу... Да, шибко Фомича у нас уважали. А боялись и того шибче... Но ведь и он помер не простой смертью. Как занемог и понял, что уж не суждено поправиться, так наказал жене, — а любил он ее очень и уважал, — ты гляди, Авдотья, едва дух из меня вон, — тот же час подрежь мне жилы на руках и ногах; сперва подрежь, а уж после можешь и в гроб класть. Так сказал да и помер в тот же вечер. Авдотья же не восхотела волю его последнюю исполнить: жаль стало над мертвым мужем изгаляться. Ведь и она в Ефиме души не чаяла. Дружно они жили. Коротко говоря, сделала все чин по чину: обмыла покойника, обрядила и в гроб под образами положила. А ночью-то все одно не спит, побаивается. Вот, протопила печь, да принялась угли кочергой к загнетке сгребать. Вдруг чует, затрещало что-то, зашумело в доме, оглянулась, а покойник-то в гробе шевелится, сесть пробует — и покрывало с себя на пол сбросил. Перепугалась баба, схватила кочергу, на печь через голбец залезла, да и затаилась. А покойник уж из гробу вылез, по дому расхаживает, руками вокруг себя водит. Знамо, жену ищет. Авдотья лежит на печи, дрожит от страха, не жива, не мертва. А Ефим уж к печи подобрался, на голбец взбирается; Авдотья хрясть ему кочергой раскаленной по зубам, а зубы-то у покойного все до единого железные были, только сбрыкали. Не отступает мертвяк, дальше ползет. Да и как ему отступить? Черти-то, которых он при жизни голубил, пиши хотят, сожрать жену требуют. Вот, как ни отбивалась баба, как не чекрыжила мужа покойного кочергой, ништо не помогло, не смогла она до первых петухов продержаться... Поутру родичи в избу вошли, да там же на печи их обоих обнаружили: у Ефима вся рожа в крови, а Авдотья едва не до мослов обглодана...

Закончив рассказ, бабка Устинья наполнила опустевшие рюмки и, не дожидаясь прочих, залпом махнула свою.

— Ну что скажешь, — крякнув и понюхав баранку, спросила она Кирилла, — понравилась моя история?

— Нет слов, Устинья Тимофеевна, просто нет слов! — заверил Кирилл, останавливая запись. За окном снова полыхнул ослепительный просверк, и секунды через три громыхнуло, но уже не столь раскатисто, как прежде; по всей видимости, грозовой фронт начал сдвигаться. — Прямо мороз по коже. Честно!

Евдокия прыснула в кулачок и подмигнула сестре. «Ну, будя, будя, раскудахталась», — осадил ее Фёкла, ткнув локтем в бок.

Отпив из рюмки и закурив, Кирилл расслаблено откинулся на спинку стула. Что ж, финал научной командировки можно считать вполне успешным. Приятная истома овладела его членами, окружающие предметы и лица старух подернулись легкой дымкой. «Порядочно я, однако, назюзюкался», — подумал он.

— Ты наливочку-то пей, не стесняйся, — подливая ему, посоветовала Устинья. — Она у меня на ягоде, на травках — лечебная.

— Хороша наливка, — согласилась Фёкла, причмокивая и покачивая головой. — Мертвого на ноги поставит.

Евдокия взвизгнула и так и зашлась рассыпчатым смехом. Кирилл от неожиданности даже сигарету выронил.

— Раскатилась поленница, — проворчала Фёкла, пряча усмешку.

Кирилл нагнулся, чтобы поднять выпавшую «Астру», кое-как подцепил ее непослушными пальцами, но, бросив случайный взгляд под стол, так и обмер.

Ноги... Что-то не так с ногами старух... Ноги у них были не человеческие, а... ну да! птичьи, куриные: туго обтянутые желтой с роговыми бляшками кожей, с вывернутым назад суставом, три пальца торчат вперед, а четвертый направлен назад, как шпора. Коротенькие ножки Фёклы и Евдокии не доставали до пола, и сестры весело побалтывали ими в воздухе, лапищи же Устиньи скребли половицы здоровенными — в палец — когтями, оставляя длинные борозды.

Медленно выпрямившись, Кирилл встретил внимательные, настороженные взгляды старух. За столом воцарилась гнетущая тишина. Женщины молча, не мигая, смотрели на него, будто ждали чего-то. При этом лица их тоже странно изменились: носы заострились и вытянулись, точно клювы, круглые глазки расползлись к вискам, сделались выпуклыми и хитро поблескивали стеклянным блеском.

— Нешто у вас так в городе заведено, — прервала затянувшееся молчание Фёкла, — бабам под подола заглядывать?

— Э-э-м... Что ж... Благодарю за угощение и за... за... Однако поздно уже, — осипшим голосом промямлил Кирилл, — пойду я, пожалуй.

— Куда ж ты, на ночь глядя? — удивилась Устинья. — У меня ночуй.

— Спасибо, но мне еще надо... там... дела. — Кирилл дрожащей рукой потянулся к магнитофону. — Пойду.

— Куда ты, оглашенный? — воскликнула Евдокия, накрывая его руку своей пухлой ладонью. — В темень, в грозу? Не пушай его, Устинья!

Кирилл резко дернул рукой, высвобождаясь из цепких пальцев Евдокии, и опрокинул лампу. Она покатила по столу и упала на пол. В горнице воцарилась тьма. Кирилл вскочил, на ощупь сграбастал в охапку магнитофон и ринулся к двери.

Тут очередная вспышка молнии на миг осветила помещение и выхватила из мрака Устинью, застывшую в дверном проеме с серпом в руках.

Кирилл взвизгнул и бросился к окну. Послышались крики: «Держи его, окаянного, держи! Шею, шею ему хомутай!» Чьи-то руки ухватили его за ворот, он вырвался, но зацепил ногой за лежащий на полу рюкзак и, рухнув как подкошенный, ударился головой о пристенную скамью. В глазах у него потемнело...

С трудом разлепив веки, Кирилл осмотрелся. Он лежал на скамье в пустой горнице, укрытый лоскутным одеялом, поодаль стояли его ботинки, вся прочая одежда была на нем. За окошком брезжил рассвет. Боже, как голова трещит! Со стоном и кряхтением он принял сидячее положение, пытаясь припомнить вчерашние события.

Ситцевая занавеска, скрывавшая кутный угол, колыхнулась, и в комнату вошла Устинья.

— А, голубь, очнулся, — протянула она, — а я уж думала, до обеда проспий. В вечер-то прямо за столом тебя сморило, видно с устатку да непривычки; едва мы с Даниловнами тебя на лавку перетащили, вот ведь как. Похмелиться-то не желаешь? Наливка еще осталась.

— Не-ет, что вы, Устинья Тимофеевна! — замахал руками Кирилл. — Мне с вашей наливки всю ночь что-то невообразимое снилось, вспомнить жутко. Будто я сам угодил в одну из тех бывальщин, что вы давеча мне рассказывали.

— Всяко бывает, — философски заметила Устинья.

— Который сейчас час? — поинтересовался Кирилл.

— Уж шесть утра.

В подтверждение ее слов снаружи донеслись автомобильные гудки. Кирилл вскочил и заполошно заметался по избе, собирая пожитки.

— Патефон свой не оставь, — напомнила Устинья, — чай, вещь дорогая, опосля плакать будешь.

— Ну, спасибо вам, Устинья Тимофеевна, за все, — уже в дверях поблагодарил он хозяйку, — побегу — водителю ждать не будет.

— Лети, лети, голубь, — махнула рукой старуха.

Когда «полупорка» тронулась, водитель, угостившись сигареткой, спросил:

— Это в чьей же избе ты, паря, ночевал?

— Вон в той, — указал Кирилл, — а что?

— Шуткуешь? — усмехнулся водитель. — Тот дом давно пустой стоит.

— Ну вот еще! Как же пустой, когда в нем Устинья Тимофеевна Полоротова за хозяйку.

Шофер повернул голову и внимательно посмотрел на Кирилла.

— И что, она вот прям сама тебя принимала?

— Ну да, — пожал плечами Кирилл, — сама. У нее еще две старушки Мосоловы были.

— Это ж какие Мосоловы?

— Фёкла с Евдокией.

Водитель только крякнул и покачал головой.

— А что не так? — удивился Кирилл.

Сбавив ход на повороте, шофер указал ему на кирпичное строение, возвышающееся на окраине деревни.

— Видишь тот дом каменный? Это здешний клуб. А прежде в нем церква была. А за нею — кладбище, оно и сейчас есть. Вот на том кладбище они и лежат.

— Кто «они»? — не понял Кирилл.

— Полоротова Устинья и сестры Мосоловы. Устинья-то уж лет пять как померла, а Мосоловых в прошлом году схоронили, я сам на ихних поминках водку пил.

— Ты чего-то путаешь, — нахмурился Кирилл, — этого быть не может! Я же с ними за столом сидел... чуть не всю ночь.

— Это тебя кто-то запутал, паря. Или глаза отвел. Тут такое бывает.

— Да нет... не может быть! Чепуха какая-то. Кто кому чего отвел... Постой! У меня ж они записаны! Вот же! — Кирилл выдернул из сумки магнитофон, перемотал кассету в начало и нажал воспроизведение.

Сперва из динамика раздался какой-то треск, а затем послышались странные звуки, напоминающие зловещее квохтанье; они все усиливались, усиливались, нарастали и вдруг — истошный, полный нечеловеческой злобы вой резанул им по ушам! Челюсть у шофера отвисла, он выпучил глаза и резко крутанул баранку. «Полуторку» вынесло на обочину, и она на полном ходу ткнулась мордой в ствол могучего кедра.

Скорость была не очень велика, и водитель лишь порядком приложился грудью о рулевое колесо, а вот Кириллу повезло меньше — он вышиб головой лобовое стекло так, что половина его туловища оказалась на капоте. Шофер скоро пришел в себя и втащил Кирилла обратно в кабину.

«Эй, как ты, паря? Чего ты?» — спрашивал он, тряся пассажира за плечи. Голова у того безжизненно мотнулась и упала на грудь. Увидев выпирающий шейный позвонок, шофер прижал ухо к его груди — сердце не билось, Кирилл был мертв.

Об авторах

Александр Валентинович Юдин. Москвич, 1965 г.р.; рассказы и повести автора публиковались в журналах «Нева», «Изыщная словесность», «Невечерний свет», «Полдень XXI век», «Полдень» (СПб), «Родная Кубань» (г. Краснодар), «Дон» (г. Ростов-на-Дону), «Бельские просторы» (г. Уфа), «Север» (г. Петрозаводск), «Сура» (г. Пенза), «Нижний Новгород», «Земляки», «Арина» (г. Нижний Новгород), «Менестрель» (г. Омск), «Под часами» (г. Смоленск), «Великороссть» (Московская область), «Юность», «Знание-сила: Фантастика», «Наука и жизнь», «Искатель», «Мир Искателя», «Наука и религия», «Тайны и загадки», «Все загадки мира», «Ступени», «Хулиган», «Литературный оверлок» (г. Москва), «Шалтай-Болтай» (г. Волгоград), «Космопорт» (г. Минск), «Уральский следопыт» (г. Екатеринбург), «Слово/Word» (США), и др., а также в сборниках «Настоящая фантастика-2010», «Настоящая фантастика-2011» («Эксмо»), «Самая страшная книга-2014» («АСТ»), и др. Автор романов «Пасынки бога» («Эксмо», 2009 г.) и «Золотой лингам» («Вече», 2012 г., в соавторстве с С. В. Юдиным).

Сергей Валентинович Юдин. 1965 г.р., москвич, публиковался в журналах «Урал» (Екатеринбург), «Изыщная словесность» (СПб), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Бельские просторы» (Уфа), «Северо-Муйские огни» (Северомуйск), «Менестрель» (Омск), «Искатель» (Москва), «Зеркало» (Тель-Авив), «Слово/Word» (США) и др., а также в сборниках «Святочные рассказы, XXI век» (ИД «Русь-Олимп», 2010 г.), «Темные» (АСТ, 2016 г.). Автор романа «Золотой лингам» («Вече», 2012 г., в соавторстве с А. В. Юдиным)

Дмитрий Игнатов

Капелька триумфа

Свет красного аварийного фонаря пульсировал с невозмутимостью метронома, периодически заполняя бетонное пространство КПП. Склонившись над пультом, полковник стер со лба холодный пот и отключил сигнал тревоги, а после обессилено опустил на стул.

Наставшая тишина продлилась не более пары минут, но она показалась полковнику целой вечностью. Резкий звонок телефона, стоящего на столе, заставил полковника вздрогнуть. Он медленно снял трубку и, стараясь сохранять спокойствие, спросил:

— Пётр Петрович... У вас там все в порядке?

— Да, все отлично, — ответил в трубке слегка легкомысленный голос.

— Я эвакуировал комплекс...

— Правда? Я рад, что вы находите себе занятие. Но меня это сейчас не особо интересует.

— А что вас сейчас интересует? — как можно более мягко спросил полковник.

— Только мои воспоминания...

* * *

— Гениально! Гениально! — Петр Петрович радостно забегал из угла в угол. Он сам еще не до конца верил своей неожиданной догадке, но формула, небрежно выведенная им на доске минуту назад, неумолимо воодушевляла. Стабильный стрэнглет существовал. Должен был существовать. Обязан был существовать. А это означало, что... Петр Петрович нервно потеребил свою заостренную троцкистскую бородку и пробормотал:

— Можно попробовать применить магнитное удержание...

Петр Петрович был сейчас на грани нервного срыва. Слишком долго он ждал своего звездного часа. Слишком долго разрабатывал бесперспективные темы. И вот теперь он почувствовал вкус грядущего переворота в мире фундаментальных частиц. Да, конечно, к этому вкусу примешивалось предвкушение мировой славы и, быть может, Нобелевской премии, а еще сладковатый дурманящий запах государственного финансирования.

А пока что... Нужно понять, как поставить опыт. Рассчитать вероятность рождения и требуемую энергию. Холодный душ экспериментальной физики охолонул ученого. Петр Петрович нахмурился и нервно стер формулы с доски. Где все это будет делаться? И кем? Каким-нибудь Хельмудом

Скарсгардом в какой-нибудь уютной Швейцарии. А никаким не Петром Петровичем Сажиным. Не им...

* * *

— Пётр Петрович... Вы еще там? — немного нерешительно спросил полковник, судорожно вслушиваясь в тишину на другом конце трубки.

— Да, — ответил Сажин. — Вы, наверное, заскучили там, товарищ полковник? Не хотите спуститься ко мне вниз?

— Пожалуй, — согласился полковник.

— Тогда идите к центральному лифту, я включу его.

— Хорошо. Главное, не наделайте глупостей, Пётр Петрович.

Полковник положил трубку на рычаг аппарата, медленно поднялся и уверенным шагом пошел по подземному коридору в сторону лифта. Свет люминесцентных ламп сейчас казался ему каким-то особенно безжизненным и зловещим.

Полковник подошел к лифтам и, нажав кнопку вызова, услышал, как заработал механизм, поднимающий кабину на верхний уровень. Где-то под потолком затрещал внутренний громкоговоритель.

— Я не слышу вас, полковник, но вы меня, надеюсь, слышите... — голос Сажина, искаженный динамиком, гулко отражался от бетонных стен и тоже казался каким-то мертвым. — Я просто хотел сказать, что вам не следует снимать с себя ответственности. Ведь без вас ничего бы не вышло... И, в конце-концов, вы получили то, что желали...

Подъемный механизм замолчал, и двери лифта с легким позвякиванием открылись перед полковником.

* * *

Кабинет с окнами, задрапированными плотными тяжелыми шторами, массивная мебель, полумрак... Казалось, за последние 30 лет изменился только портрет на стене над головой начальника при больших погонах.

— Опять эти ваши новые физические принципы? — нахмурился генерал.

— Ученые так не говорят, но... — полковник пожал плечами

— Но?

— Новое оружие может быть разработано в течение пяти-десяти лет.

— Не слишком ли самоуверенно, полковник?! — снова нахмурился генерал.

— Комиссия подтвердила, что у темы есть потенциал.

— Уж не примеряете ли вы на себя, часом, лавры Лаврентия Берии?

— Я выполняю свой долг, — сухо ответил полковник.

— Ну, хорошо, хорошо! Работайте! — устало махнул рукой старый генерал.

До выхода на заслуженную пенсию ему оставалось чуть менее года. Пока суд да дело, а там пускай молодые разбираются, что получится из этих новых физических принципов с этими их частицами, бластерами и кластерами.

* * *

Нижний уровень комплекса выглядел буднично. Управление ускорителями осуществлялось из лаборатории уровнем выше. Туда же стекались и данные детекторов для обработки. Здесь же, среди хитросплетения разноцветных кабелей, лишь изредка работали техники.

Выйдя из лифта, полковник на какое-то мгновение замер, прислушиваясь к размеренному гулу оборудования. Все работало надежно. Слишком надежно. И ...как удачно было выбрано место... Глубина залегания. Отдаление от крупных населенных пунктов. Максимальное время подлета ракет потенциального противника.

Отличное место, чтобы заниматься передовыми научными исследованиями высокого уровня секретности. Или... чтобы окончательно похоронить их...

* * *

— Здесь, — остановившись на пригорке, проговорил полковник.

— Где? — не понял Петр Петрович, стараясь еще теплее закутаться в пуховик, который был велик ему минимум на два размера.

— Здесь!.. — еще более неопределенно ответил полковник, торжественно, словно Петр I, указывая рукой на панораму, разворачивающуюся под местом, где они остановились.

Вид с пригорка открывался и в правду, величественный. Вниз шел довольно крутой спуск, обрывающийся практически вертикально над голубой гладью реки. Дальше река делала изгиб, серпом оборачиваясь вокруг холма, поросшего густым лесом.

Впрочем, Петр Петрович оценивал не красоты местной сибирской природы. Мысленно он уже размечал площадку для экспериментального комплекса: вписывал в рельеф кольцо коллайдера, прикидывал, где будут располагаться охладители реактора, детекторы и агрегаты магнитных ловушек.

— Да, — наконец проговорил он. — Это место подходит.

Полковник молча кивнул, что-то отметил в своем планшете и направился назад к вертолету. Обоим предстояло еще как минимум полтора часа трястись внутри Ми-8 до военчасти.

* * *

Узкий коридор, словно проток в теле какого-то громадного животного, раскрывался в полость главного машинного зала. Кабели, как сеть кровеносных сосудов, расползались в разные стороны и уходили вверх по сводчатым стенам. Вверху они смыкались на округлой махине магнитной ловушки. Сейчас она всей своей многотонной массой нависала над полковником и напоминала пульсирующее в грудной клетке сердце.

— Сердце комплекса... — невольно проговорил полковник.

— А вы романтик, — неожиданно ответил Пётр Петрович из громкоговорителя.

Полковник обернулся и посмотрел туда, где из стены чуть выступала стеклянная коробка рубки аварийного управления. Внутри, словно рыба в аквариуме, за пультом сидел Сажин.

— Вы же сами всегда так его называли, — заметил полковник, аккуратно нащупывая пальцами рукоятку ПМа.

— Да бросьте полковник, — чуть раздраженно отмахнулся Сажин. — Это всего лишь бомба. Просто бомба. И вы знаете это намного лучше меня... Кстати, вы зря хотите достать ваш пистолет. Это бронированное стекло ему не пробить.

— Нет, все нормально, — полковник демонстративно приподнял руки. — Может, впустите меня, и мы поговорим? Просто поговорим.

— Это вряд ли получится... — злорадно улыбнулся Сажин. — Я заблокировал дверь изнутри. Но я могу предложить вам стул. Присаживайтесь, полковник.

Напротив рубки полковник действительно увидел стул, судя по всему, специально принесенный Сажиным с верхнего уровня. Полковник неторопливо поднял его, переставил ближе к стеклу, за которым все так же злорадно улыбались, и спокойно сел.

— И что же мы обсудим?

— Да все, что угодно. Не торопитесь, время у нас пока еще есть, — хихикнул Сажин, продолжая изображать усмешку поверх своей заостренной бородки.

— И все же... Пётр Петрович, чего вам не хватало? Ведь хорошо же все начиналось...

* * *

Комплекс, построенный метростроевцами прямо под лесом в толще холма в рекордные сроки, с каждым днем прорастал дорогостоящей аппаратурой титанических размеров и наливался своей электростатической и электромагнитной силой.

— Какой вам ЦЕРН? Скоро все захотят быть здесь! Но не смогут! — все чаще с нескрываемой гордостью заявлял Сажин сотрудникам на планерках.

Пётр Петрович ликовал. Впервые ему было доверено настолько масштабное мероприятие. И хотя всюду сновали военные, которых он недолюбливал и откровенно считал недалекими, Сажин все равно искренне наслаждался происходящим. Некоторые из его коллег, раньше не замечавшие его таланта, теперь находились у него в подчинении и с подобострастием подбегали для вопросов и консультаций.

— Какая необходима напряженность поля, Пётр Петрович?

— Такого коэффициента размножения хватит, Пётр Петрович?

— Подпишите, пожалуйста, Пётр Петрович...

Пётр Петрович наливался в благой улыбке и постепенно распухал от чувства собственной важности. До завершения работ еще было очень далеко, а успех экспериментов был под большим вопросом, но он уже ощущал себя победителем. А их, как известно, не судят.

Тем более что работы шли с опережением графика. Пётр Петрович не жалел бюджетных средств, щедро раздавая заказы Средьмашу, Точмашу и другим «Машам», как он их снисходительно величал в кулуарных разговорах. Впрочем, ведись такие разговоры открыто, никто все равно не возражал бы. В те годы многие предприятия и НИИ были крайне признательны Сажину за невиданные финансовые вливания в отечественную науку.

Каждый день Пётр Петрович не без удовольствия наблюдал, как все элементы громадного конструктора складываются под его чутким руководством в единое и поистине величественное сооружение. По вечерам, запершись в своем кабинете и просматривая на компьютере текст своей научной работы, Сажин все сильнее ощущал себя центром происходящего.

— Все это делается здесь! И кем? Не каким-нибудь Хельмудом Скарсгардом в какой-нибудь вшивой Швейцарии. Нет! Самим Петром Петровичем Сажиним! Мной!

Пётр Петрович решительно нажал на несколько клавиш и заменил немилое сердцу английское слово «стрэнглет» на намного более нежное и какое-то родное «страпелька».

* * *

— Значит, дело в этом? — предположил полковник. — Вы хотите славы? Известности? Так ведь это не проблема. Когда вы закончите все эксперименты... Когда изделие будет готово, вы сможете опубликовать свои научные работы. Приоритет открытия навсегда останется за вами.

— Наука? Открытие?! — истерично взвизгнул Сажин, вскакивая с места, — Как поздно вы вспоминаете эти слова, полковник! Довольно! Наука всегда интересовала вас в последнюю очередь. Всех вас!

Физик перевел дух и медленно подошел почти вплотную к бронированному стеклу.

— Никаких экспериментов больше не будет, полковник, — Пётр Петрович сделал паузу. — Изделие... готово. Вот оно над вашей головой.

Полковник еще раз оглянулся вверх, где находилась громадина магнитной ловушки.

— Внутри?

— Да. Внутри. — Сажин ненадолго замолчал, задумавшись. — Удивительный по силе потенциал... Разрушительный... Но и созидательный. Воплощение Божьего гнева. Абсолютное оружие... Неужели вы думали, что я отдам его вам, полковник? Чего ради? Научная слава? Награды? Деньги? Все это лишь бумажки, чтобы потешить пустое человеческое тщеславие. Стеклашки для дикаря. А эта штука... Она бесценна! Одним своим существованием она перечеркивает все то, что можно получить за нее.

Полковник изменился в лице. Сейчас оно стало каким-то свинцово-серым, а взгляд пустым и безэмоциональным.

— Что вы хотите?

* * *

Утро на экспериментальном комплексе для многих началось буднично. Солнце на востоке окрасило малиновым багрянцем небо, облака и верхушки сосен. Сотрудники разошлись по своим рабочим местам. Пётр Петрович в лаборатории занял свое место за спинами людей, прильнувших к мониторам с показаниями детекторов. Чуть надсаднее взвыл ускоритель, толкая вперед ядра, доводя их до высоких энергий и скоростей. Зев магнитной ловушки как обычно разверзся, готовясь принять вожаделенную частицу...

И вдруг... Где-то в глубине агрегатов шелкнуло запорное реле. Это детектор зафиксировал теоретически предсказанные моды распада. Микроскопические осколки, следы произошедшего синтеза. Система оставила ускоритель, переключив всю энергию на магнитное удержание. Мышеловка захлопнулась.

В помещении повисла тяжелая, плотная, словно электризующая воздух тишина.

— Надеюсь, это не такой же сбой, как в прошлом месяце, — раздраженно пробормотал Сажин.

— Нет, Пётр Петрович, — отозвался лаборант, буквально вцепившийся глазами в показания на мониторе. — Кажется, это оно...

— Кажется... — хмыкнул физик.

— По массе... По всем параметрам... Совпадает.

— Давайте проверим, — решительно произнес Сажин. — Впустите дейтерий.

— Приступаем...

Ускоритель еще ненадолго завыл, чтобы забросить в потенциальную яму магнитной ловушки злополучное ядро дейтерия, и снова замолчал.

— Петр Петрович... Произошла рекомбинация кварков. Масса удвоилась... — прокомментировал лаборант то, что уже видел на экране Сажин. За какую-то миллисекунду он вдруг осознал, что это тот самый момент истины, которого он так долго ждал, и с размаху ударил по кнопке тревоги.

Пока все вскакивали с мест и спешно покидали комплекс, Пётр Петрович обесточил центральный пульт, а потом взял стул и неторопливо спустился вниз к аварийному. По инструкции военные должны были полностью эвакуировать персонал за шесть с половиной минут. Прошло десять. Сажин снял трубку и набрал КПП...

* * *

— Что вы хотите? — сухо повторил свой вопрос полковник.

— Хочу вам рассказать кое-что про страпельки... Странные капельки. Действительно, очень загадочная штука. Плотно упакованные кварки... Материя иного типа, в чем-то даже более совершенная, потому что для нее уже не существует атомов. Это стабильная кварковая система. Она может составить из себя все: от субатомных частиц до объектов планетарного масштаба. Лишь бы был материал... Все, что можно поглотить, — физик задумался. — Удивительно, что они не возникли в момент Большого Взрыва... Случись так, наша Вселенная была бы совсем иной...

— К чему вы это говорите, Сажин? — не выдержал полковник. — Что вы задумали, черт возьми?!

— Я? Ошибаетесь. Я ничего не задумывал, — спокойно ответил Пётр Петрович. — Это вы задумали все это! — Он драматично развел руками в стороны. — Вы решили, что с помощью моего интеллекта, ценой моего гения, вы сможете удержать в повиновении силы, всего могущества которых себе даже не представляете! Но вы ошиблись! Весь этот комплекс — это одна огромная граната, у которой уже выдернули чеку. И я устал ее держать...

— Сажин, вы обезумели.

— О, нет! Я абсолютно здоров. Весь мир полон безумцев: правительства, политики, военные... В борьбе за власть, за сферы влияния, за рынки сбыта, вы готовы угрожать всему человечеству уничтожением. И для этого вам всегда хотелось получить оружие. И вот же оно! Машина Судного Дня. Она готова. Она работает... Ирония в том, что, запустив однажды, ее уже невозможно остановить. Все эти сверхпроводящие магниты не могут остановить Цербера, сидящего внутри, они лишь удерживают его на коротком поводке. Но однажды у кого-то не хватит сил или терпения.

— Все еще можно остановить...

— Увы, ничего уже не остановить, полковник, и не исправить... Абсолютное оружие готово. Взведенный пистолет уже приставлен к виску каждого жителя планеты, не зависимо от его национальности, гражданства или религии. Оружие, которое невозможно применить в войне. Оно пригодно только для глобального террора. Но, раз оно создано, оно обязательно сработает. Через 10 лет, через 20, через 50... Не важно. Целые поколения могут родиться и вырасти в рабстве под страхом полного уничтожения. Зачем? Почему бы не закончить это прямо сейчас? Сразу. Без каких-либо дополнительных условий...

— Тщеславный безумец...

— Никак нет... Ни единой капли тщеславия в моих действиях нет. Потому что о моем поступке никто никогда не узнает и не вспомнит. В каком-то смысле это акт абсолютного альтруизма, полковник. Возможно, в этом и была задача человечества... Конечный итог и смысл самого нашего существования? Триумф человеческого разума! Как вы думаете?

— Остановите это!

— Я уже останавливаю. Я останавливаю всю эту Вселенную. Возможно, следующая будет лучше...

Сказав это, Пётр Петрович отключил подачу электричества.

* * *

Пётр Петрович раздосадованно стукнул кусочком мела и раскрошил его о доску. Что-то в проклятой формуле определенно не сходилось. Работы предстояло еще много, но сейчас просто необходимо было сделать паузу. Пётр Петрович задумчиво потербил свою заостренную троцкистскую бородку, надел шляпу и вышел на улицу. Там пока еще светило солнце.

Об авторе

Родился в 1986 году в Ярославле. Проходил обучение в ЯГТУ по специальности «инженер-педагог машиностроения». Сейчас проживает в Воронеже. Более 10 лет писательской деятельности «в стол». Автор сценариев для короткометражного фестивального кино. В этом качестве участвовал в кинофестивалях «КиноШок» и «Метрополис». В настоящее время — дизайнер и веб-разработчик, пишет сценарии для кино, ТВ и рекламы. Ранее на бумаге не издавался.

Михаил Никитин

Слово в защиту машины времени

Более ста лет назад Герберт Уэльс ввел в обиход научной фантастики машину времени. С той поры услугами этого замечательного изобретения гениального фантаста пользовались сотни и тысячи писателей. Они прибегали к его помощи всякий раз, когда не хватало литературного мастерства для того, чтобы завоевать признание читателей и коммерческий спрос. И машина времени не подводила. Она «вывозила» даже тогда, когда отказывали талант и призвание. Ее фантастические способности быстро стали предметом массовой литературной эксплуатации, что быстро превратило ее в потребительскую вещь, доступную и полезную, но не заслуживающую внутреннего постижения. Так, не успев воплотиться в реальную конструкцию, машина времени стала фантомом современного автомобиля. Писатели-фантасты лихо объезжали ее, совсем не задумываясь над физическими принципами функционирования. В этом они уподобились большинству автомобилистов, не знающих толком законов механики Ньютона, но самоуверенно выписывающим крутые виражи на дорогах и улицах. Столь легкомысленное обращение писателей-фантастов с машиной времени сделало ее, а вместе с ней и научную фантастику, удобной мишенью для критических нападков, полных злого сарказма и иронии. Нападок справедливых, так как научная сторона многих замыслов фантастов не выдерживала критики. И действительно, о какой научности может идти речь, когда герои большинства фантастических произведений водворяются в альковы и резиденции галактических Клеопатр и Цезарей с помощью пресловутой ноль-транспартировки. С таким же успехом можно ноль-транспортировать мозг профессора Доуля собаке Баскервилли, а психофизическое поле Соляриса — обезумевшему от любви Кинг-Конгу.

Вопрос о легкомысленном отношении фантастов к машине времени не стоило бы выносить на суд общественности (ну, позволяют себе в духе времени сочинители фэнтези свободное обращение с Хроносом, и бог с ними), если бы не одно серьезное обстоятельство. Это обстоятельство связано с устоявшимся в среде ученых мнением, что стрела времени направлена только в одну сторону — в будущее, и никакие прогулки по нему вперед-назад невозможны. Время необратимо, и точка! Этот постулат науки является альфой и омегой современной физики. Любой человек, претендующий на научность своих идей и взглядов, должен следовать этому постулату. В противном случае он рискует оказаться в положении человека

с сомнительной репутацией. С таким человеком предпочитают не общаться, ему не доверяют и избегают иметь с ним дело. В случае с научной фантастикой это означает только одно: полное недоверие читателей и постоянное снижение интереса к научно-фантастической литературе.

Двусмысленное положение, в котором оказалась машина времени по вине безответственных фантастов, побудило автора эссе, верного поклонника Герберта Уэльса, выступить в защиту чести и достоинства его гениального изобретения. Весомыми аргументами такой защиты могли бы послужить прямые доказательства существования машины времени. К сожалению, таковых автор представить не может, так как ни у автора, ни у кого-либо на Земле такой машины нет. Также нет на сегодня и физической теории, которая могла бы подтвердить принципиальную возможность обратимости во времени физических процессов и, следовательно, реальность создания машины времени. По этим причинам у защиты остается единственное средство реабилитации машины времени — косвенные доказательства. В основе таких доказательств лежит метод логической дедукции, когда частные факты объясняются на основе общей идеи. Возможно, кому-то такой подход покажется не совсем убедительным, но еще никто не доказал, что в юриспруденции метод индукции работает лучше метода дедукции.

Приступим к реализации заявленной задачи — доказательству того, что машина времени является реально осуществимым проектом. Для этого рассмотрим несколько труднообъяснимых и спорных фактов из прошлого и настоящего Земли, которые, по мнению автора, косвенно свидетельствуют в пользу того, что машина времени давно существуют и, более того, она широко используется как средство передвижения по времени человечеством будущего. Вот неполный перечень таких фактов:

1. Культы и предания прошлого как косвенные свидетельства.
2. Интуитивное мышление человека, проявляющееся в творческих озарениях ученых.
3. Загадочные явления различной природы: НЛО — неопознанные летающие объекты, тунгусский метеорит, Бермудский треугольник и тому подобное.
4. Массовая гибель растительности в Карбоне и превращение ее в ископаемое органическое топливо — уголь.

Рассмотри каждое из свидетельств по порядку.

Культы и предания прошлого как косвенные свидетельства.

Религиозные источники, события и образы, описанные в них, давно являются плодотворным источником тем и сюжетов для авторов научно-популярной и фантастической литературы. Древнеиндийские веды, библейские манускрипты, фрески Тассили, узоры пустыни Наска, Баальбекские платформы, предания о Содоме и Гоморре и т. п. постоянно фигурируют в сочинениях, посвященных космическим пришельцам и доисторическим контактам человечества с внеземными цивилизациями. Как правило, современные интерпретаторы Ветхого Завета и Махабхараты вольно истолковывают отдельные места Священных книг и преданий, связывая их с посещениями Земли в прошлом галактическими братьями

по разуму. Более того, без тени сомнений они приписывают космическим пришельцам не только все достижения человеческой мысли, начиная с письменности и заканчивая врачеванием, но и прообраз Бога — небесного и всесильного существа. По мнению автора эссе, в высшей степени наивно соотносить первообраз всевышнего с неким внеземным человекоподобным существом — слишком мала вероятность развития в Космосе еще одного антропоидного разума. Контакт с внеземными братьями по разуму в прошлом, скорее всего, не было. Если бы такой контакт был, он, наверняка, продолжался бы и поныне. Космические пришельцы вряд ли похожи на легкомысленных мужчин, ищущих скоротечных и случайных знакомств. Ступив на тропу галактического миссионерства, они должны до конца идти выбранной дорогой, неся доброе и вечное, и не ограничивая свою деятельность на Земле актом оплодотворения человечества мистической идеей о всесильном небесном творце.

Все исторические достижения человечества: письменность, астрономические и научные знания, медицина, архитектурные и инженерные сооружения, несомненно, имеют чисто земное происхождение. Это убедительно доказывают фактические данные науки: истории, археологии, лингвистики, математики и т.д. Мы можем гордиться великими свершениями прошлого: астрономическими познаниями шумеров и ацтеков, космологическими концепциями древних индийцев, ракетным аппаратом Махабхараты, гальваническим элементом из Уру и многими другими изобретениями и открытиями. Они настолько грандиозны и фантастичны, что с трудом верится в то, что они были придуманы и созданы людьми, которые жили несколько тысяч лет назад, во времена, когда не было ни пара, ни бензина, ни кофе с чаем, ни электричества. Эта непостижимость интеллектуального прорыва наших предков и подталкивает некоторых наших современников к идее привнесения человеческих знаний извне. В частности, гипотеза о космических пришельцах уходит своими корнями в эту идею.

Выше уже приводилась отрицательная позиция автора в отношении посещения Земли гостями из Космоса. Это не означает, что столь же негативно автор относится и к идее привнесения знаний. Наоборот, он увязывает ее с идеей путешествия во времени. И основанием для подобного увязывания могут служить все те же загадочные и проникнутые мраком таинственности знания древних, их изустные предания, верования и учения.

Внимательное обозрение духовного наследия прошлого позволяет увидеть одну интересную особенность. Словно сговорившись, почти все древнейшие источники приписывают важнейшие знания человечества просветительской деятельности отдельных личностей или мессий. Эти первопророки, наделенные неограниченными познаниями и физической мощью, нисходили к миллионам невежественных людей из ниоткуда и дарили им свет истины. Они были похожи на людей, хотя и имели более благородную и утонченную внешность, отличались исключительной мудростью и справедливостью. Но главное, эти первопророки могли творить чудеса: летать по воздуху, воздействовать на тела на расстоянии, появляться и исчезать по желанию и т.д. То есть они могли производить действия, которые уже сейчас доступны каждому человеку (эффекты, свя-

занные с появлением и исчезновением, нетрудно воспроизвести с помощью телевидения и голографии). Не правда ли, дорогой читатель, древние мессии чем-то похожи на нас. Мы ведь тоже мудры, просвещены и добродетельны, а, главное, гладковыбриты и потому благообразнее каких-то там Ашшурбанипалов или Навуходоносоров. Доведись нам оказаться в любом древнейшем государстве 5000 или 3000 лет назад с карабином, мобильным телефоном, видеомагнитофоном, ноутбуком и другой летающей и движущейся техникой, мы, несомненно, с достоинством исполнили бы отведенную нам роль «просветителя». К сожалению, сыграть подобную роль мы не можем, так как в нашем расположении нет машины времени. Также не могли сыграть эту роль и умнейшие люди прошлого по той простой причине, что у них не было необходимых знаний и соответствующих технических средств. У них был большой наблюдательный опыт, но он, как известно, не заменяет систематизированного научного знания. Зато такими знаниями в избытке будут располагать люди будущего. Вот они-то и выступили в роли первопросветителей человечества, переправившись из будущего в прошлое на машинах времени.

Интуиция и телепатия как косвенные свидетельства.

Одним из необъяснимых феноменов человеческой психики является интуиция. Современная наука не в состоянии ответить на вопросы, что такое интуиция и в результате каких психофизических процессов в человеческом мозгу формируются интуитивные умозаключения. Это тем более поразительно, что сама наука достигла нынешнего прогресса во многом благодаря гениальным интуитивным догадкам. За примерами далеко ходить не приходится: второй закон Ньютона, уравнения Максвелла, группы Галуа, периодическая таблица Менделеева, постулаты Эйнштейна, модель атома Бора, уравнения Шредингера и Дирака, кварковая модель адронов и т. д.

Внешние симптомы интуитивного мышления известны хорошо. Как правило, проявлению интуиции предшествует напряженная умственная деятельность, углубленное осмысливание изучаемого объекта, если можно так выразиться, резонансная настройка на него. Интуитивное принятие решения или установление истины приходит по наитию, как озарение, голос свыше. Последнее обстоятельство дало основание ряду мыслителей провозгласить концепцию мирового духа или надсознания, с которым человеческий мозг находится в постоянном и неконтролируемом контакте. Это надсознание заполняет все мировое пространство и служит источником новых знаний для молодых цивилизаций.

Не отвергая в целом идею о том, что интуиция является проявлением надсознания, введем в нее необходимый корректив. Согласно нашей трактовке, интуиция — это голос из будущего, материализованная телепатическая связь между людьми настоящего и будущего. При таком подходе естественным образом объясняются все внешние симптомы интуиции: озарение, наитие, принятие готового решения. Сама же интуиция выступает как намеренная стимуляция человечеством будущего коллективного сознания людей прошлых эпох и настоящего с целью ускорения прогресса человечества. Главной причиной подобной стимуляции может быть желание людей

будущего обеспечить ускоренный переход человечества на высшую фазу ноосферного развития, свободную от рисков самоуничтожения и глобальных катастроф.

НЛО и прочие геофизические загадки как косвенные свидетельства.

Взаимоотношения людей будущего с человечеством прошлого и настоящего должны иметь разнообразные формы. Помимо телепатических сеансов, должны осуществляться и прямые или визуальные контакты, регламентированные текущими историческими условиями. Открытые прямые контакты, очевидно, более оправданы на самых ранних стадиях развития человеческого общества, когда способности людей к абстрактному мышлению и восприятию нового еще недостаточно развиты. На этих стадиях менее опасны психологические последствия контактов и случайные конфликты. В более поздние периоды, особенно во времена развитой технологии и общественного сознания, для людей будущего предпочтительны завуалированные контакты на основе телепатической связи, а также скрытые наблюдения и постоянный мониторинг за человечеством. Для осуществления этих функций требуется постоянное пребывание большого числа людей будущего в различных местах и исторических эпохах прошлого Земли. То есть, необходим масштабный десант на машинах времени из будущего в прошлое и настоящее для сбора информации и контроля ситуации. Чтобы держать под постоянным контролем ситуацию на планете десантники из будущего должны располагать сверхмобильными летательными аппаратами, способными перемещаться с большими ускорениями и скоростями в атмосфере Земли и, при необходимости, невидимыми для земных наблюдателей. Характеристики подобных аппаратов, как нетрудно видеть, близки к параметрам НЛО — неопознанных летающих объектов или летающих тарелок, которые, по наблюдениям очевидцев, способны стремительно перемещаться по небу, вертикально приземляться и взлетать, излучать разноцветный свет и, главное, перевозить пассажиров — человекообразных гуманоидов. Подобный набор характеристик может означать только одно: НЛО — это летательные аппараты людей будущего, с помощью которых они перемещаются в земной атмосфере и космосе, выполняя свои командировочные задания. Иногда, по каким-то причинам, люди будущего выходят на открытый контакт с нашими современниками, и тогда достоянием гласности становятся невероятные встречи, в реальность которых, к сожалению, никто не верит. Временами НЛО людей будущего терпят бедствия и очевидцы становятся свидетелями катастроф подобной той, что произошла над тунгусской тайгой.

В связи с НЛО нельзя обойти вниманием тему Бермудского треугольника, которая связана с загадочными исчезновениями морских и воздушных судов в районе Бермуд. Статистика таких исчезновений явно указывает на то, что имеет место артефакт, не объяснимый естественными причинами: интенсивным трафиком судов и самолетов в этом районе Атлантического океана, частыми сильными штормами и ураганами, изменчивостью атмосферных и морских течений. Нельзя объяснить этот феномен и геофизическими причинами, например, наличием бермудской впадины в океане или аномалий гравитационного и магнитного полей. Как видим, феномен есть,

а внятных объяснений его нет. Проблема легко разрешается, если предположить что люди будущего располагают машиной времени и по своему желанию могут попадать в любую эпоху Земли и в любую точку, в том числе на мыс Канаверел. Может возникнуть вопрос: причем тут Канаверел? А вот причем. Если взглянуть на географическую карту, то можно увидеть, что Бермуды располагаются недалеко от мыса Канаверел. На этом мысе уже более пятидесяти лет располагается космодром США, с которого осуществляются запуски всех пилотируемых и автоматических американских космических аппаратов. Зная склонность янки к традициям, разумно предположить, что функции космического порта они сохранят за мысом Канаверел на долгие годы. Сохранятся они за ним и тогда, когда люди овладеют временем и пространством и создадут мощные генераторы энергии, позволяющие забрасывать и возвращать хроносолеты в любую точку пространства и времени. Эти генераторы будут трансформировать структуру пространства-времени на всем протяжении от места отправки машин времени до пункта их прибытия и осуществлять таким образом, хронокинез — перенос тел во времени. Попадание посторонних тел в область хронокинеза должно сопровождаться туннельным перебросом этих тел в другие времена и области пространства. Что и происходит в Бермудском треугольнике.

Массовая гибель растительности в Карбоне как косвенное свидетельство.

Современная геология объясняет образование ископаемых углеводородов как сложный биохимический процесс преобразования отмершей животной или растительной массы в высококалорийное топливо: нефть, газ, уголь, торф и горючие сланцы. Процесс этот длителен по геологическим масштабам и связан с выполнением ряда жестких условий относительно скоростей накопления и бактериального разложения гниющего органического материала, а также нанесения осадочных пород на органический пласт. Геологические исследования показывают, что наилучшие условия образования углеводородов были в карбоновом периоде, когда значительную часть суши Земли занимали болотистые леса из папоротников, хвощей и других крупных древовидных растений. Обедненная кислородом вода болот выступила тогда в роли охранителя гниющей органической массы от бактериального разложения, обеспечивая тем самым возможность накопления больших массивов органики, впоследствии ставшей удобным и необходимым горючим для человечества. Описанная схема образования углеводородного топлива в целом лишена изъянов и хорошо объясняет происхождение месторождений угля, торфа и сланцев. Некоторые сложности возникают только при объяснении образования уникальных месторождений угля, подобных Экибастузскому в Казахстане или Канско-Ачинскому в России. При знакомстве с характеристиками этих месторождений, поражают воображение масштабы запасов угля (десятки миллиардов тонн), толщины угольных слоев (600 и более метров) и малые глубины залегания (десятки метров). Поневоле создается впечатление, что кто-то заботливо заготовил идеальные «дровишки» впрок, в объеме, достаточном всему человечеству на столетия. Причем, столетий особых, критических, знаменующих переход мировой экономики от энергии сгорания невозможного углеводородного топлива к неисчерпаемой энергии термоядерного

синтеза. Не окажись в распоряжении человечества в нужное время в необходимом количестве запасов ископаемого топлива, такой переход стал бы невозможен. Также невозможным стало бы развитие человеческой суперцивилизации, способной покорить пространство и время.

Строгая наука затрудняется объяснить, почему на нашей планете игрой случая были созданы идеальные условия для формирования угольных пластов рекордной толщины и доступности. Ведь эти особые условия должны были сохраняться десятки миллионов лет, на протяжении которых одни и те же течения рек и мелководий морей должны были сносить останки растительности в места их вечного захоронения. Десятки миллионов лет в этих местах должны были выполняться строгие физико-химические нормативы антибактериального разложения растительной массы и идти сложный технологический процесс превращения отмершей органической массы в твердое топливо. Налицо четко спланированный и строго управляемый технологический регламент производства угля. Производства, в котором в роли Главного технолога выступила неразумная природа. Возможно ли такое? Скорее всего, вряд ли. Все становится на место, если в игру включить человеческий фактор — образование крупнейших месторождений угля на нашей планете целенаправленной деятельности людей будущего. При таком подходе естественным образом объясняются все спорные моменты массовой гибели лесов и образования гигантских подземных складов окаменевшей древесины в Палеозое. Становится понятной цель великого лесоповала. Люди будущего просто-напросто позаботились о своем благополучии. Они хорошо представляли потенциальные риски, угрожающие развитию земной цивилизации. Одним из таких рисков мог стать дефицит органического топлива, неминуемо приводящий к энергетическому кризису и краху техногенной цивилизации. Чтобы не допустить этого, люди будущего организовали в Палеозое планетарную заготовку и переработку древесины в высококалорийное твердое топливо. Возможно, у кого-то могут появиться сомнения в том, что такая грандиозная задача по силам даже человечеству будущего. Смею заверить, что это не так. Убедиться в этом несложно. Достаточно дать волю китайцам, и они за несколько лет на корню спилят и сплавят в Китай сибирскую тайгу в придачу с джунглями Юго-Восточной Азии. И сделают без машин времени, с помощью примитивной лесопильной техники.

Представленные выше косвенные свидетельства пребывания людей будущего в прошлом и настоящем не являются полными. Есть и другие свидетельства путешествий людей будущего во времени на машинах времени, в частности, феномен вымирания динозавров в Меловом периоде, который в силу своей значительности и популярности заслуживает отдельного рассмотрения. Но и без его рассмотрения приведенные доказательства достаточно убедительно свидетельствуют в пользу того, что наши далекие потомки овладеют временем и создадут машины времени, на которых смогут путешествовать по времени. При этом важно понимать, что помимо достаточно прозаических целей — познавательного туризма и развлечений — эти путешествия будут преследовать сугубо утилитарные задачи. Люди будущего будут вынуждены заниматься реконструкцией естествен-

ной эволюции жизни на Земле для того, чтобы линия развития *Homo sapiens* развивалась без особых проблем и осложнений. С этой целью они будут активно вмешиваться в ход биологической эволюции прошлых эпох, меняя ее характер и тенденции. В результате подобного вмешательства темпы развития разумной жизни на нашей планете должны резко ускориться и выйти на экспонентную зависимость, что обезопасит человечество от гибели в горниле планетарных катастроф. Свидетелями экспонентного ускорения нашей цивилизации мы и являемся сейчас. Что лишний раз подтверждает вмешательство людей будущего в нашу историю.

Об авторе

Родился в 1942 году. Детство и юность прошли в Смоленске, где закончил среднюю школу №7, ныне — гимназия Н. М. Пржевальского. В 1968 году окончил факультет теоретической и экспериментальной физики Московского инженерно-физического института по специальности «экспериментальная ядерная физика». Доктор физико-математических наук, профессор. В настоящее время работает в Институте физико-математических наук и информационных технологий Балтийского федерального университета имени И. Канта. Автор более 150 научных работ по физике околоземной плазмы, распространению КВ-радиоволн и информатике. С 2002 года член Русского ПЕН-центра. Автор познавательных книг для детей «Принцесса и звезды», «Великие греки, Космос и жизнь» и многочисленных рассказов и баек, опубликованных в различных изданиях.

Александр Смирнов

МЫСЛЬ

Я неподвижен. Я думаю. Я здесь уже зоны лет, и мысль течет неторопливо. Мне некуда спешить.

Я думаю, но я и ощущаю. Я улавливаю приход ночи и наступление дня, я чувствую, как дождь омывает меня и как солнце высушивает, любая мельчайшая дрожь земли пронизывает меня. Я впитываю мир в себя и осмысливаю его, но мир не ведаёт о том.

И мне холодно всегда, даже в самый яркий зной. Холодно оттого, что мысль моя одна витает в пространстве, не встречая ответной мысли иной.

Но однажды что-то происходит: воздух слегка нагревается без видимой причины, а почва вибрирует словно при отдалённом землетрясении. Я понимаю — рядом появился некий объект, наверное, большой, хотя пока не могу осознать его. Однако я чувствую его, чувствую непрерывно, ведь объект излучает легкое тепло мысли. Это не полноценная мысль, нет, скорее, это разрозненные звуки мысли, мыслехаос. Но мой разум просыпается и пытается найти крупицу смысла в информационном шуме, и я волнуюсь.

Спустя некоторое время от большого объекта отделяется объект поменьше. Тут же крупный объект исчезает из поля умозрения, и я соображаю, что он лишь инертная оболочка, а настоящий носитель мысли — вот этот, маленький. Входная информация упорядочивается, я уже могу выхватить отдельные слова и образы. «Планета», «исследовать», «содержание кислорода» — мало о чем мне говорящие фразы. Определённо одно — малый объект есть существо.

Целый день оно перемещается то ближе, то дальше, порой покидая пределы моего восприятия, порой надолго задерживаясь в какой-нибудь точке. Из обрывков мыслей я понимаю, что существо занято изучением моего пространства, «планеты», что бы это ни значило.

Так тянется день за днем. Но я умею ждать.

Я все лучше настраиваюсь на разум существа. Оно не может управлять мыслями так же, как я, они спонтанны и хаотичны. Существо живет вне эфира, используя для познания мира другие инструменты — оно «видит» и «слышит». Многие его мыслеобразы завязаны на зрение и слух, впрочем, для меня это бессмысленно, и я всеми силами пытаюсь встроиться в систему координат существа, представить зримую форму путем

непосредственного осязания и отраженной мысли, а звук — как некое подобие вибраций земли.

В какой-то момент мне кажется, что у меня получается — я вижу мешковатую фигуру с четырьмя выростами и круглым навершием. Таким существо мнит себя. Однако радость моя недолга — вскоре я вылавливаю образ прозрачного шара, и наблюдатель расположен в его внутренней полости. Как можно одновременно быть шаром и быть в нем? Я шлю один мысленный призыв за другим, но существо не дает мне ответа.

Я бьюсь над загадкой и никак не разрешу ее. Я упорен, хотя простого упорства мало. Наконец, само существо помогает мне. Завершив очередной этап исследований, оно берет и снимает с себя шар. Так это всего-навсего защитная оболочка!

Теперь мысли существа текут свободно, ничем не экранируемые. От интенсивности потока я начинаю разогреваться. Мне жарко, жарко, очень жарко. Количество образов зашкаливает, но я стараюсь поймать и обработать все и в итоге, не в силах справиться, банально перестаю думать. Я не ощущаю бега времени. Меня нет.

Я возвращаюсь в реальность. Существо воспринимается только отдельными мыслезвуками, похоже, оно опять скрылось в корабле — так называется его массивное вместилище, я уже знаю.

Нужно подготовиться к следующей встрече. Нельзя поглощать всю информацию без разбора — существо не контролирует себя, и это опасно. Так, что мне известно? Существо на корабле, существо на планете, существо среди других существ... Стоп. Отметить на будущее. Далее... Существо и приборы, какая-то мешанина абстрактных понятий... Остальное — практически белый шум. Так много данных, однако как же они скудны! Придется искать совсем другой метод. Пока — лишь наблюдать.

Внимание! Существо выходит. Аккуратно послушать, что оно собирается делать: приборы, состав почвы — неясно. Ждать, наблюдать. Останавливается, суетится. Поток мыслей структурируется — оно на чем-то сосредотачивается. Числа, значки — ерунда полная. И — восторг. Чему оно так радуется? Слушаю: почва пригодна для земледелия (земле-чего?) — толщина плодородного слоя — подлежащие слои — портативный бур... Резкие вибрации внезапно нарушают связь. Эй! Стой! Прекрати! Наступает тишина. Оно меня поняло? Пробую обратиться к существу, осторожно, но настойчиво прошу повернуться ко мне и приблизиться, приблизиться... Работает! Оно рядом и смотрит на меня. Ловлю мыслеобраз — для существа я плоский камень. Надо запомнить.

Я стремлюсь установить контакт с существом каждый раз, как оно покидает корабль. Транслирую ему мысли и образы, но наши системы восприятия настолько чужды друг другу, что максимум, чего мне удастся добиться, это примитивные реакции: повернуться, посмотреть на что-то, куда-то пойти. Я уже склонен думать, что настоящий диалог между нами невозможен. Тем не менее, я пытаюсь снова и снова.

Когда существо уединяется за экраном корабля, я анализирую мыслеобразы, собранные за день. Постепенно я узнаю о мирах, где побывало

существо (да, миров множество, и везде свои особенности — настоящее откровение для меня, которое я с трудом перевариваю), узнаю, откуда оно родом, что такое человек (существо — человек) и человечество. Осознавая, я проникаюсь исследовательским азартом, мне хочется ошутить все миры, особенно мир людей.

Но главное — я подбираю ключики к разуму человека и теперь спокойно выбираю интересное мне. Я больше не завишу от хаоса текущих мыслей. Кто бы мог подумать, что у столь развитого существа так слаба защита сознания. Правда, наиболее сокровенные мысли я стараюсь не трогать — это приводит к резкой реакции отторжения, разум человека надолго замыкается, а внешний поток мыслей засоряется совершенно нечитаемыми образами.

Последние дни подарили мне знаний больше, чем вся предшествующая вечность, но не научили, как добиться обратной связи, и я в унынии.

Между тем, экспедиция близится к концу, человек собрал всю требующую ему информацию о моем мире и готовится улетать. Возможно, планету признают пригодной для колонизации и сюда придут другие люди, хотя это когда еще случится и случится ли... Да, я ждал бесчисленные годы, но больше ждать я не могу.

Человек собирает оборудование, а я решаюсь на последний отчаянный шаг. Копаясь в сознании человека и впервые попав в его сокровенные мысли, я успел выхватить один образ, прежде чем сознание захлопнулось. Это образ другого человека, отмеченный как «Она». Тогда мне подумалось, что «Она» очень дорога для человека. И вот я посылаю ему картинку с предельной интенсивностью, на какую способен. Я хочу, чтобы «Она» появилась перед взором человека прямо сейчас, на земле моей планеты. И я добиваюсь своего — человек видит «Ее». Однако реакция катастрофична — он бросает приборы и в панике прячется в корабле. Даже сквозь оболочку я ощущаю волны ужаса, исторгаемого человеком, ужаса и сомнения в собственном здравомыслии.

Понимая, что, наверное, все потеряно, я продолжаю цепляться за призрачный шанс. Вкладывая все оставшиеся силы, я посылаю мысленные сигналы внутрь корабля. Мне очень холодно, так холодно, как не было никогда в моей долгой жизни. Препграда гасит сигнал, но я верю — что-то должно просочиться. Я не сдамся.

Возьми камень, возьми камень, возьми камень... Почувствовав, что привлек внимание, я меняю тактику. Я хорошо изучил человека и знаю, на чем можно сыграть.

Возьми камень — я тебе помогу — возьми камень — ты сможешь меня исследовать — возьми камень — ты же всегда мечтал сделать открытие, осчастливить человечество — возьми камень — я твое открытие — возьми камень... И так, и с вариациями, и без конца.

И — победа? Я ощущаю, что мысли человека становятся отчетливой — он покинул корабль.

Он подходит ко мне — я не прекращаю свой рефрен, — поднимает меня и кладет в сумку.

Да — победа! Я отправляюсь познавать новый мир!

Об авторе

Родился в Ярославле. В 2008 году окончил математический факультет Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, специальность «Прикладная математика и информатика». Кандидат физико-математических наук. Доцент кафедры теоретической информатики ЯрГУ.

Первые рассказы написал в 6 лет. В 12 лет стал писать произведения, которые впоследствии были опубликованы. Печататься начал в 2007 году. Имеется более 130 публикаций в различных изданиях России, Украины, Беларуси, Казахстана, США, Канады, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, Германии и Финляндии («Машины и Механизмы», «Очевидное и Невероятное», «Экология и жизнь», «Техника — молодежи», «Журнал ПОэтов», «Юность», «Нива», «Второй Петербург», «Вокзал», «Крылья», «Черновик», «Жемчужина» и мн. др.). В литературном приложении «Знание-сила: Фантастика» № 3/2008 опубликован рассказ «Сеть», в № 1/2011 — рассказ «Пять шагов», в № 1/2015 — рассказ «Сжатый мир», в № 1/2018 — рассказ «Отражения», в № 1/2019 — рассказ «Экспедиция на Япет», в № 2/2019 — рассказ «Герой».

Игорь Харичев

Очередная война с американцами

Во вторник после обеда Россия объявила США очередную войну. Имела на это полное право — пять лет прошло с предыдущей. Начало было назначено на март. В один из дней этого месяца российские войска должны были внезапно напасть на американские. Первые располагались на Востоке африканского континента, вторые — на Западе. После глобального потепления там не осталось ни жителей, ни животного мира, ни растительности. Прекрасное место для ведения войн.

Новые танки, самолеты, ракеты были размещены на большой территории в полном соответствии с хитроумными планами генерального штаба. Командующий российскими войсками очень важный генерал Мороз доложил президенту Утину о готовности к нападению на американцев. По имеющимся разведанным, янки не слишком активно готовились к очередной войне, хотя март уже был не за горами. Сказывалась расслабленность после победы пять лет назад.

Президент издал секретный приказ: начать войну восьмого марта сразу после завтрака. Он еще помнил, что много лет назад именно восьмого числа третьего месяца праздновали Международный женский день, но позже его отменили по настоятельному требованию феминисток.

Очень важный генерал Мороз мог управлять войсками из Мурманска или Анадыря, где еще оставалась возможность прогуляться вечером в прохладе, но он пожелал присутствовать в Африке. Будто это что-то меняло. Пришлось командующим родами войск, их замам, уйме дошлых штабных крыс и всяких напыщенных адъютантов тащиться туда, где только в специальном бункере и можно было находиться. Попробуй, сунься в пятьдесят пять градусов по Цельсию. Подчиненные невесело шутили: «Президент напустил на американцев Мороза, а нам жариться».

В принципе, очень важный генерал ничем не рисковал — известно, что президент Утин никого не наказывал за промахи и ошибки. Но генералу хотелось доказать всему миру, что поражение, понесенное пять лет назад, было досадной случайностью, что самый лучший стратег и тактик на Земле — он. Пребывание в бункере неподалеку от театра военных действий давало ощущение большей причастности к тому, что происходило там, где шли в решительную атаку танки, шныряли снаряды и ракеты, носились как угорелые самолеты. Иногда он отдавал какие-то приказы, которые главный искусственный интеллект Российской армии тут же переводил на китайский, поскольку искусственные интеллекты в танках, ракетах, снарядах, самолетах понимали только по-китайски — а как иначе, если всё вооружение вместе с мельчайшей начинкой производили в Китае. Простенький винтик, и тот был китайским, что уж говорить про сложные микросхемы.

Поскольку американские ракеты, самолеты, пушки, танки тоже были китайского производства, победу могло обеспечить лишь превосходство тактики и стратегии. Правильная тактика давала местные успехи, а правильная стратегия призвана была принести победу. Так что на деле имело место сражение российской и американской военной мысли.

Миллиарды зрителей с великим азартом следили за ходом войны. Объемное телевидение показывало ее в малейших деталях. Поначалу она шла с переменным успехом, но через две недели перевес российской армии стал очевиден. У нее осталось немного танков и самолетов после того, как все американские были уничтожены. Утин в торжественной обстановке поздравил очень важного генерала Мороза с победой и вручил ему самый большой орден. Ощущение радости подпортили блогеры, уверявшие, что имел место договорняк: в прошлый раз победу отдали США, чтобы на этот раз она была за Россией. Но стоило ли обращать внимание на грязный навет?

Журнал **ЗНАНИЕ-СИЛА** в электронном виде

Купить электронную версию журнала:

Аймобилко www.imobilco.ru Ай мобилко

ЛитРес www.litres.ru ЛитРес:
ОДИН КЛИК ДО КНИГ

Рукопт rucont.ru ПРЕССА
по подписке

Подписка на электронную версию:

Пресса.py pressa.ru ПРЕССА.RU

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ «ЗНАНИЕ – СИЛА»

Дорогие наши читатели! Оформляйте подписку на «ЗНАНИЕ – СИЛА» непосредственно в редакции, доставка «Почтой России», стоимость на 6 мес. – 1800 руб., на 12 мес. – 3600 руб. (включая НДС). Подписку можно оформить с любого месяца с получением номеров с начала года. Также в редакции можно приобрести архивные номера.

Банковские реквизиты:

Получатель: АНО «Редакция журнала «Знание-сила» ИНН: 7705224605

р/с: 40703810738250123050 в банке: ПАО «Сбербанк»

БИК: 044525225 к/с: 30101810400000000225

Укажите в графе «назначение платежа», какой вариант подписки вы выбрали.

Во всех отделениях Почты России можно подписаться на журнал по каталогам подписных агентств:

РОСПЕЧАТЬ – 70332, 71391 (годовая), 73010 (юр. лица);

КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ – 99125, 99421 (годовая), 99420 (юр. лица);

«ПРЕССА РОССИИ» – 44361, 45362 (юр. лица);

КАТАЛОГ «ПОЧТЫ РОССИИ» – П1808, П3873 (юр. лица).

Дополнительную информацию можно получить:

- на сайте журнала: www.znanie-sila.su;
- по телефону: 8 499 235-89-35
- или электронной почте: zn-sila@ropnet.ru

ЗНАНИЕ-СИЛА

Умный?

Читай журнал

ЗНАНИЕ-СИЛА!

www.znanie-sila.su

